

ЖРИСТОС-
это свобода!

+

Архимандрит Андрей (Конанос)

Архимандрит Андрей (Конанос)

Христос – это свобода!

Издательство Сретенского монастыря

Москва, 2019

УДК 271.22(495)-1

ББК 86.372-4

A65

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-901-0032

Андрей (Конанос), архимандрит

A65 Христос — это свобода! — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-7533-1511-3

Архимандрит Андрей (Конанос) — знаменитый в православном мире миссионер-проповедник. Крупнейшая церковная радиостанция Греции «Пирейские митрополии» в 2003 году запустила авторскую программу архимандрита Андрея Конаноса «Невидимые переходы». Архимандрит Андрей вел лекции на различные церковные темы, отвечал на вопросы радиослушателей, нашел подход к каждому из них, разговаривал на понятном для всех языке. Теперь греческий проповедник продолжает миссионерскую деятельность в интернете, ведет онлайн-дневник, в котором размещает свои проповеди. Он обладает великим даром убеждения и все наставления облачает в доступную для понимания форму, объясняет непостижимые вещи самыми простыми словами, поэтому его слово находит мощный отклик в сердцах людей по всему миру.

Для широкого круга читателей.

УДК 271.22(495)-1

ББК 86.372-4

ISBN 978-5-7533-1511-3

© Андрей (Конанос), архим., 2019

© Сретенский монастырь, 2019

Быть с Богом

Повседневность не мешает нам почувствовать Господа, достаточно лишь иметь чистую и спокойную совесть, мир в душе, иметь Христово благословение в повседневной жизни, в том, что мы делаем. И ты, почтенный человек, почтенная мать, трудящаяся по дому или в офисе, на любой работе, ты изо дня в день все готовишь, чистишь, моешь, подметаешь, но ты тоже не обижена Богом, и ты не обижен Богом.

Ты не творение иного Бога, Господь и тебя создал с тем же невероятным и превосходным предназначением — познать Христа, Которого любят все великие святые, чтобы и ты полюбил Его. Господу, проходящему сквозь закрытые двери, никакого труда не составляет найти тебя там, где ты есть: на кухне, с бельем, которое стираешь, когда ты вяжешь, наводишь порядок, делаешь покупки, — и там тоже находится Христос, среди нас, в нашей повседневности.

Те, у кого есть дети, старательно и искренне трудятся, ожидая чего-то лучшего; они не знают, чем именно будет это лучшее, но надеются испытать нечто хорошее, а подсознательно они ищут Христа, исполняющего все благие желания честного человека. Эти люди в какой-то момент тоже могут почувствовать Христа, и это уникально и делает нашу жизнь ценной. Эта жизнь обретает ценность, когда мы немного почувствуем Христа, познаем и ощути́м Его.

Архимандрит Софроний (Сахаров), ученик преподобного Силуана Афонского, писатель его жития, говорит, что, когда он жил в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе Афон, духовник велел ему выучить греческий язык, чтобы отвечать на корреспонденцию греческого правительства, иных греков, писавших в монастырь, потому что у них все говорили на русском. А отец Софроний очень любил молитву, у него имелось ощущение Господа, и он сказал своему духовнику:

— Отче, если придется учить греческий язык, мне надо будет иметь словари, читать, изучать грамматику, но это отвлекает внимание, и я боюсь, что утрачу молитву, потеряю Христа ради того, что вы мне велите делать. Можно ли мне этого избежать?

— Нет, дитя мое, — ответил ему духовник, — ты сделаешь то, что я тебе говорю. Выучишь греческий и увидишь, что если будешь делать это со смирением, любовью, послушанием и доверием, как говорит святой апостол Павел: словно делаешь это для Господа, как для Самого Христа (ср. Кол. 3, 23), то почувствуешь Христа в том, что будешь делать.

Архимандрит Софроний оказал послушание и перестал читать книги «Добротолубия», постоянно молиться по четкам, как делал это раньше, и стал читать учебники, учить глаголы, выполнять упражнения по синтаксису, грамматике. И когда он уже думал, что не почувствует Христа и лишится того благого чувства, которое имел в душе, он вдруг почувствовал в точности обратное — душа его преисполнилась еще большей любви ко Христу, и он весьма сильно ощутил Господа рядом с собой.

Таким образом, повседневность не мешает Христу войти в твою жизнь. Не важно, что ты ученик, студент, трудящийся, что работаешь в супермаркете, магазине или где бы то ни было еще, даже если будут иметься внешние раздражители, то тебе уже ничего не мешает, все то, что ты слышишь: эти звуки, шум, машины, движение. Но в душе у тебя имеется тайное пространство, очень тихое, очень бесшумное, куда не может проникнуть ни один звук из мира сего: там лишь сильный ветер Утешителя, Святого Духа, этот глас Святого Духа, который ты можешь услышать, даже если будешь находиться в чрезвычайно шумных Афинах.

В душе у тебя есть такое пространство, которое предназначено только для Христа, и если Христос увидит тебя готовым, смиренным, что ты трудишься честно там, где ты есть, Он придет и найдет тебя. Даже если ты не будешь совершать дел чисто духовных. Это очень большое заблуждение, порой преобладающее в нашей христианской жизни, — думать, будто Господь наш близок к нам в духовных вопросах, другими словами, только в те два часа воскресной литургии или в те несколько минут, когда мы

молимся утром и вечером, когда читаем что-нибудь духовное, и на этом все. Это ошибка. Господь присутствует в нашей жизни не только в определенные моменты. Разве только одна часть нашей жизни духовна? А другая что представляет собой?

И что значит духовная жизнь? Это жизнь, облагодатствованная Святым Духом. То есть, извини, что, Святой Дух облагодатствует твою жизнь лишь в редкие моменты? Ты что, раздробил свою жизнь? Ты разделил свою жизнь на части? И говоришь: «Эта часть принадлежит Богу, эта работе, эта еде, эта сну, а эта уборке»? Это напоминает мне одного ребенка, игравшего на школьном дворе, который то и дело изрекал непристойные слова. Я сказал ему:

— Смотри, что говоришь, потому что ты говоришь неприличные слова.

— А-а-а, отче, — сказал он, — сейчас же у нас не урок религии! Мы же сейчас играем!

И я сказал ему:

— То, что ты делаешь, — ошибка.

Это ошибка — не верить, что Христос может войти в то место, где ты тренируешься, туда, где играешь с друзьями, туда, где работаешь, всюду, где ты есть: в спальню, на кухню, куда угодно.

Ты можешь представить себе, чтобы Господь отсутствовал даже один миг в твоей личной жизни? Неужели ты веришь в такого Христа, Который не входит в твою жизнь, в твою повседневность, туда, где ты со своими детьми, со своим супругом, что бы ты ни делал? То есть ты что, разделил жизненные дела на хорошие и плохие, на честные и нечестные? Христос всегда должен

отсутствовать, если ты делаешь что-нибудь греховное, и ты всегда должен избегать этого греховного дела, но если то, что ты делаешь, не плохо и не греховно, тогда неправильно будет выводить Господа из этих деталей своей жизни.

Мы «отрезали» Христа, считаем духовным только то, когда говорим на богословские темы. Но духовно говорить может какой-нибудь духовник, даже если он ничего не станет говорить о Боге. Он будет говорить о других вещах, а между тем среди его шуток, прибауток и еще чего-то, касающегося актуальности, все его слова напоятся присутствием Христа. Впечатляюще, что старцы и святые, жившие в прошлом веке (старец Порфирий, старец Иаков, старец Паисий, все эти духовные люди), говорили не только о Господе: они произносили забавные шутки, говорили о чем-то, связанном с действительностью, с историей, последними новостями, и во все вкладывали Господа, Христа.

Это нечто великое — Господь входит и является нам в повседневности. Все духовно, все свято в благодати Святого Духа.

Святой Дух наполняет всю вселенную, у всего есть свое бытие, и все существует потому, что Святой Дух напояет его и поддерживает в нем жизнь. Даже игры ребенка. Когда твой ребенок играет, Бог покрывает его, и это движение ребенка, которое представляет собой игру, является духовным движением, оно — в благодати Святого Духа.

Молитва — это прямая связь с Богом, и что бы ты ни делал, все это содержит в себе Божию благодать. Когда ты

подрабатываешь извозом, разве это не духовное действие? Поскольку ты делаешь это со страхом Божиим, а не просто, чтобы принести деньги своим домочадцам, — разве это не любовь, не смирение? А туда, где есть смирение, разве не привлекается Божия благодать? Там все облаго-датствовано и освящено.

Давайте же с этого момента перестанем раздваивать свою жизнь и говорить: «Сейчас я принадлежу Христу, а сейчас — мирской жизни». Это ошибка. Некоторые люди приходят из церкви, снимают нарядную одежду, надевают другую, моют машину, начинают другую жизнь и думают: «Поскольку закончилась святая литургия, то я могу сейчас сквернословить, говорить по-мирски, отпускать грязные шутки, говорить без благоговения и уважения, которые были у меня прежде, ведь здесь же не церковь!»

Но церковью может стать и твой дом, твой автомобиль, твоя комната, что бы ты ни делал. Пусть же наша жизнь не уподобляется рынку, на котором продается куча всякой всячины, а в уголочке стоит дама, продающая ладан. Среди всей этой прорвы вещей есть кто-то, кто продает немножечко ладана. Так мы думаем и о своей жизни, так думаем о Церкви, будто Церковь — это что-то такое, что мы найдем в уголке своей жизни, найдем среди хаоса мира в уголочке, а все остальное не имеет значения. Нет. Церковь — она во всем. Она то, что наполняет все мои проявления, самовыражения, все мои труды: политику, историю, искусство — все — благодатью Божией, и все становится поводом к тому, чтобы явился Христос.

Вот как человек может увидеть Христа, когда копает в своем саду и дышит пылью, — тогда душа его смиряется,

и он помнит, что он прах, земля. И надо, чтобы в этой пыли он увидел творческое дыхание, которое Бог вложил в него. А чтобы все отводило нас от мира и приводило к Богу, то есть чтобы все это становилось для тебя средством восхождения к Богу от того, что ты видишь, достаточно одного — чтобы ты был искренним. Все это будет, если есть искренность в твоей жизни, если есть настоящее желание, настоящий поиск Бога, — тогда Христос придет, чтобы найти тебя, что бы ты ни делал.

Христос найдет тебя в какой-то момент. Ты не веришь во Христа? Если не веришь, но у тебя есть хоть немного благого произволения, то помолись Ему, чтобы Он пришел и нашел тебя. И Он придет. Взыщи у Христа Его присутствия и скажи Ему:

— Господи, я слышал, что Ты существуешь, слышал о Тебе. Я сам не могу Тебя почувствовать, я не верю в Тебя, но хочу, чтобы Ты меня нашел! Я сам не могу. А Ты можешь, Ты должен прийти!

Как я могу понять Бога? Как мой ограниченный ум может постичь неограниченного Бога, как моя душа может почувствовать Христа, Который выше сего, о чем мы думаем и что делаем? Первое движение принадлежит Ему. Он нас возлюбил, Он первым сделал это движение к нам, чтобы полюбить нас. Но, чтобы сделать это движение, Он должен найти Себе место в нашей душе — найти настоящий поиск, даже настоящее сомнение, настоящее стремление с нашей стороны найти Бога.

Преследуйте Бога: Он отбегает от нас для того, чтобы мы поискали Его лучше. Бог отбегает от нас потому, что это динамическое, а не статическое состояние.

Бог — Личность, Которая отбегает от людей, привыкших к легкому, удобному, привыкших искать Бога при всей своей греховности, но Бог удаляется оттуда. Достаточно одного помысла, говорит святой Силуан Афонский, чтобы прогнать Христа, одной плохой мысли: ревности, ненависти, неприязни, презрительного взгляда на другого — уже одно это отгоняет Христа. Однако если в тебе есть настоящая искренность и жажда увидеть Господа, то Он тебя найдет, даже если ты запутаешься, даже если поколеблешься, даже если немного утратишь веру, но наступит момент, когда Христос тебя найдет.

Когда увидишь Христа, когда обретешь личный опыт, когда почувствуешь прикосновение Христа к своей душе, как чувствуешь прикосновение человека, ты поймешь, что то, что ты видел, не ложь. Ты убедишься, душа твоя убедится очень твердо. Это и значит иметь благое произволение, искать искренне Христа, и тогда ты Его реально увидишь, так как Он захочет приблизиться к тебе.

Я не знаю способа, каким Он найдет каждого, но это будет нечто очень сильное, такое, чего никто не сможет поколебать в тебе. Другие будут говорить тебе разное, а ты будешь думать: «Ну что они говорят мне?»

Представьте себе двух супругов, любящих друг друга, они влюблены, и тут пришел какой-нибудь чужой человек и стал городить им всякую ерунду. Но когда есть пламенная любовь, то, что бы ни сказали тебе другие, ты не понимаешь, что они тебе говорят, их слова тебя не трогают, потому что ты витаешь где-то в другом месте, ты живешь чем-то другим, ты живешь своей любовью, счастьем, и слова людей тебя не трогают. Ты говоришь им:

— Я тебя не понимаю. Я вас не понимаю, что вы мне говорите? Я не могу вас убедить и даже не хочу убеждать. Если вас не убеждают моя радость, мое лицо, счастье, ну, тогда я уже ничего не могу сделать! Хотите — понимайте сами!

Конечно, это видение лица Христа, опыт Христа, этот осязаемый опыт приходит через отношения с нашими братьями, то есть мы не можем обойти своего брата и пойти напрямик ко Христу. Поэтому важно, как ты находишь общий язык с другими: если у вас хорошие отношения и ты любим, дружелюбен, смирен, снисходителен, не гневаешься, не яришься, не говоришь резко, тогда ты реально открываешь Ему путь, чтобы Он появился в твоей жизни.

Поэтому в своих соборных посланиях святой Иоанн Богослов говорит, что нельзя любить Бога, не любя брата своего, которого видишь рядом и не воспринимаешь как близкого человека. Бог нечто далекое, ты Бога не видишь, так как же говоришь, что у тебя живая вера и ты любишь Бога, если ты Его не видишь, а огорчаешь брата своего, которого видишь?

Господь говорит нам: «Даже молитвы вашей не желаю, если между вами нет мира (ср. Мф. 5, 23–24). Ты пойдешь и помиришься. Ты не можешь приносить Мне даров в церковь, не можешь приносить в храм просфор, свечей, елея, приносить всех тех даров, которые приносишь, и не быть в дружбе с другим, но хотеть почувствовать Христа. Ничего ты не почувствуешь. Ничего».

Бога невозможно купить, опыт Христа невозможно купить. Господь предпочитает, чтобы мы любили друг

друга, сначала мы, люди, а затем Он принимает наше служение и является в нашей душе.

Поэтому Господь часто открывается в образе обычных людей. То есть люди видели своего ближнего и в нем чувствовали Христа, через своего ближнего видели ответ, который дает Христос, где скрывается само присутствие Христа. Помните пример, где одна женщина сказала:

— Господи, приди, найди меня!

И вот пришли три гостя, три бедных человека, а она захлопнула перед ними дверь.

Вечером женщина эта думала: «Христос не пришел! А обещал, что придет, чтобы открыться мне!» И Господь говорит:

— Там был Я. В этом бедном человеке скрывался Я. А ты закрыла дверь.

Господь входит в людей, которые рядом с тобой. Ты не можешь полюбить ближнего, человека, а хочешь почувствовать Христа? Это очень трудно. Поэтому святой Силуан, превосходный святой, очень любимый святой, любимый многими христианами, говорит, что для того, чтобы почувствовать Христа, существует удивительный критерий — это любовь к врагам. Если любишь врага своего, всё! Если любишь врага своего, ты непременно увидишь Христа!

Самое совершенное — не иметь врагов. А у нас реально и нет врагов. Если хорошенько подумать, что значит враг, то мы увидим, что врага не существует: единственный враг — это диавол и наше скверное «я». Никто нам не враг. Бог позволяет всем людям войти в нашу жизнь, притеснять нас, чтобы помочь нам, — они в этом не

виноваты, это мы виноваты, что мы злы и вступаем в этот процесс злобы, мести, ненависти, зависти. Никто не плох.

Итак, когда научишься любить брата своего, тебе легче будет почувствовать Христа, и это весьма сильно и хорошо. Многие люди чувствуют Христа, но больше всего те, кто испытывает боль. Те, кто испытал боль, кто испытывает боль, и спектр и масштаб этой боли очень велик. Боль — это когда у тебя болит зуб, болит голова, у тебя головокружение, когда ты страдаешь от бессонницы, не можешь спать, когда у тебя какая-нибудь болезнь: ты страдаешь почками, тебе регулярно делают уколы, ты часто ходишь в больницу. Боль — это химиотерапия, лучевая терапия, тяжелая беременность, когда женщина бывает вынуждена оставаться прикованной к постели по несколько месяцев, и все это время она почти не будет двигаться. Боль — это паралич, это все, что вызывает внешние страдания, что гнетет нас внутренне и притесняет.

Все испытывают боль, нет человека, который не испытывал бы боли, однако не все видят Христа, потому что боль не приносит плода, если ты не примешь этот Божий дар со смиренным расположением. Если ты испытываешь боль, но ропщешь, хулишь, говоришь: «Почему это со мной случилось!» — и нервничаешь, то исключено, чтобы ты увидел Христа посреди боли. Не сказано, будто тот, кто испытывает боль, спасется, но тот, кто испытывает боль смиренно, благоговейно, как должно, как подобает Богу, как подобает отвечать Богу, — этот человек сквозь боль увидит Бога.

Боль дает знание, Божественное просветление и Божественный опыт. Много раз Сам Господь, Пресвятая

Богородица и Ангелы являлись людям, которые испытывали боль оттого, что были оклеветаны, являлись людям в больницах, в реанимации, — таким людям являлись святые и Сам Господь в болезни. Потому что Он видит, что ты беспомощен, безутешен, то есть неутешим, и приходит, чтобы утешить тебя, Тот, Кто есть Утешитель. Ведь Утешителем является не только Святой Дух, Утешитель и Господь, и Бог Отец, вся Святая Троица является Утешителем и утешает нас.

А кто-то в сильной агонии и боли видел своего духовника, как он преображается и становится подобным Христу. Об этом пишет преподобный Силуан, это произошло на Святой Горе Афон: он видел своего духовника, как он уподобляется Христу. А другой видел священника на святой литургии, что он уже выглядит не как священник такой-то, а как Христос.

Почти естественно видеть чудо во время таинства. А видеть Христа в своей личной боли — это потрясающее чудо, это парадокс, которого ты не ждешь. Видеть Христа на святой литургии — тогда ты говоришь: «Да, я понимаю это». Но увидеть Христа в отделении интенсивной терапии, в больнице, где все тебя оставили и ты один лежишь в больничной палате, — этот вид Христа там дивен и весьма утешителен.

Одна монахиня видела Христа живого в Святом Причастии, то есть чувствовала Христа, и старец Паисий сказал о ней:

— Она, без сомнения, таит какую-то боль.

Он позвал ее и сказал напрямик:

— Поговори со мной, Расскажи мне о себе!

И она рассказала ему о некоторых своих проблемах, бывших у нее дома, с родителями, которые ранили ее душу, но она им не возражала, не обвиняла никого, проявляла огромное терпение день и ночь, пока годы не прошли и они не умерли. И старец Паисий говорит:

— Вот сейчас всему нашлось объяснение, сейчас я понял.

Эта монахиня потому чувствовала Господа, что согласилась на то, чтобы испытывать боль. Она испытывала боль не протестуя.

Боль дает Божественное знание, дает Божие знание. Сейчас мы проходим теорию: когда слушаешь передачу, ты еще не познал Христа. Да, может произойти какой-нибудь невидимый переход: Господь и из слов людей или из какой-нибудь передачи может сделать плавный переход к нам, но это только наводит тебя на мысль, что что-то происходит, что-то имеет место, чтобы ты сам попытался найти «многое». Я даю тебе «малое», легкий намек на чудеса и присутствие Христа, а ты стремишься увидеть, взять, насытиться, вкусить не это малое, что дает одна передача, что дают слова, а то изобильное, бескрайнее, что дает Христос.

Все это, все эти дары Христа, приближение ко Христу происходит внезапно там, где ты его и не ждешь. Ты не можешь провести границу и ограничить Бога и сказать: «Сейчас я хочу сделать вот это, и я Тебя почувствую. Сейчас я хочу, чтобы Ты пришел, сейчас хочу, чтобы Ты мне явился!» Нет. Господь является неожиданным образом, не существует способа, тактики, метода, где ты сделаешь пять движений, как говорят философские и парарелигиозные

движения — йога, буддизм, — в которых существуют разные уровни: первый, второй... а на пятом ты просветляешься, ты уже достиг просветления.

В Церкви не существует ничего подобного, Божия благодать не вмещается в схемы, Христос не вмещается в схемы, не входит в границы, которые ты хочешь провести, а приходит внезапно, как говорит святой Исаак Сирин*. Внезапно, там, где ты Его не ждешь. Это не плод техники, а зависит от твоей борьбы. Нет ничего абсолютного, predetermined, предвидимого, Бог непредвидим. Там, где ты не ждал, приходит Христос; там, где ты начинаешь отчаиваться, Господь неожиданно появляется и удивляет тебя.

Вспоминаю, что на Святой Горе Афон один подвижник сказал мне:

— Я, особенно за последние три года, утратил ощущение Бога, не чувствую Христа. Раньше чувствовал Его. Он внезапно пришел, и так же внезапно Господь пожелал меня оставить. Для чего? Чтобы я научился Его любить без того, чтобы Он давал мне ощущение Своего присутствия, чтобы любил Его, веруя; чтобы я просто верил, не смотря на то что подвигаюсь, не чувствуя многого, что душа моя иссохла, стала похожей на пустыню, на Сахару. Я как пустыня тут, где живу, на Святой Горе. Я подвигаюсь, но у меня нет ни одной слезы, я молюсь и чувствую, что Господь не дает мне того, что давал. Однако Он Бог, и я не могу вложить Бога в свою схему. Если хочет, Он придет, и когда хочет, тогда придет. Спустя какое-то время

* *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Слово 18.

снова пришел этот Божий дар, хоть я вел ту же борьбу. Господь знает, как и что, во всяком человеке. Иной постится много и не чувствует ничего, а другой может есть и славить Бога, пить и спать, но Бог может подавать ему богооткровенную любовь. Дух дышит, где хочет, Святой Дух, Христова благодать и Его присутствие направляются туда, куда Он Сам хочет.

Когда мы почувствуем Господа, мы поймем Его и перестанем спрашивать, существует ли Христос, потому что лично будем ощущать Его. А о том, что существует, ты уже не спрашиваешь, существует ли оно. Никто не спрашивает о своей матери: «Существует ли моя мать, она ли моя мать, она ли это?» Он это чувствует, у него есть внутреннее извещение и убеждение, он ощущает это своими клетками, своим дыханием, что это мать к нему прикоснулась, что она его мать. Это его отец, это его братья, это его дом.

Когда Христос станет нашим домом, когда Он станет нашим пространством, нашим Человеком, нашим Другом, Господом и Богом нашим, тогда недоумения исчезнут, и на их место придет огромное удивление. Придет бескрайнее славословие, мы будем чувствовать Господа и радоваться, что в Афинах, посреди этого движения, автомобилей, деятельности, в своей повседневной жизни мы живем вечным, абсолютным, совершенным, превосходным, и тогда мы поймем, для чего Бог привел нас в мир, — именно для того, чтобы мы Его познали и полюбили.

Не существует другой причины жить по 90–100 лет на этом свете, все остальные причины — это вспомогательные ступени, вспомогательные способы, чтобы привести

нас к этой конечной цели. Если хотите, чтобы я убедил вас в том, что говорю, то посмотрите, сколько продолжается все, что мы считаем целью. В какой-то момент это проходит и оставляет нас. А Христос и Его любовь никогда не прекращаются, потому что Он — Цель, Он — абсолютное Благо, совершенный Дар.

Да даст же нам Господь этот дар, будем простирать руки, ища этого дара. Пусть наши руки будут такими чистыми и такими пустыми, чтобы они могли преисполниться этого дара и чтобы мы могли удержать его, чтобы чтить его и передавали миру с любовью ко всем.

Пресвятая Богородица сказала старцу Парфению в видении, что стать монахом значит освятить себя ради всего мира, стать святым. Что значит святым? Посвященным Христу: чтобы в любом делании чувствовать Христа — к своему бескрайнему счастью и в благословение всего мира. Когда ты свят, когда ты чувствуешь Христа, ты получаешь от этого пользу, но точно так же ты — великое благословение для мира, великий дар земле. Ты невидимым и видимым образом оказываешь пользу всем — что Бог ни призовет тебя делать в жизни.

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Нужно убрать зонтик, который мы держим над душой

Однажды на Афоне я пел на клиросе с одним монахом. Вдвоем мы держали книгу с текстами, и я обратил внимание на его руку, огрубевшую от тяжелых работ на послушании. У этого монаха были такие руки, которые, наверное, сколько ни мой, не очистятся. Ведь он целыми днями работал: ухаживал за больными, трудился в саду, мыл, стирал, строил, готовил — выполнял любую работу. Под ногтями у него была грязь, но, представь себе, эта грязь показалась мне чистой! Потому что это была не та грязь, которая вызывает чувство брезгливости, а грязь, при виде которой ты испытываешь благоговение и умиление. Это особая, смирительная грязь. Я взглянул и на свою руку — очень чистую и во время пения сказал этому монаху:

— Отче, посмотрите, какая рука у вас и какая — у меня.

Он ответил мне:

— Не думай об этом. Ты живешь в Афинах, и чего ты хочешь? Быть как я? Здесь другие заботы. Ты на своем месте, и я на своем. Давай петь!

Мы стали петь, а я смотрел на его руку и думал: он попадет в рай, потому что столько всего сделал для Христа. А я ничего, ничего подобного не сделал! Веду ленивый христианский образ жизни. Потому мы и плохие христиане, что нам ничего не стоит быть ими. Мы живем легко, не трудясь, в расслаблении, и думаем, что мы христиане. Но мы не христиане.

Христианин — это мученик, жертвующий собой для Христа и готовый все отдать за Его любовь. Если такой человек вдруг узнает, что нужен где-то, он забывает о своем комфорте, удобствах, сне, отдыхе. Его чувствительная душа моментально реагирует на такие вещи. Например, я знаю людей, которым нельзя лишний раз говорить о том, что кто-то болен, потому что этот человек тут же скажет:

— Пойдем навестим его!

— Но какое тебе дело до этого человека? Ты его знаешь?

— Нет, не знаю. Но раз вы его знаете, значит, это хороший человек. Пойду навещу его.

И вот он навещает парализованную девушку, а потом говорит:

— Я приду к этой девушке еще раз. Я хочу ей помочь.

Вот это — аскетический дух. Человек любит Христа, но не на словах или на экране телевизора (то, что сейчас делаю я), не в теории, а на практике.

Ты говоришь, что в тебе есть любовь к Богу. Bravo! Но делаешь ли ты что-нибудь для Него? Почему ты не

Нужно убрать зонтик, который мы держим над душой

постишься, раз любишь Христа? Твоя любовь к Нему — теоретическая? Почему ты не трудишься во Имя Господа? Конечно, все это не должно делаться по принуждению. Потому что если кто-то велит тебе совершить какой-то поступок, а ты слушаешься этого человека через силу и противоречишь ему, то твое сопротивление показывает, что ты пока не понял смысла поступка, который предстоит сделать. Это — вопрос любви.

Поэтому ты и возражаешь: «Почему я должен поститься? Для чего мне это нужно?» Ну и ладно, придется больше не говорить с тобой на эту тему, больше мне нечего здесь сказать тебе. Желание и стремление должны идти изнутри. А если кто-то хочет насильно заставить тебя поститься, то пост превратится в мучение, тяжкое мучение. В таком посте нет смысла. Настоящий подвижник совершает свой подвиг потому, что хочет совершить его.

Демоны и страсти, которые одолевают тебя, никуда не денутся, пока ты будешь забрасывать их одним рахат-лукумом. Страсти можно уничтожить только атомной бомбой. Чтобы прогнать бесов, нужны мощные взрывы, и ты производишь такие взрывы своей жизненной борьбой и трудом. И тебе необходимо приобрести аскетический, мученический дух, если ты хочешь подвизаться.

Однажды я присутствовал на отчитке. Всего в своей жизни я был на таком молебне два или три раза, но эта отчитка оставила по себе особое впечатление.

Священник, обычно всегда читавший на этом молебне молитвы святого Василия Великого, в тот день отсутствовал. Молебен служил другой священник. И он сказал:
— Сегодня молитвы вам прочитаю я.

И люди ответили:

— Хорошо.

Поскольку каждый священник — посредник между Богом и человеком, эти молитвы обладают силой независимо от того, какой батюшка их читает. И в тот момент, когда другой священник начал читать, в одном из присутствующих заговорил бес. Демоны, конечно, могут лгать, но эта фраза имела истинный смысл. Бес проревел:

— Тот поп, который обычно читает молитвы против нас, постится и может с нами справиться. А ты, который не постился позавчера, как смеешь начинать против нас борьбу?

Священник стал читать молитвы.

Вообще на жизнь верующих не должны влиять подобные случаи, так как искуситель иногда может во всеуслышание заявить неправду, чтобы навлечь на человека беды и унижения. Но то, что сказал бес в этом случае, содержало истину — а именно, что пост мешает ему. Мешает бесу. И я рассказал тебе об этом в качестве примера.

Борения, труд, исповедь — все это духовные подвиги. И ты смиряешься, когда перестаешь возвеличивать себя, идешь к священнику и говоришь ему:

— Отче, ты думаешь, что я хороший, а кое-кто даже считает меня святым. И вот послушай, что я наделал! Послушай, о чем я думаю и как поступаю, я, добрый человек, с отличным «имиджем» среди соседей! Послушай, куда я пошел и как отнесся к такому-то человеку...

И таким образом ты смиряешь себя сам. Это ли не аскеза? Не труд? Не жертва Христу? Я приношу Ему в жертву мои страсти, мой эгоизм, мое хорошее представление

Нужно убрать зонтик, который мы держим над душой о самом себе. И когда ты так унижаешь себя перед Богом, Бог прославляет тебя. Так исчезают бесы.

Например, приходит ко мне одна девушка и говорит:

— Я хочу замуж.

Я говорю ей:

— Помолись!

— Ну, я молюсь, но у меня нет времени на молитву.

— Раз у тебя нет времени, значит, ты не воспринимаешь всерьез ни Бога, ни свою собственную проблему. Потому что, если бы твоя проблема казалась тебе серьезной, ты бы много молилась. А ты много молишься?

— Нет, не много.

— А что ты делаешь?

— В смысле, что делаю?

— Ну, что ты делаешь для того, чтобы выйти замуж?

Ходишь в храм? Постишься?

— Нет.

— Читаешь акафист Пресвятой Богородице?

— Нет.

— Читаешь Священное Писание?

— Нет.

— Ну и что? Чего же ты хочешь в таком случае?

— Я хочу, чтобы вы что-нибудь сделали.

Я помолюсь за эту девушку, но и в таком случае может произойти то, о чем я рассказывал тебе на примере с зонтиком. Я молюсь, и Бог посылает дождь на человеческую душу. Но человек держит над своей душой зонтик, и Божия Любовь снова не доходит до его сердца — из-за этого зонтика. То есть тебе нужно сначала сложить зонтик (как мы делаем это в церкви). И тогда душа твоя превратится

в ложбинку, и благодать прольется в нее благодаря твоему личному подвигу смирения.

Ты не можешь быть живым, здоровым и при этом ничего не делать. Нужно осуществить свой вклад. Только дьявол поступает так — бросает тебе какое-то блестящее чудо (хотя ты ничего не делал для того, чтобы получить его), оно ослепляет тебя на мгновение, а затем исчезает. То, что дает нам искуситель, всегда пропадает. А то, что нам дарует Христос — когда мы этого заслуживаем, когда мы приготовили себя к принятию дара через подвиг и мучительную борьбу, — прилепляется к нам, пропитывает нас насквозь и никуда потом не девается, не исчезает.

Не нужно постоянно сопротивляться. Сама жизнь научит тебя не делать этого. Священник говорит тебе что-то, а ты сразу же начинаешь: «А-а, как вы смее вмешиваться в мою жизнь? Как смее оказывать на меня влияние?» Ну а как в таком случае ты хочешь изменить свою жизнь? Живи сам и оставь всех в покое. Если ты не собираешься ничего делать, то чего тогда хочешь? С Богом нужно сотрудничать. Но если у тебя не хватает смирения на то, чтобы прислушиваться к словам и ты везде впихиваешь свое «я», свою логику, свой рационализм, который уничтожает тебя, то с таким подходом к жизни — с упрямством, сопротивлением, противоречиями — в ней ничего не изменится.

Старец Паисий говорил:

— Раньше можно было делать людям замечания, и они сразу же принимали их. А сейчас невозможно разговаривать с кем-то и делать этому человеку замечание.

Нужно убрать зонтик, который мы держим над душой

Потому что его душа не готова немного потрудиться и постараться.

Понимаешь? Это то, о чем я говорил раньше. Здесь разгадка. Мы постоянно упряимся: «Не портите мне имидж! Не меняйте мое представление о себе! Я хочу делать именно так, и мне это нравится!» Мы думаем, что поступаем согласно Божией воле, но чаще всего мы делаем для собственного удовольствия то, что нам нравится. То есть, прикрываясь волей Божией, живем по своей воле. Об этом нам рассказывал митрополит Месогийский Николай на студенческом собрании в университете.

Очень давно, будучи обычным служащим священником, он как-то исповедовал одну женщину. Эта госпожа строго постилась, но при этом курила. И об этом она рассказала ему в последний момент, потому что хотела причаститься на Страстной седмице.

— Отче, забыла сказать — я курю. Но при этом пощусь без растительного масла!

— Нет, тебе нельзя причащаться.

— Что вы такое говорите, отче?

Она требовала Причастия так, как будто имела на него все права, и настаивала на нем.

— Но я заслуживаю этого, почему мне нельзя? Ведь я пощусь без масла!

То есть человек постился без масла и считал себя полностью оправданным для того, чтобы приступить к Святому Причастию. Это ошибка.

Он сказал ей:

— Нет, ты должна бросить курить!

— Этого, отче, я не могу сделать. Только не это!

— Хорошо. Тогда ты должна сделать что-нибудь другое.

Эта женщина не хотела бросать курить. Она не хотела трудиться для Христа, не хотела духовно упражняться и подвизаться, понемногу уменьшая свое «я». Но что же делать в таком случае? Постоянно угождать себе?

И вот что сказал ей духовник:

— Итак, слушай. Раз ты не можешь бросить курить, то в Страстную Пятницу ты должна открыть все окна твоего дома и купить свежую, вкусную телячью отбивную!

— Ой, отче, что вы говорите? Как это?

— Ты распахнешь все окна, пожаришь отбивную, и запах от нее распространится на весь квартал. Тебя как высоко духовного человека это не будет волновать — ты сделаешь это за послушание духовнику, воспринимай это как приказ. А потом ты съешь эту отбивную и причистишься!

— Но я не могу! Это исключено!

Видишь, эгоист вообще ничего не может. Он вообще не в состоянии смириться. Он не может ни перестать курить, ни перестать поститься. Но прервать пост он не может не из любви к Христу — потому что, если бы эта женщина любила Христа, она бы бросила курить. Такой человек постится потому, что ему это удобно. В таком случае пост дает ощущение комфорта. Ведь невозможно, любя Христа, что-то быть способным делать, а что-то — нет. Как можно поститься без масла, но при этом продолжать курить? Но когда священник сказал женщине про отбивную, это сильно задело ее — задело ее благочестие и духовность. И она сказала:

Нужно убрать зонтик, который мы держим над душой

— Нет, это исключено, это невозможно. Прошу вас, отче, не надо! Хорошо, я попробую бросить курить.

А он ответил ей:

— Хорошо. А я тогда буду есть вареные кабачки и картошку, которые вообще не люблю. В Страстную седмицу я обычно ем сухофрукты, потому что они мне нравятся. Но ради тебя и я совершу небольшой подвиг — чтобы совершила и ты! У нас будет компромисс. Я ем то, что мне не нравится, а ты не куришь, чтобы причаститься на Пасху.

Вот что такое духовная аскеза. Ты ведешь борьбу и прикладываешь усилия. Старец Паисий говорил, что раньше духовнику было легче давать указания — люди выполняли их легко. Например, приходят к тебе посетители, а ты устал. И ты просто говоришь им:

— Я устал. Не могли бы вы уйти?

И люди уходили. Они не обижались, а просто слушались, говоря:

— Хорошо, раз тебе так хочется. Мы уйдем без обиды — ведь ты не отругал нас!

Мы не терпим замечаний. Мы не готовы к аскетическим подвигам. В прошлом (да и сейчас иногда) монахи часто принимали на себя хулу, ругательства. Для чего? Для того, чтобы подвизаться, чтобы смирать свое «я», то есть вести аскетический образ жизни.

«Сейчас нет таких мучений, как во времена Нерона или Диоклетиана, — говорил старец. — Но и своя братия может “помучить”. Один тебя обругает, другой обидит, третий отнесется презрительно — примешь ли ты все это? Вот оно — твое сегодняшнее мученичество. Это — смирение».

И при этом ты не прославишься, не станешь известным, о тебе не будут говорить люди. Вот твоя теперешняя жертва Христу. Сможешь ли ты это? Именно так поступали прежние монахи. И после этого Бог слышал их молитвы — ибо они смирились, то есть приложили усилия для того, чтобы придать своей душе определенную форму.

Если, например, у нас есть кусок мрамора и мы хотим придать ему какую-то форму, то нужно обработать этот мрамор. Возможно, таким образом мы причиняем ему «боль» и наносим «раны», но в конце концов из камня выйдет прекрасное изваяние.

И из себя мы также хотим изваять прекрасное. Внутри нас живет Христос, но невозможно придать этому Образу форму, пока мы живем в привычном комфорте. Мы ничего не делаем для этого — не постимся, не молимся, не бодрствуем, не любим, не подаем милостыню, не прощаем, не относимся к чужим ошибкам со снисхождением.

И что нам делать в таком случае? Мы говорим, что мы христиане. И что с того? Сейчас ты внимательно слушаешь, но если твоя жена хоть в чем-то возразит тебе, ты впадаешь в раздражительность. Тебя раздражает любой пустяк. Ты не можешь жить в подвиге, ни с кем не ругаясь. А ведь твое мученичество — это терпение к замечаниям, клевете и даже преследованию. Это — аскеза, это — духовный рост в христианстве.

И если я скажу тебе, что ты попадешь в рай вместе с теми великими монахами, которые так подвизались, то ты, возможно, спросишь меня: «Неужели мы будем в раю

Нужно убрать зонтик, который мы держим над душой с ними?» Открою тебе один подвиг, который ты можешь начать совершать прямо с этого момента, не отрываясь от прочих дел.

Если сейчас, после того как ты услышал все это, ты поймешь, что фактически ничего еще не сделал, и тем самым немного разочаруешься в самом себе — это также будет прекрасной аскезой. Так мы уподобляемся разбойнику на кресте, который не успел совершить ни одного духовного подвига (у него просто не было на это времени). Но он смирился и тем самым достиг цели любой аскезы, смилив свою душу, приблизившись через это смирение к Богу. Он смог то, что можешь и ты, если скажешь себе: «Я ничего не делаю! Как же так?» И эта аскеза хороша — аскеза смирения. Ты смиряешь свой дух и не ощущаешь себя важной персоной, высокодуховным человеком, искусным, опытным и искушенным христианином. Ты знаешь, что ты — ничто. Смири себя! И в Писании сказано: *Я смирился, и Господь спас меня* (Пс. 114, 5).

Мы должны смиряться и подвизаться в меру своих сил, кто как может — по своим возможностям, данным от Бога. Если жена скажет тебе: «Надень куртку!» — а тебе не хочется этого делать, не говори ей: «Мне не холодно, отстань от меня!» Удержавшись от такой фразы, ты тем самым совершишь подвиг в борьбе со своим эгоизмом.

И не критиковать еду, которую жена приготовила на обед, — тоже подвиг. В этот момент ты настоящий подвижник, и именно так воспринимает тебя Бог. Но прежде всего нужно смириться, потому что смирение — самый надежный билет в Царство Божие.

Будем молиться, чтобы Христос разбудил нашу душу и дал нам желание подвига и борьбы, желание радоваться жизни. Пусть наши дни не проходят напрасно и монотонно. Вспомним, в Откровении говорится, что последние годы земной жизни будет множество мучеников. Эти годы будут очень трудны, и только люди, которые действительно будут желать Христа, смогут выдержать все страдания. Эти люди пока делают только маленькие шаги к Богу, но в последние времена у них появятся силы для большой жертвы во имя Христа. Они будут жертвовать ради Него телом и душой независимо от того, что ожидает их в дальнейшем.

И пусть Господь прикоснется к нашим сердцам и подаст нам любовь и желание совершить что-нибудь для Него — Того, Кто сделал для нас все.

(Перевод с новогреч. Е. Терентьевой)

Легкая жизнь затрудняет путь ко Христу

Большинство людей говорят, что, живя в комфорте, они не могут долго удерживать в себе Христа и чувствуют, что теряют Его. Иными словами, когда наша жизнь безоблачна, прекрасна и замечательна, мы перестаем ощущать Христа и забываем Его.

...Очень надеюсь, что полученные тобой печальные известия не сломили тебя.

В жизни много проблем. И в конце концов именно плохие новости делают нас проще и смиреннее, помогая понять, что мы живем среди множества неприятностей и печальных неожиданностей. Например, звонит мне недавно один человек и говорит: «Твой такой-то знакомый скоропостижно скончался». Или звонит другой: «Моя двоюродная сестра тяжело заболела, а она еще совсем маленькая». Дни текут безмятежно, время идет незаметно, и вдруг в твоей жизни где-то взрывается бомба. А потом — еще одна, и уже ближе к тебе. А самое ужасное,

когда бомба взрывается не поблизости, а попадает прямо в тебя.

То, что происходит с другими, в любой момент может случиться и с нами. Например, ты узнаёшь о том, что кто-то болен, но неожиданно и сам серьезно заболеваешь. И теперь ты уже не можешь говорить о болезни другого человека как о какой-то посторонней проблеме, потому что болен сам и эта проблема теперь — часть твоей жизни.

В любом случае все это — проблемы, тревоги, страдания — делает нашу душу бдительнее и в этом смысле оживляет нас. Несмотря на то что боль — это огорчение, она пробуждает душу. Ведь находясь в абсолютном комфорте, мы забываемся, расслабляемся и начинаем переходить допустимые границы. Когда наше приятное расслабление не сопровождается благодарностью, правильным отношением к Богу и памятью о нашей постоянной связи со Христом, то все это множество даров (и очень приятных даров), полученных от Бога, может оказаться не полезным для нас.

Конечно, все, что дает нам Христос, — и боль, и радость — это Божий дар. Просто радость мы принимаем в дар намного легче. А боль — это Божий дар, в котором добро для нас сокрыто; это — дар нашей душе.

Один молодой человек три раза сдавал экзамен по английскому языку (как же сильно порой молодежь переживает из-за диплома!). Постоянная подготовка к экзамену и волнение — то есть, можно сказать, аскетические условия жизни — держали его в таком напряжении, что пробудили в нем желание обратиться за помощью к Богу и начать более внимательно относиться к себе для того, чтобы просить Бога с чистым сердцем. Этот молодой человек рассказал мне:

— Перед экзаменом я решил, что какое-то время не буду курить, чтобы я мог молиться Богу и Он скорее бы меня услышал. Кроме молитвы я решил еще совершить какой-нибудь подвиг — как-то потрудиться. И стал поститься. Но, получив диплом, в тот же самый день впал в тяжкие грехи — от большой радости расслабился и нагрешил.

То есть недостаточно принять ту радость, которую дает тебе Христос, но нужно еще и научиться правильно удерживать эту радость.

Когда радость посещает тебя и ты при этом забываешь Христа, когда ты хватаешь Божий дар, посланный свыше, и убегаешь с ним, как собака убегает с полученной костью, ты тем самым фактически говоришь Богу: «Дай мне это и потом оставь меня в покое. Я знаю, что делать дальше. Все, я оставляю Тебя и ухожу». Что ж, в таком случае Божий дар не достиг своей цели в твоей жизни. Мы забываем Бога, когда у нас все хорошо.

А вот когда в нашу жизнь приходит страдание, тогда мы вспоминаем о Нем. И когда нам трудно и мы очень сильно ждем чего-то, когда у нас проблемы со здоровьем, когда мы проходим через какие-то испытания (например, экзамены), — вот тогда мы начинаем бодрствовать и жить строго и аскетично, как подвижники. Такая у нас природа.

Когда я беседовал на исповеди со старшеклассниками одного лица, они говорили мне, что в этом году грешат меньше по сравнению с предыдущими годами, поскольку волнуются из-за вступительных экзаменов в университет. То есть мысль о том, что впереди экзамены, что в жизни все не так легко и просто (а, наоборот, очень даже непросто) и что этот год окажет существенное влияние на всю

дальнейшую жизнь, — эта мысль поддерживает наше внутреннее состояние и стимулирует духовно.

И наоборот: когда ты расслабляешься, то, при отсутствии внимательного отношения к себе, легко начинаешь грешить. Поэтому самые благоприятные условия для любого греха — это комфорт, много еды, развлечений и безоблачное небо над головой. Когда все идет хорошо, то человек начинает раздуваться, задирать нос — многие люди признают это в моменты раскаяния. Мы часто грешим, потому что у нас и так все хорошо. А когда не все хорошо, то мысль о проблеме останавливает нас и спускает на землю. В этом случае слово «скорбеть» приобретает значение «испытывать беспокойство» или «находиться под тяжестью чего-либо».

Кто-нибудь спросит: «Означает ли это, что человек должен постоянно страдать?» Нет. Мы не должны испытывать муки, но мы должны всегда прославлять и благодарить Бога. Делаешь ли ты это, когда Бог дает тебе просяемое? Он даст еще больше. Прославляешь ли Христа? Чувствуешь ли связь с Ним, любишь ли Его так, как Его любят маленькие дети? Если да, то хорошо. В таком случае ты достиг цели всей своей жизни — полюбить Христа.

А если ты не полюбишь Его, то увидишь — появятся новые проблемы, которые смиряют тебя, потому что в своем расслаблении ты впадаешь в самообман: забываешь себя и забываешь Бога, своего Творца.

Бог создавал человека в раю не для того, чтобы потом мы мучились и задыхались под тяжестью своих проблем, не для того, чтобы наша жизнь была трудной и изнурительной. Бог создал человека для радости, Он даровал всем нам жизнь для счастья и наслаждения. Но для того,

чтобы это ощущение счастья оставалось в нашей душе, нужно иметь живую связь с Богом. И утрачивая эту связь, мы уже не можем ни наслаждаться жизнью, ни исправлять своих ошибок, а постоянно впадаем в разные грехи и погибаем среди изобилия даров Божиих.

Эту ошибку мы можем исправлять тем, что принято называть аскетизмом или аскезой — когда мы заставляем свою душу бодрствовать. Это немного похоже на ситуацию со старшеклассниками, о которых шла речь ранее. Говоришь такому ученику:

— Пойдем погуляем вечером!

А он отвечает:

— Не могу, у меня завтра экзамен.

Другими словами, человек, находясь в состоянии аскезы, добровольно смиряет и ограничивает себя, лишает себя удовольствий и не позволяет своим страстям выходить наружу, а, наоборот, управляет ими. Он ставит перед собой духовную цель, и это отражается на всей его жизни.

Святые нашей Церкви поняли это еще в первых веках христианства. А знаешь, когда именно? Когда начались первые гонения на христиан. Выходя из дома, люди не знали, вернутся ли они живыми. И вот ты прощаешься с женой и детьми, крестишь их и говоришь: «Бог даст, все будет хорошо и я вернусь». Но бывало и так, что человек, выйдя из дома, шел на муки. Во времена этих жестоких гонений перед многими христианами часто вставал вопрос: со Христом они или нет? И сама мысль об этом держала людей в постоянном духовном напряжении. Они бодрствовали, но не в болезненном беспокойстве, потому что для них вера в Христа не была красивой теорией, которой они увлекались

в свободное время. Их жизнь не была похожа на литературный вечер, где ведутся разговоры о Христе. Для них Христос был Тем, о Ком через какое-то время их могли спросить: «Что выбираешь — Его или жизнь?» И они отвечали: «Выбираю Христа!» — «Хорошо, наклоняй голову». Человек наклонял голову, и ее отрубали.

Другими словами, Христос настолько наполнял жизнь первых христиан, что они постоянно носили Его в своем сердце и были готовы пожертвовать для Него всем. Таковыми были первые христиане. Для них христианство не было философией, культурой, цивилизацией или разговорами о красоте византийской эпохи, как для нас сегодня. Христос был у них в теле, в душе, в глазах, на устах — везде. И жизненные обстоятельства только усиливали это чувство.

Но гонения закончились, и жизнь Церкви стала спокойной.

У Церкви появились права, установились взаимоотношения с государством, но, после того как напряжение спало, христиане почувствовали, что постепенно впадают в расслабленное состояние. И тогда они сказали себе: «Претерпевая гонения, мы сидели в темницах, а сейчас, когда гонений нет, мы станем объедаться, развлекаться и жить в комфорте? Но уже сейчас можно увидеть, что все это не доводит до добра и не дает нам живой связи с Богом. Мы расслабились. Что же нам делать?» И так появилась аскеза, то есть совокупность духовных подвигов, совершаемых для того, чтобы не расслабляться. Это не йога и не способ концентрации. Цель аскезы — духовное бодрствование.

Если нет гонений, то это не значит, что можно объедаться, не ходить в церковь и говорить себе: «Ничего, можно

и согрешить, пойду в следующий раз!» Наоборот. Я буду вести активную борьбу, буду чем-то жертвовать для Христа и полюблю Его. Сейчас в большинстве стран нет «кровоного» мученичества (когда люди проливают кровь за свою веру), но есть, как говорится, «мученичество совести».

Ты становишься мучеником своей совести, жертвуя не своим телом (потому что никому не нужно убивать тебя за Христа), а какими-то своими желаниями и удовольствиями, говоря себе: «Господи, в то время как у меня много еды, я буду поститься! Мой холодильник полон — но я не буду есть. Из всего изобилия я буду вкушать лишь маслины, помидоры и хлеб. А мясо и сыр, которые я также могу спокойно взять, не буду есть». Что это? Это аскеза. Для чего я так поступаю? Для того, чтобы держать свою душу в таком состоянии, в каком она способна принимать Божию помощь и благодать.

Состояние, в котором мы можем почувствовать Бога, — не комфорт, а смирение. Аскеза смиряет душу. И когда ты совершаешь какой-либо духовный подвиг, то наступаешь на свое «я», надавливаешь на него, разрушаешь его. Ты перестаешь угождать своему «эго», и в таком случае «эго» смиряется. А когда Бог видит смиренную душу, которая любочестно (*любочестие* — от греч. φιλοτιμία, *любовь к чести*) жертвует собой во Имя Его, то Он снисходит до такой души, входит в нее и помогает ей.

А людям, которые живут в комфорте, роскоши и излишествуют в еде и развлечениях, в принципе трудно подумать о Христе, Который живет в их сердце. Вот в чем проблема.

Христу не нужно ничего из того, что мы делаем, потому что мы делаем это не для Него. То есть Ему не нужна

моя аскеза. Другими словами, Ему все равно, ем я или не ем. Он пребывает в Своем Счастье, Своей Славе и Блаженстве. Творя любочестные дела, я делаю это для себя и стараюсь помочь себе. Все остальное делает Христос. Он спасает меня. Он распялся, пролил Свою Пресвятую Кровь, воскрес, вознесся и ниспослал нам Святого Духа — все это сделал Христос. И меня оправдают не мои дела, не мой труд, а любовь Христова.

Однако здесь необходимо вспомнить и еще несколько ключевых слов — любочестие, благодарность и умиление, трогаящее мою душу. Душа христианина испытывает чувство умиления перед огромной любовью Христа, которую Он даром изливает на всех людей. И человек говорит: «Господи, Тебе не нужно это от меня, но из благодарности и любви к Тебе я, желая всегда быть с Тобой, сам понуждаю себя к лишениям и аскезе. Господи, я хочу почувствовать, что Ты нужен мне. Когда я много ем, я не могу ощутить это — я сыт; а когда начинает голодать моя плоть, то и в душе своей я ощущаю голод. Когда я заставляю поститься тело, то чувствую, что пища нужна и моей душе».

Поэтому в период поста, совершая духовные подвиги, мы, по сути, помогаем своей душе взалкать Бога. Не знаю, как лучше объяснить тебе аскезу в теории, но верю, что ты реализуешь это на практике.

Ты знаешь по собственному опыту, что после того, как человек съедает сначала пиццу, а затем пару отбивных, то желудку становится так тяжело, что не хочется молиться — молитва не идет. Верно? Бывало такое? Это потому, что чрезмерное насыщение создает чувство

самодостаточности: у меня есть все, что нужно, и больше мне ничего не надо.

Можно много говорить о духовном подвиге. Представим себе человеческую душу в виде небольшой ямки, которую Бог наполняет водой Своей благодати. Когда Бог посылает благодатный «дождь», человек не раскрывает над своей «ямкой» зонтик, боясь промокнуть, а складывает ладони так, чтобы в них попало как можно больше воды. Сделать это нам помогает аскеза. Это она дает душе возможность превратиться в такую ложбинку и уподобиться равнине, а не горе, которая не может удержать воду. Душе нужно смириться и стать похожей на низменность — долину, куда Бог может направить Свою милость и благодать.

Духовная аскеза смиряет. Понимаешь? И очень сильно помогает. Что она собой представляет? Упражнение. Когда ты выполняешь физические упражнения, постоянно повторяя одно и то же, ты придаешь своему телу определенную форму — укрепляешь его, делаешь фигуру подтянутой. Что это значит? Ты приводишь тело в форму. То есть до этого у меня могли болеть руки, ноги, спина, но после упражнений я возвращаюсь в форму. Как это происходит? Внезапно? Нет. Через постоянные упражнения, через повторение этих упражнений. Так и душа через духовные упражнения приобретает форму и занимает нужную «позицию» перед Богом.

Ты, наверное, заметил, что, говоря об аскезе, я постоянно упоминаю Бога. Это потому, что наш аскетизм направлен на Личность. Мы делаем все это не для того, чтобы потом сказать: «Прекрасно! Я достиг определенного уровня концентрации и самоконтроля! Теперь, когда я могу так замечательно себя контролировать, я ощущаю

себя на более высокой ступени». Нет. Здесь мы любим Личность — Иисуса Христа, Который видит все, что мы делаем. И мы делаем это для Него.

И если Христос прикоснется к нашей душе и одарит нас без наших духовных подвигов — потому что смысл не в том, чтобы совершить как можно больше подвигов, а в том, чтобы не потерять Христа, — то в таком случае мы должны от всего сердца поблагодарить Его. То есть если ты можешь удержать в себе Христа каким-то другим способом — делай это. Но сможешь ли ты Его удержать?

Большинство людей говорят, что, живя в комфорте, они не могут долго удерживать в себе Христа и чувствуют, что теряют Его. Иными словами, когда наша жизнь безоблачна, прекрасна и замечательна, мы перестаем ощущать Христа и забываем Его.

Потому и сказано: *Господи, в скорби мы вспомнили о Тебе* (Ис. 26, 16). То есть когда наши дни безоблачны, мы забываем Тебя, Господи. Празднуя жизнь и развлекаясь, мы не вспоминаем и не говорим о Тебе. Куда девается весь наш разум, который велит нам прославлять и благодарить Бога?

Это делает аскеза. Она создает в нас ощущение внутренней скорби, внутреннего давления, которое действует на нашу душу так, что она до краев наполняется той красотой, которая в ней находится. Раскрывая в себе все лучшее, душа находит Бога и входит в соприкосновение с Ним.

Если ты встречаешь человека, который подвизается во имя Христа, который любит Христа и любостно трудится для Него, тебя охватывает чувство благоговения перед этим человеком. На Афоне есть такие монахи.

И о них говорят: «Такой-то отец — аскет». То есть все монахи по-своему хороши, но этот — аскет.

А о каком-то монахе могут даже сказать: «Этот отец не просто аскет, он — великий аскет, великий подвижник». Если же мы спросим, что такого сделал этот монах, почему его называют великим подвижником, то люди начнут перечислять: он ест только раз в день, спит не на кровати, а на полу, пьет совсем немного воды... И мы сразу же зададим следующий вопрос: «Для чего нужны такие крайности?» Разве Бог хочет этого от нас? Разве Ему нравится нас мучить?

Но это не мучение, а любовь и желание. Вспомни, как ты познакомился со своей женой и как сильно ты любил ее, когда вы были молоды. Ты так любил ее, что делал для нее невероятные вещи — только чтобы порадовать ее, доставить ей удовольствие.

Однажды ты отправился за цветами для нее на другой конец города. Это было очень далеко, и пришлось ехать на автобусе, но ты купил прекрасные цветы, которые она любила. Ты весь вспотел, пока искал эти цветы, и отдал за них много денег. Твой друг сказал тебе: «Сумасшедший!» Но ты возразил ему: «Если я люблю женщину, то не остановлюсь ни перед чем». И прикладывая столько усилий, чтобы порадовать любимую, разве ты отвлекался на что-то другое? Разве ты смотрел на других женщин, да и вообще — на других людей? Нет. Ты жил одной ей и делал для нее все, что мог: бегал, работал, жертвовал чем-то, беспокоился...

Я привел тебе пример с цветами, а сколько всего другого может делать человек для того, кого он любит! Когда любишь, то не рассуждаешь: «Зачем я это делаю? Нужно ли это?» Любовь иррациональна, и обычная логика здесь

бессильна, но есть другая логика, которая говорит тебе: «То, что ты делаешь, — как раз самое логичное!» Мне приятно сделать своей возлюбленной подарок, который ей понравится, даже если для этого нужно будет съездить за границу. Ради нее я готов объехать весь мир, чтобы только найти то, чего она хочет, и привезти ей, чтобы она обрадовалась. Так я смогу доказать ей, что люблю ее. И мне нравится делать все это для моей любимой.

И когда ты слышишь о духовных подвигах, духовной борьбе и тому подобных вещах, представляй себе двух влюбленных. Жертвуя собой друг для друга, они не чувствуют усталости. Наоборот: в то время как они стараются, трудятся, расходуют себя, одновременно с этим они испытывают наслаждение, потому что им приятно так поступать. Так и мы трудимся духовно — потому что любим Христа. Или, по крайней мере, хотим полюбить Его.

Приведу тебе еще один пример. Молодой человек хочет быть с этой девушкой, но она еще не сказала ему: «Да». И тогда он, желая получить ее руку и сердце, говорит себе: «Я совершу для нее такое, что заставит ее полюбить меня!»

Итак, в первом случае речь шла о взаимном чувстве: молодой человек любит девушку, и она также любит его. А во втором случае молодой человек хочет вызвать к себе интерес девушки и завоевать ее сердце, чтобы она посмотрела на него и оценила. Он говорит: «Я сделаю все возможное, и она, может быть, скажет: “Как он старается! Разве нельзя не полюбить такого человека? Он такой хороший”».

Так и мы ведем себя по отношению к Христу. Или хотим Его полюбить, или уже любим Его и совершаем во Имя Его невероятные поступки (старец Паисий называл

это *духовными безумствами*), которые абсолютно логичны для Бога, но непонятны для обычных людей. Поэтому нам и говорят: «Ты сумасшедший!»

Да, я сумасшедший. Но я бого-сумасшедший, сумасшедший для Бога и во Имя Бога. «Ты верующий, но как можно не есть? Ты в порядке? В какое время мы живем? Сейчас что, оккупация?» — спрашивают многие. Но христианина настолько насыщает мысль о радости и сладости святого Причастия, что он с готовностью отвергает наслаждение вкусной пищей.

Стоит мне подумать о тех благах, которые готовит мне Господь, и о той красоте, которая ждет меня со Христом, как я уже не ощущаю своей жертвы. Ничто меня не волнует. И мы не страдаем, а становимся счастливее тех, кто не постится, — как те три отрока, чьи лица начали сиять во время поста, потому что они любили Бога. И ключ к разгадке всей тайны — это любовь. Любовь, любочестие, благодарность и живая связь с Богом.

Когда ты совершаешь аскетические подвиги по принуждению, то это очень мучительно. Они угнетают тебя, тебе не хочется трудиться, твоя душа противится подвигу, и ты начинаешь роптать. А когда трудишься по любви, то даже не ощущаешь тяжести своего подвига. Все твои аскетические усилия даже не утомляют тебя — они приносят одну радость. Поэтому ты или любишь Христа и совершаешь для него различные подвиги, или хочешь Его полюбить и таким образом являешь Ему это.

Ты спрашиваешь Христа:

— Господи, Ты любишь меня?

— Да, Я люблю тебя, дитя Мое. Очень люблю.

— А как я узнаю, что Ты любишь меня? Докажи мне это! Покажи! Любовь — это не только слова.

И Христос говорит:

— Ты прав. Любовь — это не слова. И потому Я не говорил много о любви, а явил любовь.

И при этих словах Господь поднимает Свои руки, говоря тебе:

— Посмотри!

И в этот момент ты замечаешь две раны на Его руках — раны любви к тебе. Ты видишь Его прободенное ребро, Его пробитые гвоздями руки и ноги и Святую Главу в терновом венце. И Он говорит тебе:

— Видишь? Вот Моя любовь к тебе. Я возлюбил тебя и пошел на Голгофу, как на праздник, потому что до боли любил и тебя, и всех людей. И страдая, Я знал, что делаю все это из любви к тебе, и ни о чем жалел, восходя на Крест. А сейчас Я спрошу тебя: *Симоне Ионин, любишь ли ты Меня?* (Ин. 21, 15).

— Конечно, я люблю Тебя.

Да, любовь — это не слова, а дела. И это не теория, а опытное переживание. Что ты готов сделать из любви к Христу? Вот ключ ко всему. Если ты любишь Его, то что бы ты для Него сделал? Если ты действительно любишь Бога, то в твоей жизни обязательно будут происходить события, которые помогут тебе на деле доказать свою любовь к Нему.

Мне становится стыдно, когда я думаю о том, как много святые делали для Бога — чего стоила их вера, как они устремлялись ко Христу всем сердцем. Ведь они вообще не говорили об этом, не развивали никаких теорий,

не участвовали в передачах на подобные темы, а являли любовь к Богу своими делами. Им отрубали головы, выкалывали глаза, их бичевали, сжигали в огне и негашеной извести, топили в реке — они испытывали страшные муки. Читая жития мучеников, невозможно удержаться и не воскликнуть: «Боже мой!»

Но если мы с тобой попадем в рай, то окажемся рядом с ними. И эти святые скажут нам: «Идите сюда, к нам, садитесь рядом с нами!» И нам станет так неловко от того, что мы можем пойти и сесть рядом, не сделав в жизни ничего особенного.

То есть ты, может быть, и сделал, а я — нет. И вот я буду смотреть на Иоанна Предтечу, который принес такую великую жертву во Имя Христа, и кем буду ощущать себя рядом с ним? Изнеженным, избалованным, ухоженным христианином, в чистенькой, аккуратно выглаженной рясе — таким безупречным совершенством...

Чего мне стоила вся моя вера? И если ничего не стоила, то я хотя бы должен поблагодарить Бога за все это и сказать Ему: «Боже мой, я восхваляю Тебя. Мне не пришлось делать ничего великого для Тебя, потому что Ты всегда Сам заботился обо всем в моей жизни, но я прославляю и благодарю Тебя!» Хвала Богу и смирение компенсируют аскетические подвиги. А если у тебя нет смирения и ты не можешь прославлять Бога, то в таком случае тебе нужно сделать что-то для привлечения любви Божией, то есть самому создать себе такие аскетические условия, чтобы в твоей душе ожила Божия благодать.

(Перевод с новогреч. Е. Терентьевой)

«Почему ты
радостен?» —
«Потому что Он
существует!»

Давайте мы все, кто ходит в церковь, так возлюбим Христа, чтобы другие видели это и тянулись к нам. Говорят, что любовь не спрячешь. И если мы будем влюблены в Господа и сильно возлюбим Его, весь мир увидит это. А поскольку мы сейчас рассеяны по всей земле — мы, христиане, возлюбившие Господа, слушатели этой передачи и всех других тоже, — то другие ощутят вкус Христа и скажут:

— В чем дело? Почему ты такой? Почему ты такой радостный возвращаешься с литургии? Почему у тебя такие счастливые глаза? Почему сияет лицо? И почему твоя любовь меня так трогает? Почему твоя доброта смягчает мое сердце?

- Потому что Он существует, — скажем мы.
- Кто Он? — спросят нас.
- Христос.
- А где Он? Я тоже хочу увидеть Его лицо!

«Почему ты радостен?» — «Потому что Он существует!»

— В церкви. Приди, чтобы увидеть Его! Я хожу туда, и мой секрет в этом. Нет у меня других секретов красоты, нет другого секрета счастья. Я просто хожу в церковь, чувствую Господа, и моя жизнь меняется.

Мне очень нравится такой церковный подход! Мне очень нравится эта экклезиология, в центре которой стоит личность Христа и наша связь с Ним. Но не как сухой долг или формальность, не как обязанность, как иногда говорят: «Мы тоже должны это сделать!» Нет! «Мы должны» для святых означало, что это вырывается у тебя из сердца, спонтанно, как порыв любви.

Поэтому не дави на своего ребенка! Ты спрашивал меня:

— Что мне делать? Он не ходит в церковь.

Не мучай его, дай ему ощутить сладость, то есть когда он увидит в твоих глазах воодушевление и почувствует это, тогда и придет. А если не почувствует, значит, или из тебя не исходило особого воодушевления, потому что ты продолжаешь грешить, а следовательно, тебе надо покаяться, перестать грешить, а не настаивать на своем, или же это значит, что его время еще не пришло. В таком случае будем терпеливо ждать перемен и чуда Божия.

Это не значит, что он никогда не придет в церковь. Но и то давление, которое ты постоянно оказываешь, тот скандал, который устраиваешь каждое воскресенье из-за хождения в церковь, — тоже не решение. Церковь — это радующее событие, она — событие радости и любви. Понимаешь?

А где твой ребенок? Ты подвел его ближе к радио, чтобы он тоже послушал это? Я хочу сейчас сказать

кое-что и ему. А ну приведи его, чтобы я мог сказать это ему лично.

Итак, мой юный друг, послушай, что я скажу только тебе. Я только что говорил твоим родителям, чтобы они на тебя не давили и не водили в церковь насильно, а тебе говорю, что было бы хорошо, чтобы ты тоже иногда ходил туда, потому что там замечательно. А если сердишься на мать и отца из-за того, что они на тебя давят, скажи им: «Идите вперед, я за вами скоро приду. Ну все, оставьте меня, я приду сам!»

Заведи будильник, чтобы поспать еще 15 минут, а потом встань, оденься и сам иди в храм. Но только иди! Не надо не ходить в церковь только из-за того, что ты хочешь сделать им назло. Сделай это ради меня! Сделай приятное мне!

Потом ты поймешь, что самый хороший подарок, который ты себе когда-нибудь делал, — это то, что ты ходишь в церковь. Церковь — это нечто замечательное! Просто мы, взрослые, не показываем ее молодым так, чтобы они это поняли.

Мы говорим «церковь», но она — не какое-нибудь здание, а Христос, Которого мы там находим, Тело и Кровь Христовы! Он присутствует там Живой! Там сокрыта Тайна! Там — Его присутствие! Туда Господь и велел нам идти. Ты понимаешь это? Это велит нам Сам Христос. В церковь зовут тебя не мать, не отец, а зовет Христос! Ты идешь туда не ради матери или отца, потому что они тебя заставляют, это неправильно. Христос, зовущий тебя, любит тебя. Поэтому говорит: «*Сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19). Собирайтесь, как мы с вами сейчас

«Почему ты радостен?» — «Потому что Он существует!»

собрались — вы, апостолы, и Я, — и совершайте молитву. Принесите хлеб и вино и вознесите молитву. Потом их благословите, и они станут Моим Телом и Моей Кровью, и когда вы причаститесь их, будете жить Мною. Вы Меня ощутите, опытно познаете, и Я буду рядом с вами!»

Это прекрасно! Так иди же, чтобы помолиться Христу. Чем ты сейчас занимаешься? Сломался компьютер? Помолись Христу! В школе проблемы с математикой? Помолись Христу! Иди на литургию! Иди и попроси у Него того, чего хочешь!

И мать попросит на молитве своего, а отец — своего. Что ты говоришь? У тебя отец не ходит в церковь? Да ладно! Вот мы говорим детям, чтобы они стали лучше, а сами, взрослые, не ходим в церковь. Ну что ты скажешь ребенку, когда сам не ходишь?

У меня сегодня к вам будет просьба, чтобы одним из девизов этой передачи было следующее: «Никто да не занимается другим и не делает ему замечаний!» Никто! Заканчивай с этим! Прекращай! Ни ты не будешь комментировать свою мать, ни она тебя. Ты будешь слушать и воспринимать то, что касается тебя. Если что-нибудь будет к тебе относиться, скажешь: «А, это он про меня сказал! Применю-ка я это!» — а не так: «Вот, это он про тебя сейчас сказал! Ну что, видела, мама? Ты виновата! Он сказал, чтобы ты на меня не давила!»

Нет, ты будешь заниматься исключительно собой. И твои мать и отец тоже будут заниматься своей личной святостью. Будут тебя любить всегда и, разумеется, уважать. И ты тоже будешь любить и уважать их. Будешь любить Господа и стараться стать ближе ко Христу. А Он не

где-то неизвестно где, в каком-то пустом пространстве, Он существует везде, но в церкви присутствует как Тело и Кровь Христовы.

Итак, я прошу тебя: ходи в церковь каждое воскресенье. Можешь прийти к семи часам? Хорошо. Можешь попозже? Хорошо. Когда можешь. Но чем раньше, тем лучше, потому что тогда твоя душа сможет больше насладиться любовью Божией, сердце усладится сильнее, еще больше растают льды, вынуждающие тебя быть холодным к другим и к жизни вообще.

Вера остывает, когда отдаляешься от святой литургии. Иди же в Божий храм, чтобы укрепить свою веру! И если ты однажды позвонишь мне и скажешь: «Я хожу в церковь, чувствую Христа и звоню тебе, чтобы сказать это, чтобы и тебя порадовать. Я понял, что наш Христос — это мой личный Бог, Которого я люблю и Которого чувствую!» — то ты доставишь мне бесконечную радость.

Господь благословляет весь мир. Старец Паисий говорит, что Бог благословляет всех людей одной рукой. А когда увидит смиренного человека, благословляет его обеими руками. Молю Бога, чтобы Он благословил обеими руками тех, кто ходит в церковь. Молю Бога, чтобы и вы в нее ходили и чтобы Господь исполнял всякое благородное желание вашего сердца и давал вам все хорошее, чего вы у Него попросите.

И ты, который мечтаешь сегодня о мотоцикле, но боишься, не волнуйся: Бог и тебе подаст решение. Если что-нибудь будет тебе во благо, Христос даст тебе это. И ты не попадешь в катастрофу и не разобьешься через месяц. Помолившись, почувствуешь Христа в душе,

«Почему ты радостен?» — «Потому что Он существует!»

забудешь про мотоцикл, пусть и на короткое время, и скажешь себе: «В конце концов Церковь таит в себе нечто гораздо более важное, чем мотоциклы, свадьбы, деньги, еда, дом и прочее. В ней существует Христос!»

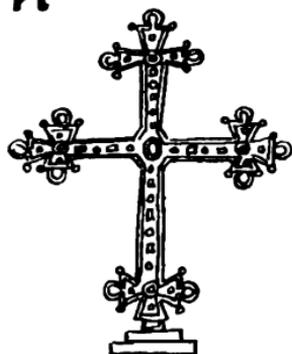
Ходите же в церковь, чтобы почувствовать Господа! Молю Бога, чтобы Он даровал вам все Свои земные и неземные блага, чтобы вложил вам в сердце весь Свой рай уже сейчас и вы еще на этой земле прочувствовали маленький рай — предвкушение Царствия Божия и небесного блаженства. И чтобы мы в вечной жизни были вместе, и я был с вами, подвизающимися, и чтобы мы ходили в церковь и сияли как солнце оттого, что лица наши будут отражать сияние лика Христова!

Ходите же в церковь, где бы вы ни находились! И я почувствую это по молитвам, которые вы вознесете у святого жертвенника, у святого престола в своем приходе.

(Перевод с болг. Станки Косовой)

О главных признаках правильной духовной жизни

Однажды меня кто-то спросил: «Как понять, что я веду правильную церковную жизнь? Некоторые часто ходят в церковь, молятся, участвуют в богослужениях, таинствах, но я не вижу заметных изменений в их жизни, точнее, наблюдаю то же, что и в миру, ожидал от них чего-то большего. Какие признаки правильной церковной жизни?»

Не могу сказать, что существует определенное количество признаков. Подсчеты делает Бог, потому что изменения бывают внутренние, тайные, сокрытые от внешней среды. С одной стороны, о происходящем в тайниках твоей души знаешь только ты и Бог, а с другой, нечто определяется по твоему поведению с супругой или супругом, с детьми, с окружающими. Некоторые пожилые люди говорят: «Я с самого детства хожу в храм». И что? Каков результат? Чего ты достиг за эти годы? Нельзя же сказать, что посещаю тренажерный зал, скажем, 5 лет и 5 месяцев,

имел вес 80 килограммов, а сейчас 110 килограммов. Учуже много лет английский, а в аэропорту не могу трех слов связать. Когда ты говоришь, что находишься рядом с Христом, то будут плоды, по-другому никак. Твоя внутренняя жизнь так или иначе проявится вне. Приближаясь к Христу, ты счастье обретаешь не вовне, а внутри себя, то есть не печалишься из-за тех или иных событий, не разочаровываешься по пустякам. Кто-то что-то скажет — обижаешься, плохая погода на улице — впадаешь в меланхолию, человек же, преуспевающий в духовной жизни, ощущает мир и спокойствие в глубине своего сердца, и это проявляется во всех его действиях. Святой Исаак Сирийский говорил: «Представь себе, что говоришь пьяному: у тебя загорелся дом». Тот отвечает: «Ничего, пусть горит». Это, конечно, метафора. Твое же опьянение, твое счастье — это то, что Церковь называет блаженством. Когда имеешь блаженство Святого Духа в себе, никакие внешние факторы не могут нарушить твой внутренний покой.

Вспоминаю слова матушки Гавриилы: «Не родился еще такой человек, который бы повредил моей душе, отнял бы мою радость». Почему так? Конечно же были люди, которые ей досаждали, обижали, причиняли беспокойство, клеветали на нее. Как ты себя ведешь с другими — твоя проблема. Как я отвечаю — моя жизненная позиция. Жизненная позиция — это тема выбора. Я хочу и отвечаю именно так. Если ты начинаешь нервничать и кричать, я смотрю на тебя, по словам преподобного Порфирия, как на раненого человека, ударившегося и истекающего кровью. Если я тебя вижу таким, то и мое поведение должно быть соответствующим. Нам следует

становиться рассудительными, знать как свою душу, так и брата своего.

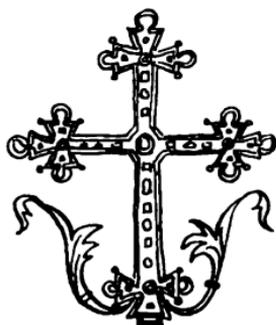
Однажды давно я разгневался на одного человека и общался с ним грубо. Тот на меня спокойно смотрел. По прошествии длительного времени я спросил у него: «Как ты вытерпел тогда все то, что я тебе говорил?» «Я понял, что у тебя какая-то проблема. И не хотел тебя огорчать еще больше, не хотел тебя обижать», — ответил он. Спокойно выслушай ближнего своего, но не впутывайся в его проблему. Это не значит, что ты пренебрежительно отнесешься к нему, попытайся его понять.

Однажды отец Паисий переправлялся на корабле с Дафни в Уранополис. Ему предложили отдельную комнату для монахов, чтобы избежать мирских людей. На что геронда ответил: «Как так? Почему я должен сидеть один, разве что-то скрываю? Мы же все одинаковы». Это очень важный момент. Следует осознать, что мы все братья во Христе и движемся к одной цели. Насколько духовно возрастаешь, настолько и соединяешься со своим ближним. Понимая слова Христа, что значит быть слугой для брата своего, осознаёшь, что значит омыть ноги другому.

(Перевод с новогреч. С. Рудько)

Место, где нас любят и принимают

Но большому счету нет человека, у которого не было бы связи с Богом.

А ты какой, у тебя есть связь с Богом или нет? Что-бы я знал. Ты хороший или плохой? Хорошее дитя Божие или плохое?

Смотри, если скажешь, что хорошее, тогда станешь плохим, а если скажешь, что плохое, тогда ты — хорошее дитя Божие, ну а если ты хорошее дитя Божие и не знаешь об этом, ты блажен. Но если думаешь, что ты хороший, тогда как на самом деле ты нехороший, но оправдываешь себя и воображаешь: «Я не как другие, я хороший человек, я верующий, живу церковной жизнью, исповедуюсь, молюсь», — то ты хорошо делаешь, что делаешь все это: это делать надо, это хорошо, оно заполняет твою жизнь, но только если не подпитывает твоего эгоизма.

А еще мне доводилось видеть замечательных людей, у которых пока нет прочной связи с Церковью, но

у них прекрасная душа, незнание их колоссально, чему-то они не так научились, о чем-то вообще не слышали, но они лучше других. Именно те, кто ничему не научился, чтобы однажды узнать все как следует. Лучше ничему не учиться, чем чему-то научиться неправильно, чтобы Церковь потом в твоих глазах была во всем виновата.

Посмотри, Бог — Он ведь для всех и для тебя тоже. Он Тот, Кто печется о твоей проблеме, Тот, в Ком ты нуждаешься, Он твой Творец и Создатель, Он Тот, Кто тебя создал и родил. Понимаешь? Это не мать и отец тебя родили. Они просто дали тебе плоть, внесли свой человеческий вклад, чтобы ты получил биологическое существование, вошел в жизнь на этой планете Земля. А Кто тебя воистину родил, Кто твой Создатель, Отец, Который тебе в то же время и Мать, и Брат, и Друг, и все, что хочешь, — это Бог, Господь наш Иисус Христос.

И поэтому, когда слышишь о Нем что-нибудь, это тебя, естественно, трогает. А отсюда понимаешь, что ты тоже не лишен связи с Богом, просто еще не знаешь церковной среды: как в храме стоять, как креститься, как поститься, — не знаешь церковных порядков. Но всему этому можно научиться, это не так сложно. А вот главная цель — сделать свою душу христианской — будет посложнее.

Есть люди, у которых присутствует эта жажда Бога и желание стать лучше. И если любовь Христова приоткроет им глаза, Христос немного очистит их, чтобы они Его разглядели и возрадовались, то они сразу изменятся, пойдут в другом направлении, по иному пути, и как

в мирской жизни были не самыми последними, так и потом становятся отличными христианами. Прибавят газу, тут же повернув руль, и помчатся в другом направлении, изменив свой маршрут.

То есть ты замечательно делаешь, что мчишься со скоростью 180 км/ч, но только, если ты обратил внимание, ты летишь в пропасть! В том-то и вся разница, что в Церкви учишься мчаться не только со скоростью 180 км/ч, но и со скоростью бесконечности, если такая существует, мчаться прямо в космос Божий. Мчаться к Богу — не как гоняются неизвестно за чем, бить не понарошку, ударяя по воздуху (ср. 1 Кор. 9, 26), без толку размахивая кулаками, а чтобы твой бег был полон смысла и содержания, чтобы ты знал, зачем живешь.

Как это прекрасно — знать, зачем живешь, зачем дышишь, зачем работаешь, зачем женишься, зачем стоишь у плиты! Понимаешь? Дорогая госпожа, готовящая сейчас еду, дорогой мой друг, ты знаешь, зачем ее готовишь? Готовь ее для Бога, готовь для того, чтобы укрепить свое существование, проявить свою любовь к детям или дорогому человеку, научиться смирению и понять, что творчество — это что-то замечательное, делающее нас похожими на Бога. Бог — это Создатель, и ты тоже становишься маленьким создателем, что-то создаешь и в силу этого начинаешь лучше чувствовать себя по жизни и дарить любовь. Видите, сколько всего человек может передумать и открыть для себя благодаря таким малым и простым вещам?

Мы все ищем Бога, все Его чаем. Кто-то сказал мне:

— Старайся стать святым, чтобы у нас был образец.

Я сказал ему:

— Я как образец не нужен. Образец уже существует.

— Да, но тебя же видят.

Нет, существует Христос — образец святости, существует Святой святых посреди нас, существует един Свят, един Господь Иисус Христос, как мы говорим на святой литургии. Христос для того и существует как Богочеловек, как Бог и Человек, чтобы ты смотрел на Него, любил Его, привязался к Нему, соединился с Ним, сделал Его своим Богом, своей любовью. Он для твоей жизни сделал все, и ты проживи ее так, чтобы Он был твоим образцом, а ты Его поклонником, Его учеником, чтобы ты всегда пребывал у Его ног, преклонял перед Ним колени, стремился к Нему, Его любил.

Потому что — посмотри, что происходит... Я не утомляю тебя всем этим? Тебе ведь надо столько всего сделать, у тебя столько забот, но послушай. Я ведь слушаю тебя: напишешь письмо о своей проблеме — я помолюсь, позвонишь по телефону — скажу пару слов, ладно, но что происходит потом? Тебе мало этого, ты хочешь не просто пары слов. Да, сначала говоришь:

— Скажите мне пару слов, и мне этого довольно!

Но не насыщаешься парой слов, потому что душа твоя хочет бескрайнего, хочет неоскудевающего. Ты хочешь, чтобы кто-нибудь тобой занимался, и этого заслуживаешь, потому что ты уникальный по ценности человек — со всеми твоими чаяниями, характером, желаниями, мечтами. Ты заслуживаешь того, чтобы кто-нибудь занимался тобой, но сколько ему тобой заниматься? Кто может столько заниматься тобой, твоей проблемой? Человек тебя выслушает и скажет:

— Да что ты говоришь, дитя мое? Ты это серьезно? Ой, какое же ты бремя несешь!

Хорошо, скажет он это, прослезится слегка, если будет посентиментальней, а если окажется христианином — немного помолится о тебе, окажет любовь... Хорошо. Но потом все равно скажет:

— Ты знаешь, мне уже пора, меня ждут дома, мы скоро будем садиться обедать (или: «Сейчас я должен повесить трубку, потому что нужно закончить работу»).

— А сейчас тебе надо идти, дитя мое, — скажу тебе я, — потому что другие тоже хотят исповедаться.

Но тебе хочется еще чего-то, слезы так и стоят у тебя в глазах, а я говорю:

— Иди! Другим тоже надо подойти на Исповедь.

И ты мне говоришь:

— Но я же хочу еще!

— Чего ты хочешь еще?

— Любви, утешения, слов.

Послушай, этого не будет. Ни ты у меня, ни я у тебя, ни мы с тобой у кого бы то ни было не можем взять того, что может дать один только Христос.

Когда я скажу тебе: «Ну что ж, иди, я не могу больше с тобой разговаривать, у меня нет времени», или когда ты не можешь дозвониться ко мне по телефону, или когда твой муж уйдет на работу, а ребенок хлопнет дверью и исчезнет, Христос — это Тот, Кто опять, опять и опять остается с тобой, Он сидит рядом с тобой, любит тебя, занимается тобой, смотрит в твои глаза. Подходит, чтобы вытереть твои слезы, даровать тебе Свою любовь, утешение, и говорит:

— Посмотри, Я всегда с тобой! Я твой неразлучный Друг, твоя любовь, твой Бог и Утешитель. Чего тебе хочется? Я с тобой.

Это Христос. Ищите же Его, чтобы найти, и ты, у которого есть связь с Богом, и ты, у которого ее вроде бы нет, но это не так: связи с Богом не лишен никто.

Что значит иметь связь со Христом? А ты знаешь, что значит любить Христа? Знаешь, что значит сказать: «Я Божий человек, я христианин, я церковный человек»? Это великие слова! «Я христианин», т.е. я Христов, — это значит, что моя воля — это то, чего хочет Христос. Когда смотришь на меня, а я на тебя, и я смотрю на тебя как на Христа, — это значит, что я христианин, я Христов. На моем лице отображен Христос, мои руки, словно руки Христа, всегда дарят любовь, мои уста говорят Христовы слова, и я всегда произношу слова любви — вот что значит, что я христианин. Я заквашен на Христе.

Великое дело — сказать, что ты христианин. Это колоссальная ответственность. И мы, те, у кого связь с Богом только на словах, — не христиане. То есть ты хочешь сказать, что у тебя такая сильная связь со Христом, а у другого ее нет?

Мы все ведем борьбу, у каждого есть эгоизм, мы все поднимемся и снова падаем, падаем и встаем, и так происходит постоянно... Но только где падают христиане? В Церкви. То есть мы обнаружили такое место, открыли такое пространство, нашли себе такое утешение, такой двор — двор Церкви, где нас любят и принимают. И идем туда, и совершаем свои грехи — в Церкви, а другие делают

это вне Церкви. Но мы тоже совершаем грехи, ошибки, будучи в Церкви. Не так ли?

Нет? Тогда у тебя, может, лучший на свете ребенок? Или ты лучше всех? А может, у тебя муж (жена) лучше всех на свете? Хорошо, пусть будет так. Но когда ты придешь исповедоваться, то ты, который лучше всех на свете, тоже назовешь свои грехи. Нет? А что же ты будешь исповедовать? Свои добродетели? Зачем тогда приходиться? Нет, ты тоже скажешь, что гневаешься, нервничаешь, ругаешься, кричишь, негодуешь, испытываешь неприязнь, ревнуешь, осуждаешь, воруешь, лжешь и т.п. Просто мы все это делаем. И хорошие, и плохие. Если только кто-нибудь по благодати Божией не подвизался и не ограничил эти вещи до некоторой степени.

Впрочем, как пишет Священное Писание, все согрешили, никто не чист от скверны на этой земле, от скверны эгоизма, мы все одинаковые (ср. Пс. 13, 1–2). Все стенаем. Это нас объединяет, и мы так сплачиваемся и начинаем друг друга понимать. И я рад, что ты тоже подвизаешься по жизни, постепенно продвигаешься вперед и нашел для себя конечную пристань. А пристань эта — Церковь.

Помню, как-то проходил я мимо храма, на ступеньках которого тусовались наркоманы. Я только что отслужил святую литургию, а мы иногда, когда служим, чувствуем, что Господь подает нам силу и нам все бывает нипочем. То есть ты не боишься говорить. И не отводишь глаза, а говоришь человеку все, и он понимает, что ты говоришь. Ты тогда говоришь, потому что у тебя есть желание говорить, и человек не обижается, и ты можешь сказать ему что хочешь.

Итак, они сидели, кто-то курил. Я сказал им:

— Прославляйте Бога за то, что вы — на ступенях храма: сидите себе, курите, принимаете наркотики, в объятиях Бога совершаете грехи! Бог любит вас, и ты сидишь себе в объятиях Бога и грешишь!

— Чего?! — сказал один из них.

— Как чего? — ответил я.

— Я в церковь не заходил!

— Ну да, а эти ступеньки чьи? Ты же на ступенях сидишь. А ступени храмовые. Ну что, понял? Ты так близок к спасению, близок к тому, чтобы спастись, надо только сделать шаг. Здесь пятнадцать ступеней — пересчитай их! Их пятнадцать. Поднимись же по ним и войди!

— Обколотый?

— Обколотый.

— Обкуренный?

— Обкуренный. Войди внутрь и скажи: «Господи, у меня зависимость!»

И Он тебя не заругает. Хочешь доказательств? Если бы Он хотел тебя заругать, то наслал бы молнию туда, где ты сидишь и принимаешь наркотики, и тебя вмиг не стало бы. Если бы Он хотел тебя заругать, то покарал бы. Но Бог не карает, Он — Бог любви.

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Мы проходим мимо своего спасения

В Церкви бывает много всего, возле храма, в церковном дворе, на скамейках, где сидят и чего только не делают, говорят всякую всячину и испытывают разные переживания. Переживания, находящиеся вне Бога, рядом с Богом, рядом с Божией благодатью. Представьте себе — всего несколько шагов! То есть ты делаешь несколько шагов, заглядываешь в алтарь, смотришь и видишь на святом престоле дарохранительницу. А что в ней? Тело и Кровь Христовы. А они что? Твое спасение.

То есть молодые люди проходят мимо своего спасения, не чувствуя этого. Мы проходим мимо спасения — и не заходим, чтобы принять его в свои руки, в свое тело и душу, чтобы причаститься, покаяться, исповедаться (я сказал это в обратном порядке, потому что мы каемся, исповедуемся, причащаемся, принимаем Господа, и Он изменяет нашу жизнь, и мы становимся близки к Церкви).

Есть дома, стоящие рядом с храмом, люди с балкона смотрят на него, слышат, как под боком звонит колокол, пьют себе кофе и смотрят на звонницу. А потом заходят в комнату и начинают ссориться, дерутся, швыряют вещи, а рядом служится святая литургия...

Спасение так близко к нам, а мы этого не понимаем. То есть оно переплетается с нашей жизнью, Бог проходит так близко от нас, чтобы мы Его ощутили, задумались о Его любви. Проходит так деликатно и говорит:

— Я ничего тебе не сделаю. Я только люблю тебя, что Мне еще делать? Л-ю-б-л-ю тебя!

— А что Ты еще делаешь?

— Да это только и делаю — люблю. И жду. Жду твоего покаяния, твоей перемены.

Сколько людей проходит мимо нас, сколько таких людей, которые могли бы зайти в храм и испытать невероятные переживания. Есть церкви, стоящие рядом с кафе, дискотеками, клубами, барами. А возле некоторых есть ночные заведения, и, прежде чем зайти в бар, ты уже за пару кварталов видишь церковь. Но есть одно слово — это удивительное, страшное, уникальное слово «свобода», слово «произволение», расположение души: к чему склоняется твоя душа, куда тянется твое сердце, чего ты ищешь?

Если ты смирен, то пойдешь к церкви и там встанешь — на ее ступенях, там ты будешь грешить, на ступенях храма. И постепенно от множества грехов, падений, унижений, терзаний и срывов душевных и телесных можешь прийти к мысли: «А что там происходит? О Господи, да Ты ведь, конечно, можешь мне помочь!»

Чтобы войти в Церковь и спастись, нужно только смирение, одно лишь: «Господи, помилуй!» — и Он нас спасет. Но только, чтобы сказать это, надо иметь смирение, потому что эгоист не может сказать: «Господи, помилуй», он говорит: «Оставьте меня все в покое! Мне никто не нужен!»

На одной стене кто-то сделал надпись, что не нужны ни Бог, ни начальники. Точнее, там было написано: «Ни Бога, ни начальников!» Но это не так, потому что над тобой уже есть начальник — твое «я» стало твоим начальником. Оно свирепейший тиран, иго твоего «я» очень жестоко. Когда бросаешь Бога, вперед выходит «я», и ты попадаешь под гнет чрезвычайно сильный, невыносимый. Ведь Бог так смирен, что ничего от тебя не хочет, кроме того, чтобы сделать тебя счастливым. А твое «я» стремится тебя растерзать, уничтожить, раздавить, забросать — чем? Проблемами, зависимостями, болезнями, страданиями, помыслами, идеями, фантазиями, претензиями, упрямством, похотями.

Посмотри, каким ты становишься, когда идешь на поводу у своего «я». Ты оставляешь Бога, «я» заключает тебя в свои объятия, и ты гордо заявляешь:

— Ни Бога, ни начальников!

А в тебе уже кишат сотни начальников. Твоими начальниками стали сигареты, нервы, телевизор, пьянство, — ты ведь говорил мне это.

Хорошо (если ты женщина), ты будешь проявлять терпение, живя с мужем, который пьет, будешь молиться, раз от разу получая в глаз кулаком, — потому я и говорю тебе это. Ты ведь говоришь, что тебя колотят, так будем проявлять терпение и станем святыми людьми.

А еще ты будешь плакать — научись же так плакать, чтобы, плача, превращать свои слезы в бриллианты у ног Господних и говорить: «Господи мой, я плачу не зря, я плачу перед Тобой. Мои слезы, может, и падают на землю, превращаясь в грязь, но эта грязь перед Тобой — как бриллианты, потому что я сама и мои слезы — мы у Твоих ног».

Научись плакать перед Христом, а не зря. Плакать не из-за нервов, упрямства и вопросов: «За что? Ну почему мне досталась такая жизнь?» — а плакать и говорить:

— Господи, дай мне видеть Твое Царство, научи меня смотреть вдаль. В этих мучениях, в этой зависимости моего мужа что-то сокрыто. Куда Ты ведешь его, Господи?

И Он тебе скажет:

— Я веду его в рай. Вот куда его веду. И тебя хочу отвести туда же, и тебя хочу спасти. Ты это поняла?

Помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю (Пс. 120, 2). Господь — моя и твоя помощь. Ни я, ни моя молитва, ни чья угодно молитва сама по себе, а молитва Церкви, святых, всех — она тебе поможет. Не уповай же на человека, а на Бога. Ни психологически, ни эмоционально не надейся на человека... Да, от него ты тоже получишь помощь, естественно, когда будешь искать опору, я имею в виду, чтобы ты не прилеплялась, не привязывалась, не абсолютизировала людей, но одного только Господа.

Он твоя помощь, Он твоя опора, твой Врач. И Он так переплетает вокруг все события и вызывает такую реакцию в твоей душе и процессы в сердце, чтобы получился хороший результат.

Наш мир запутан, запутана и жизнь, мы все — дети своего времени. Иногда меня спрашивают:

— А какие сегодня дети в школе?

Я отвечаю:

— Как все дети на свете.

А какими им еще быть? Тебе самому каким представляется мир, какими ты видишь детей? Так зачем меня спрашивать, как будто я не от мира сего. Я ведь тоже живу в мире, и дети нашего времени — это дети нашего времени, какие они есть здесь и сегодня. А какими им еще быть?

Мы с вами боремся, прилагаем усилия, и поэтому давайте молить Бога, чтобы Он помиловал детей, молодежь, запутавшуюся и сбившуюся с пути, молодежь, которая проходит через очень важный возраст и которую борет искунитель. А также людей, которые не знают, что им делать, что выбрать по жизни, людей, которые совсем запутались и не знают, на что решиться.

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Лекарство от одиночества

То, что угнетает нас изнутри, — это наш уязвленный эгоизм. Мы не научились любить ради других, но ради того, чтобы взамен получать их любовь. Такая любовь корыстна и не имеет ничего общего с тем, чему учил нас Христос.

Возможно, это действительно трудно — любить своих врагов, но на пути к этой цели можно делать определенные шаги. В первую очередь наше внутреннее устройство часто является поводом для окружающих относиться к нам или равнодушно, или плохо. Если сначала мы изменим свое отношение к другим, то увидим сразу перемены и в их поведении.

Мы много постарались, чтобы нажать врагов своими действиями, но если мы станем относиться к ним лучше и приложим попечение о том, чтобы удалить недоразумения, которые нас разделяют, то они легко станут друзьями.

Христианин не имеет врагов, потому что его поведение не способствует вражде. А если кто-то враждебно настроен против него из-за того, что он — христианин, тогда эта вражда не является личной. В этом — великая духовная польза для христианина. И только ради этой духовной пользы, которую мы получаем от тех, кто имеет предвзятое отношение к нам по причине нашей веры, необходимо быть им благодарными.

Поэтому лекарством от одиночества и ропота является истинная бескорыстная любовь. Давайте начнем с тех, кто нас окружает, будем заботиться о том, чтобы, по мере наших сил, радовать их. Узнаем, что им нравится, будем говорить с ними дружелюбнее, теплее, по-человечески. Тогда мы увидим чудо. Вначале они будут удивлены перемене нашего к ним отношения и, возможно, на первых порах выразят недоверие. Но через некоторое время они не выдержат атаки любви, которой мы их подвергаем, иотреагируют девять раз из десяти положительно, и лишь один из десяти — равнодушно или отрицательно. Но их отношение будет связано не с нами, а с их личными проблемами.

Христианин — человек светлый. Он излучает свет любви Христовой, умиротворения и постоянства. Даже если кто-то и не знаком с ним, он чувствует, что может полагаться на него, не опасаясь предательства или разочарования. Перед светом Христовым тают снега, тени исчезают, сердца и объятия раскрываются.

Не думайте, что это все только теории. Уверяю вас, что это лекарство, проверенное и действенное. Те редкие случаи, когда изменение нашего собственного отношения

не получает аналогичной реакции окружающих, требуют более детального поиска. Быть может, есть глубокие причины или раны от наших собственных прежних поступков или опыта других людей, которые не связаны с нами. Или просто некоторые люди не хотят отвечать взаимностью на нашу любовь. Это их право. Мы не можем заставить их. И тогда наступает время доказать, насколько бескорыстна наша любовь.

Мы действительно нуждаемся в любви других. Сердце человека подобно растению, оно питается водой любви. Если его не поливать регулярно, оно засыхает и увядает, но не только от нехватки человеческой любви. Те благословенные, которые соединены с источником любви, Христом, имеют меньшую потребность в любви человеческой, они имеют любовь в изобилии, чтоб распространять ее вокруг себя. Мы же, недостаточные, еще нуждаемся в том, чтобы чувствовать тепло человеческой любви, так что позаботимся о том, чтобы щедро отдавать ее всем, и будем надеяться, что некоторые воздадут нам тем же.

А что касается плотской любви и физических проявлений любви духовной, это — сложная тема, не знаю, сможем ли мы раскрыть ее в этих нескольких строках без риска недоразумений. Конечно, я не имею в виду проявления любви между родителями и детьми, или братьями, или христианами, или кем бы то ни было из людей, которых объединяет чистая любовь. Человек имеет двойственную природу, душу и тело, и логично, что и тело участвует во взаимном выражении любви, но с мерой и деликатностью, потому что не все думают одинаково и не все имеют одинаковые привычки и традиции.

Лекарство от одиночества

Причиной нашего дурного отношения к другим часто является уныние, а именно духовная леность и бездействие. Уныние отдаляет нас от источника любви, Христа, и заставляет чувствовать себя опустошенными, не имеющими цели и не способными не только любить, но даже пошевелить пальцем. Причины уныния могут быть разными, и выход из этого труден, поэтому нам необходима помощь духовника. Когда мы снова станем духовно на ноги, мы сможем и улучшить наши отношения с окружающими нас, как описано выше.

Боже, милостив буди мне, грешному, и помилуй мя!

(Перевод с новогреч. А. Будник)

Кушай, а то дедушка тебя накажет!

Когда Бог подает нам Свою благодать, мы что делаем? Протягиваем руки. И знаешь, как складываем их? Как малые дети, когда насыпаешь им конфет в ручки, или как когда раздают антидор, а нам хочется взять побольше, и мы набираем его полные пригоршни.

Это движение описывает и любой подвиг, который мы совершаем в Церкви. Другими словами, когда постишься, ты не говоришь Богу: «Сейчас я делаю то-то, но хочу, чтобы Ты мне за это воздал! Я постился, поэтому дай мне!» И когда в воскресенье утром идешь в храм, чтобы принять участие в святой литургии, не говоришь Ему: «Вот, я пришел в церковь. А теперь жду от Тебя награды!» Нет! Бог и без того сделает тебе множество подарков. Ведь Он любит тебя без всяких условий. Он ведь не как мы, то есть не «ты мне — я тебе». Нет, Бог любит тебя, даже если ты Его не любишь!

А разве ты не говорил мне, что столько лет совершаешь грехи и все никак не пойдешь в церковь? Так что же

Кушай, а то дедушка тебя накажет!

сделал тебе за это Бог, наказал? Нет, напротив, Он устроил у тебя все замечательно: и работу, и здоровье, ты ведь не испытываешь совершенно никаких страданий. Следовательно, ты согрешаешь, а Бог в ответ на грех воздает тебе любовью. Каждый раз любовью и любовью! И говорит: «Я тебя люблю! Я хочу, чтобы ты стал христианином не для того, чтобы Я тиранил тебя. Мне не нужны рабы».

«Я раб Божий!» — эти слова указывают на свободу от любой зависимости. Я раб одному только Господу!

Ты скажешь сейчас: «Постой, а разве мы не говорим то тут, то там: крещается раб Божий, венчается раб Божий?» Да, но ты подумай, когда было принято это выражение «раб Божий», в какую эпоху. Святой апостол Павел употребляет его в эпоху (в Ветхом Завете его тоже употребляли), когда у царей были подданные, говорившие о себе: «Я раб царя такого-то», а царь говорил: «У меня есть слуги и подданные». И тут является Церковь и говорит: «Нет, ты ошибаешься! Ты не будешь рабом никому, ни единому человеку! Ты будешь рабом одному только Господу!»

Эта формулировка была очень радикальной в те времена, когда она была озвучена. Это были крайне радикальные слова! Настоящая революция! Царь стоит впереди, слушает святую литургию, а в молитве слышится: «Раб Божий». Не царский. Нет. Мы рабы Господа. Понимаешь? Это слово очень революционно и указывает на свободу от любой зависимости. Я раб Божий! Я раб одному только Господу! Следовательно, я свободен! Я ни от кого и ни от чего не завишу! Я принадлежу Тому, Кто распялся на Голгофе для того, чтобы я не был рабом никому! Это и значит «раб Господень» — свободный, отданный

Господу. И я люблю Любящего меня и Сделавшего меня таким свободным.

И человек толкует это, как хочет, а Господь принимает его решение. Ты приближаешься к Богу, тебя притягивает Его любовь и влечет Его Крест или же видишь Его распростертые руки и говоришь:

— Если Он позволяет мне уйти, то уйду! Я хочу уйти!

Уходи! Но если ты стал приближаться к Богу, то уже не лезешь к Нему с отношениями типа «ты мне — я тебе». Нет, ты идешь в церковь, чтобы принять Божию благодать и взять Божие благословение, сказать Ему свое «благодарю» и ответить на ту великую любовь, которую Он тебе уже отдал. Бог возлюбил тебя еще до того, как ты надумаешь каяться. Понимаешь?

Другими словами, это своекорыстие, которое я иногда наблюдаю в церкви, эта готовность пойти на сделку с Богом в случае нужды, мне не нравится. Заказать молебн, чтобы Бог стал для нас Другом, Приятелем и Защитником, — это уже связь с Богом типа «ты мне — я тебе». Эта связь несовершенна!

Однажды я услышал, как пожилая женщина говорит своему внуку, не хотевшему есть:

— Кушай, а то дедушка тебя накажет!

Это неправильно.

— Кушай, а то Бог тебя не будет любить, — сказала она на следующий день.

Я сказал бабушке:

— Но почему же? Наоборот! Бог очень любит детей, которые много не едят и не толстеют. А почему Он не должен их любить?

Кушай, а то дедушка тебя накажет!

Зачем создавать у ребенка такое представление о Боге? Зачем преподносить в искаженном виде то, что так ясно? Зачем создавать у него перевернутое представление о тех вещах, которые могут, подобно коврам-самолетам, доставить нас в рай? Как те волшебные коврики из сказок, которые примчат тебя, куда ни пожелаешь.

Мы рисуем мрачное пространство, уставленное ограничениями. А Церковь — место свободы!

Ты передаешь ребенку это волшебство и красоту в искаженном виде, и потом он слышит слово «Церковь» и говорит себе: «А, это то принуждение, порядок любой ценой, консерватизм...» Так думают о Церкви, что это какое-то скучное и мрачное пространство, уставленное ограничениями и преградами. А Церковь — место свободного пространства, где душа твоя дышит полной грудью, сердце бьется нормально, где ты не трясешься, не боишься, где твое «я» — настоящее, такое, какое есть, честное и искреннее, и ты такой, какой ты есть, грешный и раскаивающийся. Согрешишь — поплачешь, покаешься... и так будет продолжаться до тех пор, пока Христова любовь не возьмет в тебе верх.

Грех в конце концов ослабевает. Потому что знаешь, что такое грех? Грех — это всего лишь обман! Потом грех уже не будет тебя влечь, ты не будешь вынужден грешить, но и наступать на горло собственной песне тоже не будешь. Выбор в пользу добра будет происходить спонтанно, потому что у тебя больше не будет желания грешить. Грех не будет тебе нравиться, потому что ты уже будешь полон чего-то другого.

Подумай об этом, как это просто. Если кто-нибудь курит, значит, больше нет ничего, что вызывало бы у него

наслаждение, вот он и нашел себе это. А если семья станет доставлять ему тепло и уладу, он не захочет сигарет. Тогда его уже не надо будет прессинговать и говорить: «Перестань же наконец. Дом с самого утра уже превратился в какой-то дымоход!» Намеки уже не будут нужны.

Этот неправильный менталитет распространился и на пространство Церкви. К сожалению, мы передаем его детям и поэтому видим совсем другого Бога, не Того доступного и подлинного, каким Он явился на землю. Ты помнишь, как ученики шли и говорили Господу, чего они хотят? Они говорили несуразные и легкомысленные вещи, которые сегодня нас удивляют. Мы недоумеваем, читая, как сами апостолы Иаков и Иоанн говорят Ему: «Мы хотим сесть слева и справа от Тебя, когда придешь судить мир. Дай нам почета и власти!» (ср. Мк. 10, 35–37). Сегодня ты скажешь: «Ну как же это нелепо! Господь ведь хотел, чтобы они были смиренными!» Сегодня ты судишь так, но я все-таки думаю по-другому.

Мне очень нравится, что Господь не создавал вокруг Себя казарменной атмосферы и не учил учеников каким-нибудь конкретным и формальным правилам поведения, говоря: «Вы все будете говорить вот так-то и так-то, и чтобы Я не слышал от вас всякого вздора!» Он позволял им выражать себя такими, какими они и были в действительности. Рядом с Ним были дети — это святые апостолы были как дети, как непутевые дети.

В какой-то момент Господь действительно сделал им замечание и сказал, что они еще не знают Его духа, не знают Его смирения и любви. Но когда Он говорит это? Когда ученики попросили позволить им отомстить одному

Кушай, а то дедушка тебя накажет!

городу, не принявшему их (см. Лк. 9, 54–56). И Христос их поправляет. Да, но для начала выслушав их. Он поправляет их, но уже после того, как они перед Ним свободно выскажутся.

Здесь потрясает именно то, что Он — Сам Бог, а страха не вызывает!

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Ты хороший, но тебя надо подтолкнуть

Покаяние... Человек спрашивает:

— Вы меня еще раз простите?

— Прощу.

— Хорошо, тогда я пойду и сделаю опять то же самое.

Но, извини, ты что, для этого спрашиваешь? Хочешь убедиться, что Бог любит тебя, чтобы набраться дерзости и грешить еще больше? Тогда ты еще не понял, о чем мы говорим. Ты все еще спишь!

То есть если ты чувствуешь, что Христос любит тебя, но понимаешь эту любовь как попустительство, в смысле убаюкивания своей совести и угождения себе, тогда будь осторожен, это очень опасно — делать себе поблажки в церковных вопросах: в таком случае ты вообще не сможешь продвинуться вперед!

Кто-то сказал мне:

— Я хожу к духовнику, с которым мы очень хорошо ладим.

Ты хороший, но тебя надо подтолкнуть

Но слова «очень хорошо ладим» могут иметь много значений. Что значит «мы хорошо ладим»? Если это значит, что он понимает тебя без слов, тогда хорошо. Нам всем хочется душевного общения со своим духовником и согласия с ним. Тогда ладно, никаких проблем! Но если ты имеешь в виду, что он тебя не ругает, а говорит: «Да это не важно, дитя мое! Ничего особенного в этом нет, никакое это не зло!» — тогда это неправильно! И ты это прекрасно понимаешь. Даже если бы собрались все духовники на свете и сказали тебе, например, что то, что ты желаешь, — не грех, ты ведь знаешь, грех ли это. Сердце само тебе говорит об этом.

А сейчас ты просто нашел себе алиби, нашел снисходительного и удобного духовника, который тебя балует, но это тебе вовсе не помогает! Говоря о Божией любви, я ничего подобного не имею в виду. Я имею в виду простоту и непритворность. Не чтобы ты чувствовал, что другой — чудовище, вызывающее в тебе трепет, а чтобы он по-хорошему помогал тебе возрастать духовно.

О горнем помышляйте, а не о земном (Кол. 3, 2). Мы ведь обновляемся, обновляя свой ум (ср. Рим. 12, 2). Иными словами, наш ум должен обновляться, чтобы мы становились новыми людьми: *Древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. 5, 17). И чтобы исправлялись! Это признак того, что наша связь с Богом правильна, комфортна, плодотворна. Надо быть спокойным, но не пассивным человеком, без комплексов, без зажатости, без того, чтобы твоя душа блокировала происходящее вокруг, но надо и постоянно освящать себя. Другими словами, если ты и в этом году гневаешься так же сильно, как в прошлом, если и в этом ругаешься и воруешь, как в прошлом, если ты все еще

продолжаешь творить беззакония, которые творил раньше, и, несмотря на это, чувствуешь себя в церкви комфортно, то это заставляет меня задуматься. Невозможно вкусить истинного утешения Христа и оставаться без изменений. Ты будешь исправляться, меняться автоматически. С тобой что-нибудь да произойдет! Обязательно!

Вопрос в том, чтобы ты подвизался потому, что любишь Христа, из любочестия, а не чтобы прилагал какие-то усилия из эгоизма и считал, что сейчас-то Бог уже по праву должен тебя спасти. Что бы ты ни делал, Бог спасает тебя не потому, что ты подвизаешься, — Он спасает тебя даром, бесплатно. Совершенно даром! «Так зачем мне тогда подвизаться? Зачем делать все это, если я буду спасен даром?» Ну и не надо, если не хочешь! А разве ты подвизаешься насильно? Нет, ты ведь делаешь все это из любочестия, из благодарности, от радости. Говоришь себе: «Сделаю-ка и я для Тебя что-нибудь, Господи, и я поучаствую, и я приложу тут какой-нибудь телесный труд!»

Приведу тебе пример. Зачем ты как-то прислал мне ту книгу с Кипра? И написал на конверте: «Для батюшки, который ведет радиопередачу». Так зачем ты сделал это? Отвечаешь: «Я люблю тебя, отче!» Знаю, что любишь. Но если бы ты и не посылал ее, ты ведь все равно любил бы меня. «Да, но я хотел для тебя что-нибудь сделать!» Ну вот ты и получил ответ! Так ты делаешь и все остальное — хочешь показать свою любовь к жене, например. Когда даришь ей цветы или еще какой-нибудь подарок, это не значит, что если бы ты не сделал этого, то не любил бы ее, но этот твой поступок важен, потому что он что-то показывает. Я это имел в виду.

Ты хороший, но тебя надо подтолкнуть

Вот кто-нибудь говорит: «Я люблю Бога, но в воскресенье сплю». А как же ты Его любишь? Вот Бог возлюбил тебя и показал это. Как показал? Распявшись на Голгофе! За тебя! И говорит тебе:

— Дитя Мое, Я люблю тебя до смерти! А ты Меня любишь?

— Да, я люблю Тебя!

— А где же ты тогда? Когда Я бываю заклан и приношу Себя в жертву на святой литургии и на святом престоле пребывают Мое Тело и Моя Кровь, ты понял, что Я там? — спрашивает Христос.

— Да, я понял это.

— И что же ты делаешь?

— Но я не могу прийти, потому что сплю.

Сейчас это я говорю, не Христос. Господь не говорит, потому что знает, что для этого еще не пришло время.

Если ты понимаешь, что на святой литургии пребывают Тело и Кровь Господа, но еще обсуждаешь это и говоришь: «Да какая разница! Я хочу спать, я очень устал. Вы хорошо говорите, отче, но у нас свои дела!» — тогда ладно, доброго дня тебе!

Один мой друг, старец на Святой Горе Афонской, когда поймет, что чему-то конца не видно, говорит:

— Ну ладно, доброго дня! До свидания. Мы друг друга не понимаем.

Тут, кажется, для человека еще не пришло время понять, что жертва Господа невероятна. Великое дело — чувствовать, что Господь пребывает на святой литургии. Если я это чувствую, тогда я уже не хожу в храм формально, не хожу для того, чтобы наступающий год был успешным, или потому, что я грек, живу в прекрасной Греции и так

был научен. Мы многому научились у наших традиций, но поскольку все это языческие, магические и греховные вещи, то мы их отвергли.

Так что же значит «мы так научены»? Если что-то неправильно, мы от этого отучимся. Мы не делаем чего-то только потому, что так были научены, по обычаю; мы делаем это потому, что в этом есть какой-то смысл и содержание. Именно из-за того, что мы не поняли смысла жизни, она не приводит нас в восторг и не волнует, не хватает за живое и не вдохновляет жить в этом ее «безумии», поэтому и все великое у нас принижено до сухого долга и формальных обязанностей, до каких-то формальных действий. «Надо ходить в церковь!» Да не надо в нее ходить! Это вопрос любви. Кто-нибудь когда-нибудь говорил матери: «Надо любить своего ребенка»? Нет, она его любит, потому что этого хочет, потому что это ее ребенок, потому что она с ним связана. Она его любит, целует, ласкает. Ей никто не говорил, что она должна любить своего ребенка: она это чувствует, это идет у нее изнутри. Такова и наша правильная связь со Христом и Церковью.

Потому я и говорю тебе, чтобы ты ходил в церковь. Ты понимаешь, что я сейчас делаю? Опровергаю все, что говорил раньше. То есть до сих пор говорил, что все должно делаться спонтанно, а сейчас говорю, чтобы ты ходил в церковь. Потому что знаю, что глубоко в душе ты это знаешь и этого хочешь, но только ты нерадив.

И ты, барышня, тоже нерадива. И ты, дорогой мой друг, нерадив. Ты хороший, но тебя надо подтолкнуть. Я уже понял, что ты этого хочешь, веруешь, тебя это трогает, тебе нравится, но тебя надо подтолкнуть. Что я сейчас и делаю.

Ты хороший, но тебя надо подтолкнуть

Я не против толчка, подтолкнуть другого можно, но только чтобы он не упал. Легонько так, потому что его можно и свалить с ног. Подталкиваешь его так мягко: «Иди сюда, пойдём!» — и легонько хлопаешь по спине.

Что я сейчас и делаю. Говорю тебе заботливо: «Хочешь? Иди». Я вижу, что душа у тебя добрая. А знаешь, из чего я вижу это? Потому что все эти годы, пока мы делаем эту передачу, ты меня постоянно слушаешь. А если слушаешь, значит, что-то тебе усладилось. И то, что тебе усладилось, — это Христос Господь! Поверь мне, ты хороший! Ты хороший! А поскольку ты хороший, то я и говорю тебе, чтобы ты подошел поближе к Хорошему, Которого возлюбил. Ты возлюбил не людей, ты возлюбил Христа! Этими словами Господь тебя притягивает, Он тебя услаждает, прикасается к твоей душе, и она замирает.

А сейчас ты плачешь. И это говоришь не ты один, это говорят многие: «Я слушаю эти слова и часто плачу». Да, но ты понял, почему плачешь? Ты об этом задумывался? Ты знаешь, Кто подает этот плач и слезы? Господь! Он прикасается к твоей душе! А когда почувствуешь Господа, спонтанно возникает желание заплакать. Подойди же поближе к Тому, Кто вызывает у тебя слезы, и скажи Ему:

— Господи, я благодарю Тебя! Я пришел на Твою святую литургию. Приступил к Тебе, смягчающему мои глаза, черствые и сухие, как камень, чтобы они немного увлажнились и источили слезы. Господи, я пришел поблагодарить Тебя и сказать, что я понял, что Ты живой, потому что мертвый не мог бы так коснуться моей души. Твое прикосновение похищает меня и оживляет, потому что оно — истинное прикосновение истинного Бога.

Христос жив. Он Тот, Кто вызывает в тебе слезы — не важно, когда это было: сегодня, вчера или завтра, Он Тот, Кто прикасается к твоему сердцу. Живой Христос, Он присутствует на святой литургии.

Знаю, что происходящее в храме бывает иногда тебе не по душе: разговоры, многолюдство, на тебя то и дело с любопытством смотрят и заставляют ощутить стыд, — и ты прав. Конечно, не совсем прав, но я с тобой соглашусь. Но при всем том Господь присутствует на святой литургии — Он, твой Создатель, твой Бог, твоя любовь, твой Творец, твой Друг, твой Иисус, дыхание твоего дыхания, душа твоей души, всё! Все то прекрасное, что преподобный Никодим Святогорец говорит Христу в своей молитве, в акафисте ко Господу: «Иисусе мой, дыхание мое! Иисусе мой, душа души моей! Иисусе мой наижеланнейший!»

Превосходные слова о Господе, описывающие то, Каков Господь и Кто Он. И Этот Господь присутствует на святой литургии. Оставь же все остальное и приди из-за одного этого! Приди, чтобы ощутить Живого Христа на святой литургии.

Все это не басни. Я слушал интервью одного английского епископа из Лондона, который, прежде чем стать православным, был другого вероисповедания. Не помню, протестантом он был или римокатоликом. Но когда попал на святую православную литургию, жизнь его изменилась. Он говорит, что почувствовал, что то, что звучит в храме, — это не слова. Там есть Некто! Христос!

Поэтому ходи в церковь. То, что ты встаешь и идешь, дорогого стоит.

Ты хороший, но тебя надо подтолкнуть

Как долго там находиться? Сколько хочешь! Как можно больше! Я уже говорил тебе это сегодня: будь честным. Если ты честен, то я тебе поверю. Что я имею в виду? Я спрошу тебя: «Сколько времени ты выдержишь в церкви?» — и если ответишь: «Пятнадцать минут, отче», — я сразу тебе поверю. Если ты честен, тогда я поверю, что эти 15 минут, о которых ты говоришь, — не ложь.

Ну а если ты лукав, тогда говоришь так: «А пятнадцать минут — это хорошо?» Но это уже лукавство, потому что ты можешь простоять не только 15, а все 45 минут, но только тебе тяжело, ты нерадив, крайне беспечен, ты ленишься, хочешь только наслаждаться и ищешь комфорта. Поэтому я и говорю, что у тебя не все хорошо, и призываю: будь честным!

Если можешь простоять 45 минут, почему бы не сделать этого? Это ведь 45 минут любви. Это 45 минут, за которые твоя душа наполнится утешений от Христа и Его ангелов, от Пресвятой Богородицы и святых. Это 45 минут, за которые твоя жизнь наполнится Жизни, а сердце — благодати!

Ты понимаешь, о чем я говорю? Нет? Потому и иди! Чтобы понять это. Как ты думаешь, где ты поймешь то, о чем я говорю? Только слушая передачу? Слушать — это хорошо, но на святой литургии ты еще и переживешь это. На святой литургии ты будешь жить Христом. Христос — там!

Итак, вы всё поняли. Дай Бог, чтобы и я, говорящий это, тоже все понял. К счастью, мы с вами — большая компания, и я рассчитываю на молитвы всех вас...

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Научись любить

А любовь есть покров и основа. Она покрывает все добродетели. Она придает уверенность, что путь твой правилен. Ибо если все дела свои ты вершишь без любви, то, как говорит апостол Павел, они не имеют смысла. Потому что все это ты найдешь и у других: у античных философов, риториков, создателей разнообразных философских систем. Все они ограничивали свое собственное «я»: не пили, не ели, не спали. Но все это вовсе не значит, что была в них и любовь.

Пусть в тебе будет любовь. Излучай любовь, оставляй любовь после себя. И все те, кто после многих лет придут к могиле твоей, скажут: «Да, в человеке этом была любовь. Была доброта. Ни на кого слова злого он не сказал и зла ни на кого не держал. Слова худого ни о ком не произнес. Не помню его осуждающим или обсуждающим кого-нибудь. Никогда. Руки его всегда подавали милостыню, уста его источали мед. Глаза его всегда были полны

слез от боли людской. Непрерывно ноги вели его к недужным и страждущим».

Мне очень нравится все сказанное. Более того, я завидую этим словам. Это дар свыше. Так и Священное Писание говорит: «Вера, Надежда и Любовь. Но бóльшая есть Любовь». Наивысшая.

Сегодня мы говорим о наивысшем. Желаю тебе быть сильным. Сделай шаг к любви, радости, почувствуй внутри души твоей богатство этой красоты. И пусть тебя не ранит, если не любят тебя. Не стоит печалиться, если тебе не отвечают любовью.

Пусть тебя не занимает то, как ведут себя с тобой окружающие, ибо занеможешь. Научись любить. Независимо от того, что делают другие. Научись, подобно Богу, отдавать. Научись сиять, как солнце. Оставь окружающих. Если у них нет к тебе любви, ничего страшного. Потому что и ты сам любишь не всех. Когда ты познаешь наивысшую любовь, только тогда истинно полюбишь. А пока учишься, будешь ошибаться. Так устроены люди. Не жди многого от людей.

Не имей претензий, говоря: «Я тебя люблю. Хочу, чтобы и ты меня любил». Не делай так. Питайся от источника, который внутри тебя. И если другие ответят тебе любовью — это хорошо. А если не ответят — не страшно. Не ворчи, потому что от доброты твоей останется всего лишь половина. Люби. Любовь, любовь, любовь. Прекрасное слово. Да даст Бог силы.

И напиши слово это в сердце своем. Произноси его своими устами. И сегодня произнеси его. Скажи его своему ребенку, скажи его своей жене, мужу своему, скажи

братьям своим. Пожалуйста, найди сегодня кого-нибудь и скажи ему: «Я тебя люблю». Только не говори это мне. Ибо я это знаю. Ты это говорил мне столько раз. Но скажи тому, кому ты затруднялся это говорить. Скажи. И если тебя воспримут не совсем всерьез, ничего страшного.

Продолжай произносить это слово внутри себя. Не веди себя вызывающе. Но говори ближнему своему: «Я тебя люблю и благодарю тебя за все, что ты сделал для меня. Спасибо, что ты существуешь. Что мне помогаешь. Поддерживаешь меня. Спасибо и за то, что ты мучаешь меня. И этим заставляешь меня учиться. И помогаешь мне терпеть и прощать».

(Перевод с новогреч. К. Митина)

Христос — это свобода!

Я не выношу, когда на меня давят

Как-то меня пригласили в одну гимназию, чтобы я встретился и побеседовал с учениками. Утром, на молитве, я заметил, что некоторые дети вообще не молятся, стоят во дворе и общаются. Зашел я в класс и увидел одного из ребят, стоявших во дворе. Сказал ему:

— Хочу спросить тебя кое о чем, ругать не буду. Почему ты во время молитвы не молился, а разговаривал?

Он ответил:

— Сказать тебе правду?

— Скажи!

— Я не хочу молиться, отче! Не хочу! Я что, обязан? Не хочу я молиться Богу! Тебе это мешает?

— Нет, не мешает. Я просто спросил тебя, потому что ты шумел.

Тут присоединились и его одноклассники, и один сказал:

— А зачем нам верить в Бога? Зачем ходить в храм насильно? Зачем это надо, чтобы Бог ограничивал нас по

жизни? Почему Он все должен превращать в трудности? На каждом шагу: «Этого не делай, того не делай!»

Когда он говорил, пятеро-шестеро аж завизжали, потом все подняли руки. Я сказал им:

— А ну-ка по стойте, по стойте немного! Я понимаю, что тут какая-то проблема. У вас проблема с Богом, так?

— Большая проблема! — сказал один.

— Так расскажите мне.

— А вы дадите нам говорить?

— Да, я вообще не буду вас прерывать, только говорите по одному.

Один мальчик поднял руку и сказал:

— На меня сильно давили дома из-за Бога и Церкви.

Другой сказал:

— Для меня Бог стал чисто навязчивой идеей.

Бог — и навязчивая идея? Я спросил его:

— А где ты слышал такое слово?

— Да, прижимали меня в детстве родители, прижимали с этой Церковью. И если дашь мне сказать правду, то я много историй тебе расскажу.

— Много не говори, расскажи только один случай, и коротко.

— Расскажу тебе один, отче! — Он забыл, что ко мне надо обращаться на «вы». — Пошли мы однажды всем классом в церковь, и поскольку я разговаривал в храме с одним мальчиком, то учитель, который молился, вывел нас на улицу со словами: «Вон из храма!» Потому что, как он сказал, внутри бить запрещено, а снаружи можно, вот он и дал нам пару тумаков, оттащил за уши, вернулся в храм, опять занял свою молитвенную позу и продолжил

молиться. А я все время спрашивал себя: «Ну что это за дела, что это за Бог? Почему Божий человек так жестоко обошелся со мной?»

Другой ребенок спросил меня:

— А сказать и мне что-то личное?

— Скажи!

— Когда я был маленьким и читал комиксы с Микки Маусом, один учитель, который говорил, что очень верует в Бога, взял, разорвал их перед всем классом и выбросил, говоря: «Это нехорошие журналы, тебе вредно читать такое».

Третий поделился следующим:

— А меня директор отвел в канцелярию и сказал: «Слушай, дитя мое, я Божий человек и дам тебе хороший совет: не дружи с этим мальчиком из вашего класса, потому что он плохой». И он научил меня, отче, делить одноклассников на хороших и плохих: «С этими не говори, они для тебя опасны!»

В классе был и его друг, с которым директор советовал ему не говорить, он поднял руку и сказал:

— А ты помнишь, что мы с тобой все равно не перестали дружить? Учитель говорил, чтобы мы не разговаривали, а мы дружили.

Еще один ученик сказал:

— А у меня, отче, в кармане были маленькие карты, которые называются покемонами, в Афинах они есть, это такая детская игра, и один учитель постоянно говорил мне: «Эти игры от сатаны!» Все, что мне нравится, запрещают! Когда мне что-нибудь приятно, Церковь тут же говорит: «Не делай того, не делай этого!» И на душе

у меня сразу появляется вина, подавленность. И все это во имя Бога.

А один ребенок сказал лучше всех, меня это очень тронуло:

— Отче, а сказать тебе что-то? Меня по жизни научили испытывать неприязнь к Богу, но я скажу тебе: Христос лучше всех!

— Ну-ка повтори.

— Христос лучше всех! Христос не виноват, это люди, говорившие мне о Христе, не помогли полюбить Его, заставили Его бояться, смотреть на Него как на угрозу, препятствие моему характеру, развитию, свободе, радости.

Я сказал:

— Дети, то, что вы говорите, очень важно. Это страшные истины, которые меня потрясают, потому что я священник, и мне следовало бы не быть виноватым в том, что вы сегодня чувствуете, но, к сожалению, на мне тоже есть вина!

Думаю, слова «нажим» и «Христос» несовместимы. Если чувствуешь, что на тебя давят, когда делаешь что-нибудь, этого делать не стоит. Христос — это свобода! Если ты постишься под чьим-нибудь давлением, тогда не стоит поститься. Если ходишь в церковь под давлением, Христос опечаливается. Или если с трудом встаешь, чтобы помолиться, то Бог от тебя не хочет этого насильно. Старец Порфирий говорил: «Богу не нужна барщина», — то есть чтобы Ему что-нибудь давали насильно, Он хочет свободы, радости. Если я ношу эту рясу, а внутренне не хочу ее носить, тогда не стоит этого делать. Если вы пришли сюда насильно, то тоже не стоило этого делать. Христос хочет малого, но от всего сердца!

Когда-то Господь даже дошел до того, что сказал Своим ученикам:

— Может, вы тоже хотите уйти? — потому что некоторые ушли от Него, поскольку Он говорил невероятные вещи.

Он говорил о Своей жертве, о Святом Теле и Крови, и некоторые сказали: «Ну что это за непонятные слова?» И ушли от Него.

И Христос спрашивает Своих учеников:

— Может, вы тоже хотите уйти? Пожалуйста, вы свободны. Вы любите Меня? Оставайтесь! Не можете? Тогда уходите!

Как это замечательно! И тогда святой апостол Петр сказал:

— Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной (см. Ин. 6, 67–68).

Господи, к кому нам идти? Нам с Тобой хорошо, с Тобой у нас душа успокаивается! Мы с Тобой не насильно! Мы этого хотим, и поэтому мы тут!

Это, возлюбленные, бесценно. Христос дал нам право свободного выбора.

Может, братья мои, то, что я говорю, звучит поверхностно? А то кто-то сказал мне:

— Ты говоришь так, что вещи кажутся немного поверхностными.

Я ответил ему:

— А чего ты хочешь, как мне сказать это?

То есть стоит ли говорить такие слова, чтобы другие пришли от них в ужас и остались с нами насильно?

Впрочем, я спросил детей:

— Дети, а сейчас вы не хотите исповедоваться? Не хотите пойти в церковь?

— Да-да, сейчас хотим, а не как раньше, теперь мы думаем по-другому. Не насильно!

Мать Гавриила говорит: «С тех пор как я надела рясу, я перестала много говорить людям о Боге, потому что теперь говорит моя ряса». Если кто-нибудь в рясе пройдет мимо твоего дома — это Бог говорит. Ты думаешь: «Вот прошел священник. Прошли монахиня, монах». И не нужны уже ни проповедь, ни давление. Если мой пример тебе говорит о чем-нибудь, это войдет тебе в душу, и не надо говорить слов. Если я пощусь, если молюсь, если у меня на душе мир, то не надо говорить лишних слов, это видно само по себе. И не нужно уже никакое давление.

Как-то один подвижник прошелся со своим учеником по городу, заранее сказав ему:

— Мы пойдем совершать миссию.

Ученик думал, что они будут беседовать с людьми, ждал, чтобы старец сказал что-нибудь, а он молчал. Так прошли они по всему городу и вернулись в келью. Ученик спросил:

— Отче, а мы что, ничего не будем говорить людям?

— Дитя мое, а мы уже сказали: они же нас видели.

Ребенок тебя видит, жена тебя видит (муж тебя видит), и не надо уймы раздражающих слов, наш пример сам за нас говорит. Поэтому Господь сказал: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16). Есть ли у тебя свет? Сияет ли свет в твоей жизни? Тогда хочешь не хочешь, а другой его увидит. И не надо

говорить ему слов, он увидит твои дела, твое смирение, доброту.

А вы заметили, что чем больше говоришь кому-нибудь, тем больше добиваешься обратного результата? Когда даешь советы насильно, он начинает сопротивляться. Вчера одна женщина сказала мне:

— Мой муж не ходит в церковь. Что мне делать?

— Ничего не делай! Кто тебе сказал, что надо насильно менять его? Разве он не тебя видит? Когда ты месишь просфору, разве он не понимает, что ты веришь в Бога и тратишь время на то, чтобы испечь просфору? Это ли не проповедь? Неужели надо все время говорить? Не надо ему говорить ничего!

Другой видит, что ты делаешь. Когда он видит, что у тебя есть дети, а ты рожает еще двух, трех, четырех, пятерых, разве он не понимает, что ты веришь в Бога? Зачем ты их рожает? Если бы ты не верила в Бога, разве у тебя было бы так много детей? Вот это проповедь! Другой видит и получает свое послание. А давление приводит к обратному результату!

Скажете: «А разве ты сейчас не говоришь нам?» Да, говорю, но потому, что вы этого хотите. Я не принуждаю слушать. Хотите — слушаете, и я говорю. А если бы не хотели, я не мог бы вам ничего сказать, да и говорить не надо было бы.

В моем квартале есть один мальчик, которого зовут Орестис. Родители ему постоянно говорят, что он делает грехи — им все кажется грехом. Слушает музыку — ему говорят, что он грешный; пойдет играть в мяч — спрашивают, зачем он согрешает; поиграет в бильярд — опять

грех. Они его хотят водить в церковь, а мальчик отказывается, потому что они на него давят.

Однажды вечером мы с ним говорили (это было давно, еще до того, как я стал священником), стояло теплое лето, на небе были звезды, он растрогался и сказал:

— Завтра я наконец пойду в церковь!

— Правда? — спросил я его.

— Да, пойду!

— Я рад, что пойдешь.

На следующий день его отец позвонил и сказал мне:

— Ну что будет с этим ребенком? Он и сегодня не пошел в церковь! Встал в восемь утра и пошел играть в бильярд в соседнем квартале!

— В самом деле? — Я расстроился, и мне стало стыдно перед отцом, что мальчик сказал мне одно, а сделал другое. — Ну что вам сказать? Мне очень жалко вашего ребенка!

— Он ничего не слышит, когда ему говорят, просто как горох об стенку!

Вскоре я позвонил Орестису и сказал:

— Ну как тебе не стыдно! Не из-за того, что не пошел в церковь, а что обманул меня. Сказал, что пойдешь, а сам не пошел.

— Я ходил, отче!

— А отец звонил мне и сказал, что ты был на бильярде.

— Я его обманул. Встал в восемь, но не пошел в тот храм, куда они ходят, а в другой, в соседнем квартале. Когда я иду с ними, они меня потом хвалят: «Молодец! Вот так ты станешь хорошим мальчиком! Вот так и слушайся

нас, делай, что мы говорим! Сейчас мы за тебя радуемся!»
А я не хочу чувствовать себя так, как будто угождаю им, вот и пошел в другое место, потому что хотел свободно чувствовать Бога. Я не выношу, когда на меня давят.

Я сказал ему:

— Такой ты мне очень нравишься! Так и ходи каждое воскресенье, даже если будешь говорить, что ходишь на бильярд, на пляж. Делай что хочешь, но только ходи в храм!

— А я не совершаю здесь греха?

— Но ты же ходил в церковь!

Многого из того, чего мы хотим, Бог не дает нам потому, что мы этого в действительности хотим не для души другого, а для себя, чтобы самим быть довольными. «Пусть сын женится на той, которую я хочу, для его же блага». Вроде бы и так! А про себя думаем: «Чтобы исполнилось мое желание и он угодил мне. Я же так мечтала о таком будущем для своего ребенка!»

Я не понимаю, что все же должен делать твой ребенок? Исполнять твои мечты или жить себе свободно, как и ты жила когда-то? Ведь разница тут огромная.

Когда оказываешь давление, ты получаешь противоположный результат. Ведь душа человека чувствует. Ты прикасаешься к нему, а он себя чувствует так, как будто его обматывают колючей проволокой, поэтому он лишается мира в душе, хочет воспротивиться и как-нибудь отреагировать.

Если я спрошу вас, как вы смотрите на тот или иной грех, то будьте уверены, что все грехи, которые мы так или эдак оцениваем, Бог оценивает совершенно иначе.

Понимаете, о чем я говорю? Я имею в виду, что если я скажу тебе, какой грех есть у какого-нибудь человека, и спрошу, каким тебе кажется этот грех, который он совершил, то ты скажешь: «Ой, это действительно ужасно!» Бог, однако, смотрит на это совсем по-другому. И наоборот. Кто-нибудь, может, совершил малый грех, но Бог может считать его большим, а огромный грех может считать незначительным, потому что Бог смотрит не только на грех, но и на то, с чего все начиналось. Христос смотрит не только на кашель, но и на то, как он начался, кашель — это симптом, что-то такое, что проявляется. А причина сидит глубоко в душе — это что-то другое, чего мы, к сожалению, не видим.

Приведу вам пример. Один ребенок курил. Однажды его мама пришла ко мне и сказала (сначала, перед тем как я начну исповедовать детей, родители подходили и говорили мне, что сказать детям, но сейчас, естественно, перестали, потому что поняли, что ничего у них не выйдет):

— Отче, я хочу сначала увидаться с вами!

— Конечно, приходите.

— Мой Василий стал в последнее время курить. Прошу вас, когда придет, скажите ему, чтобы бросил!

— А вы ему это говорили?

— Говорила.

— И что, бросил?

— Нет, но вы — это же другое дело.

— Если другое, тогда позволь мне действовать, как я сочту нужным. Если ты действительно думаешь, что то, что я говорю, правильнее твоего, тогда позволь мне сделать то, что я решу.

— Хорошо, отче! Я не ожидала, что вы окажетесь таким!

И она ушла. Подходит ребенок.

— Василий, ты куришь!

— Да. А откуда вы знаете, отче?

— От тебя пахнет табаком. Ну и как, тебе нравится?

— Не то чтобы мне нравились сигареты...

Сколько детей я спрашивал, нравятся ли им сигареты, только трое сказали, что им нравится этот запах, а все остальные сказали, что тут другая причина.

— Почему ты куришь?

— Потому что у меня стресс.

Ну это понятно — стресс!

— А почему у тебя стресс?

— Потому что у меня много трудных экзаменов и я в большом напряжении.

Понятно, у него экзамены, он в напряжении.

— А почему ты, Василий, в напряжении?

— Потому что боюсь, что меня срежут на экзамене и я не сдам его.

Понятно, он боится провалиться.

— А если тебя срежут на экзамене, что тогда будет?

— Если меня срежут на экзамене, родители отвернутся и оттолкнут меня, потому что они и так говорят, что на меня не надо зря тратить столько труда и денег.

— Понятно! А что ты еще чувствуешь?

— Чувствую страх и неуверенность в себе, чувствую, что если провалюсь на экзамене, то потеряю их любовь. И прихожу от этого в ужас! Я ведь останусь совсем один!

А с чего все начиналось, видите? С сигарет. «Если опять начнешь курить, попадешь в ад!» — мать только

это и видела, ее ничего больше не интересовало. Она даже не спросила себя, почему он курит, а только повторяла: «Брось курить! Брось курить!» Это все равно что говорить кому-нибудь: «Не кашляй! Не кашляй!» А ты найди причину, по которой он кашляет, устрани эту причину, скрытую в глубине души, и кашель сам пройдет.

Этот мальчик сказал мне, что у него стресс, что он испытывает страх, неуверенность, он чувствует, что родители его не ценят. Они его оценят, только если он сдаст экзамены, а не сдаст — тогда ему грош цена, и он боится, что лишится их любви. Поэтому и курит! Следовательно, что такое курение для этого ребенка? Грех или прибежище? А к кому ему прибегнуть? И куда?

Кто-нибудь скажет: «К Богу». Да, но к какому Богу? А мать показала ему Бога должным образом? Я показал ему Бога правильно, чтобы он Его полюбил?

Расскажу вам одну историю из «Патерика». Вы читаете «Патерик»? В этой истории говорится, что один человек посетил святого Антония Великого и попросил у него совета, как ему подвизаться. Святой посоветовал:

— Подвизайся творить ту-то и ту-то молитву по столько-то времени.

— Не могу, отче!

— Не можешь? Ну хорошо, найду для тебя что-нибудь другое. Читай понемногу Новый Завет.

— А, не могу!

— Тогда клади по два-три поклона.

— А, это очень утомительно, у меня начинает болеть поясница!

Старец нашел для него другой подвиг:

— Тогда подавай понемногу милостыню.

— А, у меня нет денег!

Тогда святой Антоний Великий сказал монаху, бывшему по близости:

— Свари немного овсяной каши для этого человека, он болен.

Не можешь одного, не можешь другого... А что ты можешь? Ты что, болен, дорогой мой человек? Говорю одно — это тебе кажется тяжелым, говорю другое — это неприподъемно. Я не хочу, чтобы ты становился подвижником. Не говорю, чтобы ты ушел на Святую Гору Афон, остался там и подвизался весь год. Там ведь не вкушают растительного масла по многу дней, воздерживаются от пищи целых три дня, едят раз в день, кладут поклоны, а Великим постом поклонов в два раза больше. А что делаешь ты? Ходишь в церковь?

Вот так мы и начнем, с этого простого дела — чтобы ты ходил в церковь. Исполни свою часть подвига, сделай что-нибудь малое. Никто тебя не упрекает, что ты не совершаешь великих и трудных дел. Но пусть Бог увидит, дитя мое, хотя бы твое доброе расположение, доброе произволение, пусть увидит немного любочестия! Это говорит и старец Паисий: «Немного любочестия, дитя мое!»

Покажи что-нибудь. Не ищи без конца оправданий, что ты, мол, чего-то не можешь, а это не получается. Ну хорошо, сегодня у тебя не получается. А когда получится? В следующее воскресенье получится? «А, не знаю, может быть». Ну а теперь ты понял, что в конечном счете ты просто не хочешь себя принудить? Но пока ты не начнешь принуждать свое «я», оно будет тебя принуждать. И если

уж принудит, то станет тебя мучить, и твое «я» превратится для тебя в кошмар, ты окажешься в большой беде. Так что выбрось свое «я», чтобы найти своего Бога. Выбрось свое «я» и знаешь, где его найдешь? В объятиях Бога!

Тебе это нравится? Я это позаимствовал, нашел у старца Паисия: «Если выбросишь свое Я, найдешь его в Божием объятии». Выбрось свое «я» — и найдешь его в Христовой любви! Твоя жизнь изменится. Так не пекись же целыми днями напролет о своем эго, своем «я», ты ведь себя просто балуешь. Не хочешь лишиться ничего, не хочешь себя утрудить: как бы тебе не недоспать, как бы не утомиться, как бы не охладиться...

А ну-ка постой! Что же получается? Что здесь у нас существует такое счастье, что нам даруется целый рай? Я сказал «даруется», потому что это нам дается даром: так или иначе, что бы ты ни сделал, все это будет даром, так пойди же и ты протяни свои ладони, чтобы принять этот дождь, льющийся с неба! Весь подвиг, который ты совершаешь, и есть это раскрытие своих ладоней, чтобы Бог мог наполнить их дарами.

Мы упоминали и в другой раз, что в этой передаче говорим для тех людей, которые подвизаются, и для других, которые не подвизаются. Одни уже пошли вперед и стоят еще в начале, в самом начале, а есть и такие, которые уже подвизаются помногу. Но только те, которые подвизаются, должны подвизаться еще больше, чтобы иметь смирение среди своих многочисленных подвигов. Им надо совершать еще один подвиг — молиться о тех, кто не подвизается.

Ты только подумай, какое смирение сокрыто в том, чтобы бодрствовать на молитве и молиться о том, чтобы

уснули страдающие бессонницей. И не завидовать тем, кто спит, а говорить: «Господи мой, я бодрствую ради Тебя, стою и молюсь до двух-трех часов ночи, но молю Тебя: дай сладкий, тихий и возвращающий силы сон тем, кто хочет уснуть в этот час и не может».

Вот это здоровый подвиг — подвизаться, но с любовью к другим, так, чтобы в твоём подвиге содержалась сладость, любовь и единство с остальными людьми, а не самодовольное чувство того, что ты от них отличаешься, ты не такой, и дерзость: «Я уникален и, вероятно, немного даже святой!»

Как хорошо решали эти вопросы святые: с великой любовью, смирением и простотой по отношению к другим. Авва Пимен стоял как столп на молитве. У него была огненная молитва, он возносил руки, и люди видели, как его пальцы начинают пылать и излучают свет. Все его тело было сплошной молитвой. Огненной молитвой! И вот однажды он немного присел, чтобы отдохнуть, и увидел, что монаха, молившегося вместе с ним, одолевает сон. Святой не стал будить его, не толкнул в бок: «Проснись, христианин мой, проснись!» — а взял и подставил ему плечо, а потом уложил его себе на колено. И знаешь зачем? Чтобы утомившемуся монаху лучше спалось, чтобы он отдохнул. А святой усугубил свою молитву: стал молиться и за себя, и за друга-монаха, который отдыхал.

Красиво, правда? Ничего не скажешь. Благодать! Строг к себе, снисходителен к другим. Снисходителен не в том смысле, что он балует другого и говорит ему: «Это не грех, ничего страшного! Делайте что хотите, согрешайте себе беспрепятственно». Я не это имею в виду.

Верю, что и ты, слушающий теперь, хотя бы понимаешь, о чем мы говорим. Ведь есть такие, которые не понимают, т. е. говоришь им что-нибудь, а они воспринимают это как-то по-другому. Но ты ведь понимаешь. Поэтому я и упомянул раньше слово «честность». Надо быть честными с самими собой.

А честен с собой не тот, кто говорит: «Аборт — это не грех! Прелюбодеяние — не грех! Кто курит, ничего в этом страшного нет!» Это не честность, это воистину расслабление и духовное обезличивание. «Нет ничего плохого! Все дозволено!» Я не это говорю. Я говорю, что когда какой-нибудь человек подвизается, но падает, ты не станешь добивать его. Ты окажешь ему любовь, снисхождение, сострадание, понимание.

Вот это и означает аскеза и подвиг. Это и есть самопожертвование в Церкви. А что делаем мы? Да ничего! Мы просто протягиваем руки и говорим: «Господи, когда Ты посылаешь дождь, мы не держим над собой зонта».

Один ребенок, чтобы оправдаться передо мной, почему он не на уроке, говорил:

— Когда Господь посылал дождь и раздавал ум, я держал зонт.

Я сказал ему:

— То, что ты говоришь, неправда. У каждого есть свои дарования. Каждый может чего-то достигнуть. У тебя тоже есть ум. Может, ты и не решаешь трудных задач, не станешь ученым-астрофизиком, но тоже можешь получить диплом, тоже можешь поступить в университет и закончить его. Найди же свое дарование!

Стать распахнутым объятием

Как же отрадно, что Бог не такой, как мы! Какое это счастье, что Бог не как мы, что у Него совершенно другой взгляд на то, что происходит в жизни. Какой бы грех ты ни совершил, знай, что Бог смотрит на него по-другому, не так, как люди.

Некогда все клеймили позором жену-грешницу, подошедшую ко Господу, и только Он один сказал, что она на самом деле возлюбила много: *Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много* (Лк. 7, 47). Эта женщина согрешала, но искала в своих грехах любви, глубоко в душе она искала любви и в этом своем поиске перешла к блуду, потому что не научилась любить правильно.

Поэтому старец Паисий говорит о некоем грешном монахе на Святой Горе Афонской: «Молю Бога, чтобы Он посмотрел на его грехи как на огромную детскую проказу, а не как на грех!» То есть чтобы Бог не называл грехом то, что он сделал, а сказал: «Он был непослушен, он проказничал!»

Бог судит по-Своему, а мы иначе. Поэтому рядом со Христом люди никогда не испытывали подавленности, никогда не чувствовали, что задыхаются. Оттого и апостолы говорили Ему все, что хотели. Так, один из них сказал:

— Господи, я хочу, чтобы Ты дал мне власть сидеть рядом с Тобой! (см. Мк. 10, 37).

Это желание было безумием, но оно показывает, что Христос позволял им свободно говорить Ему все. Он не нагнетал страха, никогда не говорил: «Вы будете одеваться так! Говорить так! Держаться будете так!» Нет, свободно. «Возлюбите Меня и делайте что хотите».

Сказал я это однажды в классе, и один ребенок спросил:

- Так, значит, важно, чего мы хотим?
- Да, если любишь, делай что хочешь!
- То есть я могу делать что хочу, если люблю?
- Разумеется.

Но если любишь меня... Подумай, если ты любишь меня и захочешь курить в моем присутствии, а мне от этого будет плохо и мои легкие будут отравляться, станешь ли ты делать это? Или если у меня есть сестра, а ты захочешь совершить над ней что-нибудь незаконное, тогда любишь ли ты меня? Ты сделал бы такое, если бы любил меня?

Любовь вовсе не дает нам права совершать грехи, она, наоборот, ставит нас в правильные рамки. Мы потому и согрешаем, что не любим — ни себя, ни Бога, ни людей вокруг нас. Согрешаем, потому что у нас нет правильного знания о жизни, мы всё вывернули наизнанку и прибегаем к грехам.

Почему блудный сын возвращается к отцу? Почему этот молодой человек после множества грехов вдруг решает вернуться обратно? Потому что приходит его час, потому что наступает подходящий момент. И это — тайна!

Почему тот-то исповедался и покаялся в этом году, а ты, слушающий меня сейчас, так до сих пор и не покаялся? Ты и потом будешь ждать еще год, два, будешь жить своей жизнью, а через три года твоя жизнь, глядишь, и изменится. Так почему же ты покаешься только через три года? Другой покаялся уже сейчас, а третий еще

позавчера. Это тайна! Одно только несомненно: Бог уважает час каждого. Когда-нибудь наступит твой час! А когда это будет — я не знаю!

Ты не можешь указывать Богу, когда Ему сделать то-то, и не можешь заставить своего ребенка измениться. Когда-нибудь наступит его час, один Бог знает когда. Прояви же уважение к этому! Но одно тут несомненно: ты всегда должен быть распахнутым объятием, ожидая ребенка в каждый момент. Блудный сын возвращается потому, что знает: его ждет добрый отец, его ждет одно лишь распахнутое объятие, безо всякого принуждения, без строгости, без бича.

А ты вернулся бы так? А если бы он знал, что дома его ждет кто-то, кто его заругает, он вернулся бы когда-нибудь? Да никогда! Когда его не было дома, он чувствовал, что любовь отца идет за ним по пятам, чувствовал, как какой-то свет окутывает его душу и какая-то молитва смягчает его сердце.

Он жил блудно, но отец любил его. А когда любишь, ты излучаешь волны любви и Божию благодать. И ничего, что другой далеко, это доходит до его души. Ты здесь, твой ребенок может где-нибудь скитаться и делать что хочет. Но если любишь, Бог его покрывает. Придет и его час, но только по-доброму, по-хорошему, и он изменится.

Расскажу вам, как закончилась та история с детьми в школе. Это был самый замечательный момент моей жизни! Я сказал им:

— Дети, если бы у меня был диктофон и я знал, что вы скажете мне такое, я бы все это записал. Вы сказали просто прекрасные вещи. Особенно ты, сказавший, что

испытывал неприязнь к Богу, но Христос для тебя лучше всех, что это не Христос виноват, а те, кто учит о Нем. Дети, вы испытали давление со стороны родителей, священников, учителей. А теперь задам вам трудный вопрос: вы можете простить их?

Чтобы дети прощали своих родителей, тогда как обычно мы говорим, что это родители прощают детей, потому что дети плохие? Но здесь было показано, что это детям надо простить нас, церковных батюшек, и вас, родителей, и сказать нам: «Я прощаю тебя!»

— Можете ли вы простить их и не таить злобы? Сделайте это!

Один ребенок встал и сказал:

— Ну хорошо, мы прощаем их, не таим зла, но мы сильно пострадали оттого, что они нам сделали.

Другой сказал нечто хорошее:

— Я в любом случае снова возлюбил Бога, снова, но полюбил Его другим, более чистым умом.

— Это, дитя мое, очень хорошо — суметь простить!

Знаете, чего мы все хотим? Мы хотим ласки, объятия, любви, чтобы кто-нибудь пришел и сказал нам: «Ты хороший и важный человек! Я люблю тебя, я тобой дорожу!»

Сколько раз бывало, что ты готовишь хорошую еду, но если муж не скажет тебе ни слова, ты чувствуешь себя как-то скверно... Ты хорошо приготовила еду и хочешь услышать доброе слово. Это не будет потаканием твоему эгоизму, а просто ободрением.

Даже если мы в возрасте, мы все, пока не испустим дух, остаемся в душе детьми — мы так хотим, чтобы нас заключили в объятия!

Один игумен со Святой Горы рассказывал мне, как однажды епископ пришел к ним и не поздоровался с одним монахом. Тот огорчился, как ребенок: он хотел, чтобы ему тоже сказали доброе слово: «Отче, как у тебя дела? Все хорошо? Я рад тебя видеть!» Не то чтобы он скажет тебе что-нибудь важное, но ты почувствуешь, что он обращает на тебя внимание, он тебя заметил. Человек может только посмотреть на тебя, и ты от этого начинаешь чувствовать себя как на небесах от счастья.

Иногда на исповеди люди считают минуты, кто сколько исповедуется. Одна госпожа сказала мне как-то:

— Отче, вы говорили со мной только пять минут, а с предыдущей дамой провели тринадцать минут! Я хочу поделиться с вами одним помыслом, только не поймите меня неправильно!

— Говори.

— Вы ее любите больше?

— Ты что, шутишь? Почему я должен любить ее больше? Нет, дитя мое, просто у нее было больше проблем, и ей надо было поделиться ими. Разве ты не рада, что у тебя мало проблем? Скажешь их за пять минут, и все?

— Нет, отче! Я тоже хочу стоять долго!

— Зачем?

— Так! Чтобы чувствовать, что вы меня любите!

— Но если я сделаю это, нам придется стоять всю ночь, глядя друг на друга. Нет, так не пойдет.

Я понял ее, но понял потому... что сам хочу того же. Мы все хотим любви. А когда найдем любовь, тогда нам

уже хочется делать добро без всякого принуждения. Тогда нам все легко.

Ты можешь долго ждать, чтобы свершилось то, чего хочешь, но только без нажима. Давайте и мы станем распахнутым объятием, и как Бог к нам относится, так и сами будем относиться к другим: возлюбим, примем свободу другого, простим его и будем ждать.

Люди вокруг изменятся, и произойдет то, чего ты хочешь, я в это верю. Если это действительное и реальное желание твоего сердца, заслуживающее того, чтобы его пережить, тогда ты это переживешь! Только надо стать распахнутым объятием и ждать, как это делает Христос.

Христа любят, не любят священников. Мы виноваты! Христос висит с пронзенными руками и ногами, кровь у Него течет... Хуже этого что еще может с Ним случиться?

Если и ты будешь таким и ни на кого давить не будешь, а сам распнешься за мир, тогда увидишь, как люди вокруг тебя изменятся! Не станут остро реагировать, а будут чувствовать, что твоя крестная любовь, твоя душа их приобретает.

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Мы не выносим счастья

Благодарю!

Если ты это читаешь, значит, в какой-то мере решил свои основные проблемы. Приведу тебе пример. Сейчас ты не надрываешься, чтобы заработать денег, сейчас, в эту минуту, не мучаешься и не кричишь от нестерпимой боли, потому что, когда испытываешь такую боль, читать уже не можешь. В эту минуту ты спокоен, сидишь где-нибудь в своей комнатке, офисе, в таком месте, где спокойно и можно почитать. Давайте же скажем за это Богу: *благодарю!*

Сколько же даров у тебя! Ты можешь слышать, говорить, мыслить, изъясняться и жить в мире.

За любовь Божию: *благодарю!* Господу нашему, подающему нам столько даров по жизни, скажем: *благодарю!* За то, что мы с вами можем совершить и этот малый опыт — сказать пару слов, и вообще можем слышать, говорить, мыслить, изъясняться и жить в мирных обстоятельствах, и что у нас есть столько дарований. Если

посмотришь сейчас, то на кухне у тебя плита включена и на ней готовится тебе еда, в холодильнике полно продуктов и вокруг столько всякого добра — сколько же даров у тебя в жизни!

Впечатляюще, что в нашу эпоху целыми днями показывают по телевизору рецепты всяких блюд, дают возможность людям узнать всё новые кулинарные изобретения и секреты, что означает, если хорошенько подумать, что все жизненно необходимое мы себе как-то обеспечили и теперь у нас уже начинается роскошь. Роскошь, говорящая об умножении наших возможностей, то есть являющаяся чем-то сверх всего: еще одним рецептом плюс ко всем остальным и еще одним, а на этот раз — с каким-нибудь чудным ингредиентом. Например, найти имбирь — кто у нас в Греции знал об имбире несколько десятков лет тому назад, кто знал о каких-то восточных, индийских специях?

А все это значит, что нам есть чем питаться, еда у нас даже остается, и мы ею уже наслаждаемся. И хорошо делаем. То есть что хорошо делаем? То, что делаем свою жизнь краше, богаче, приятней, слаще, красивей. Ведь если у человека нет и куска хлеба или тарелки еды, какой-нибудь жиденькой похлебки, фасоли, жареной картошки или яичницы, если у тебя нет даже этих продуктов, то куда тебе куражиться, чтобы закупать кучу продуктов и готовить по этим рецептам?

Но только ты к этому привык, считаешь само собой разумеющимся, естественным, что все это у тебя есть, и начинаешь хотеть чего-то еще: «Хочу попробовать и вот этой еды! Хочу еще!» И не довольствуешься малым,

которое у тебя есть и которое вовсе не мало: оно не мало, а очень даже велико.

Ты не довольствуешься здоровьем, которое у тебя есть, а когда лишишься его или что-нибудь стряется, ты, естественно, тут же говоришь: «Как же хорошо было раньше! Как я себя замечательно чувствовал и не понимал этого! Сколько же даров от Бога у меня было, а я их не ценил! И как же я тогда, когда голова не болела и не было головокружения, не ценил этого, как я не замечал, что голова у меня здорова и ничуть не болит!»

И вспоминаешь, как ты хорошо спал, но считал это чем-то однообразным и даже наводящим тоску. И никогда не испытывал желаний прославить Бога, возблагодарить Его, чтобы из тебя вышла эта признательность, этот покой, счастье, мир души, радость и ты сказал бы: «Слава Богу! У меня есть еда, есть кровать, есть спокойствие, мирные мысли и совесть, я сплю и всем доволен!» Ты этого не понимал.

Однако потом, когда начинается бессонница, когда ты просто не знаешь, куда деться от головной боли, ты начинаешь говорить: «Боже мой, дай мне всего лишь день, чтобы голова не болела у меня так ужасно, и я скажу Тебе горячее *благодарю!*» Это как на тех маленьких сувенирчиках, которые вешают на иконах, — медных, позолоченных или серебряных вещичках, на которых написано: «Благодарю!» — за что-то, что Бог даровал тебе, за чудо, которое совершил в твоей жизни, — такое вот благодарение.

Так вот, сегодня и я хочу сделать это — сказать от себя *благодарю!*

Если я могу вести с вами эту беседу и передачу, то, значит, сейчас не страдаю, мне ничто не угрожает, у меня имеется свобода говорить, свобода слова, у нас демократия, и я не пребываю в опасности. Приведу вам пример: если бы мы жили в послереволюционной России, то не могли бы сказать этих слов. Я тут же отправился бы в тюрьму. То есть сегодня то, что я говорю, не мог бы сказать священник той эпохи, священноисповедник (а ведь это были святые люди!). А мы, грешные, сегодня говорим. Эти святые не могли тогда говорить, потому что любое рассуждение на духовную тему, о Боге заканчивалось тюрьмой, каторгой, принудительным трудом, пытками, мучениями, страданиями. А я могу говорить. И это — великое дело.

А у тебя есть радио, ты сидишь, и мы с тобой можем беседовать. У тебя есть радио — это тоже не само собой разумеется: у твоей матери, бабушки, дедушки, у всех у них разве было тогда радио, чтобы они могли слушать такие беседы? Так что Бог подал нам великие дары в жизни. А мы этого не понимаем, считаем чем-то само собой разумеющимся. За сколько же всего, если сесть и поразмыслить, тебе следовало бы сказать *благодарю!*

И еще кое-что. Сейчас ты свободен переключить волну и сказать: «Не хочу я тебя слушать, надоел уже, не хочу я слушать этих слов». И ты опять же свободен. А разве это не великий дар, что тебя никто не заставляет насильно слушать то, что тебе не нравится? Ты выбираешь, ты решаешь: хочешь слушать — слушаешь, не хочешь — переключаяешь передачу, слушаешь другую. Делаешь что хочешь. Ты свободен. Разве это не велико?

Я говорю это потому, что твой ум частенько фокусируется на каких-то неприятных вещах и для тебя всегда что-нибудь не так, чего-то не хватает, ты на что-нибудь жалуешься и не можешь понять, что если по-другому подойти к своей жизни, то есть посмотреть на нее по-другому и поле зрения твоей души изменится, то поймешь, что ты должен быть очень доволен многим и радостен. Это твое недовольство означает, что твоя душа не фокусируется как надо и постоянно смотрит на то, чего ей не хватает, что не так, что плохо, чего нет в твоей жизни. На самом же деле у тебя полно счастливых возможностей, которые подает тебе Бог, возможностей и даров, но только ты их не понимаешь, не ценишь, ты не радуешься им.

Как говорят о фотокамере, «фокусируется»? То есть куда ты нацеливаешься, на чем фокусируешься — на жалобах, негодовании? На ропоте? На тяготах, на том, что все в чем-то перед тобой виноваты?

Скажешь: «В конце концов, какая же тема у этой передачи?» Да *ничто* — вот какая у нас тема. Именно оно. Как смотреть на происходящее в моей жизни, даже на малое и ничтожное, чтобы понять, что оно отнюдь не что-то ничтожное, а дары.

У тебя много даров. Вот что ты сейчас делаешь? Наливаешь себе воды? Это я говорю, потому что один человек сказал мне: «Я слушаю тебя на кухне, попиваю себе кофе, водичку и готовлю поесть». А вода, которую ты пьешь, где ты ее взял? Из крана, да? Сегодня в кране есть вода? Есть. И ты считаешь это само собой разумеющимся, что из крана должна течь вода, что она должна быть всегда,

чтобы ты ее пил сколько захочется. Да, но все же закрывай иногда кран, когда не используешь воду, не лей ее зря, ведь так пропадает столько воды!

Если помнишь старые времена (я это застал, хоть вроде и не старичок, но застал это в том селе, где рос), раньше на центральной площади стояла водопроводная колонка, и люди шли к ней с бидонами и ведрами, набирали себе воды и несли домой. Тогда не у всех были дома колонки, где вода текла бы в любое время и у нас была бы чистая вода когда и сколько хочешь. И воду ценили. А ты ее ценишь? Нет, ты, опять же, ее не ценишь и только приходишь в негодование, когда на двери подъезда появляется объявление, что «в связи с ремонтом завтра с 6 до 11 часов утра не будет воды».

И как ты реагируешь на это? «Да что же это такое? Ну просто по рукам и ногам связали! Как же я без воды? Я же не смогу включить стиральную машину! Ну сколько это еще будет продолжаться?!» Что ж, это понятно: ты возмущаешься. Ну а когда пойдет вода, что тогда? «Ну наконец-то пошла! Бросай все, она пошла!» А так ли следовало реагировать — «она пошла»? Не должен ли ты был испытать счастье?

Ну когда же твой ум научится радоваться так, чтобы ты позволил этой радости заполнить всю твою душу, чтобы как капля масла, упав на ткань, расплзается во все стороны, превращаясь в пятно, так и в тебе образовалось «пятно» огромной благодарности, которая растекалась бы по тебе и ты бы сказал: «Ой, пошла вода! Когда она была, я этого не понимал. А тут остался без воды на пару часиков и сразу понял, что без воды я как без рук! Какая же

это радость, что она пошла! Я снова могу ее пить, готовить, стирать и мыть полы чистой водой».

И заметь: ты делаешь уборку и моешься не водой для полива огорода и цветов, а чистой, которую можно пить. А раньше такого не было. Да и сегодня в странах третьего мира есть люди, у которых нет чистой воды.

Однажды я возвращался со Святой Горы Афон и в ожидании вечернего поезда на Афины посетил выставку «Врачи без границ», и там были фотографии, сделанные ими в Африке, куда они ездили. И на одной из них был маленький ребенок, пивший воду из грязного источника, потому что ему тяжело было дойти до чистого источника, а он не знал, что между ними есть разница. Маленький такой ребеночек. И было написано, что много людей поумирало целыми семьями из-за того, что они брали воду из грязных, зараженных источников и пили. И все это было не столетия тому назад, а сейчас, в наше время. А мы ничего такого не знаем.

С твоим умом что-то произошло, и ты неправильно оцениваешь вещи, не ценишь их.

Ну, а теперь почувствовал, что из тебя исходит волна благодарности? Чтобы тебе захотелось сказать: *благодарю*? Ну конечно, этого не сделаешь через силу: тебе не хочется благодарить. И я тебя понимаю: насильно благодарить не заставишь. Что же сказать тебе? Не хочется так не хочется. Но все же подумай немного об этом, а именно о том, что ты живешь в окружении даров, но только с твоим умом что-то произошло, и ты неправильно оцениваешь вещи, не ценишь их.

Если сделать подарок женщине, преподнести ей какое-нибудь дорогое украшение, а она уставится тебе в глаза с каменным выражением лица, холодно и безразлично, то не скажешь ли ты, что с этой женщиной что-то не так? Скажешь: «Это ее не трогает! Я ей делаю такой подарок, такой дорогой, она что, этого не понимает?» Вот и мы точно такие же, как эта женщина, перед Благодетелем жизни нашей, Богом, ввиду тех даров, которые Он подает нам через природу, в природе, а мы этого не понимаем.

А сколько еще у нас других даров! Если ты подумаешь о них, то перестанешь ныть. У тебя крайне много всего. У тебя есть ум, и ты мыслишь. Начинаешь понимать это, когда кто-нибудь из знакомых сходит с ума, тогда ты начинаешь креститься и говоришь: «Боже мой, сохрани меня в твердом уме!»

Ты поймешь это и сейчас, когда подумаешь, что можешь ходить, говорить, сидеть. Ты сидишь? Ты сейчас сидишь? Так прославляй же Бога за то, что можешь сидеть!

Сказал я это однажды в школе детям, а они меня спросили:

— За что?

— Прославьте Бога за то, что можете сидеть и не испытываете боли!

И это не я придумал, я прочел это в книге старца Паисия, где говорится, что он сам дает такой совет: «Благодари Бога за то, что можешь сидеть! Я понял это, когда у меня начался рак толстой кишки и я уже не мог сесть. Когда ложился спать, ворочался в постели, ища удобного положения, но не находил, потому что, как ни повернусь, везде было больно. И тогда я понял, что, когда

я сидел на своей скамеечке, пенечке или камне, где бы то ни было, это было Божие благодеяние. А я этого никогда не ценил. Считал, что быть в силах сидеть — это понятно само собой».

Сегодня я говорю тебе о великих вещах. Не говорю тебе о высшем богословии: я не умею говорить о высоких материях, но знаю, что эти простые вещи могут запустить механизмы нашей души и вызвать слезы. И считаю это великим — то, чтобы твоя душа могла стать чувствительной, сердце мягким, плотяным, а не каменным. Чтобы оно из каменного стало плотью.

Вот мчимся мы по автострадам, над которыми трудилось столько людей, укладывая эти бетонные плиты в жару и стужу, но в душе не чувствуем, что должны быть благодарны им за это. Сегодня я этим наслаждаюсь, а какие-то люди выбивались из сил, чтобы облегчить мне жизнь. Но я никогда об этом не задумываюсь. Проезжаю по этим автострадам, смотрю вперед, на дорогу и все время нервничаю из-за чего-то, у меня на душе тревога, стресс, и я все спешу, чтобы успеть куда-то.

Кто-нибудь скажет:

— Да это все сентиментальности, романтизм и глупости! Прошу тебя, не надо такого говорить, ведь жизнь такая жестокая!

Да, жизнь жестокая, но если эта жестокость жизни не сделает тебя более чувствительным, то в конце концов и ты станешь чрезвычайно жестоким. Так каков же вывод? Каков?

Сегодня жить становится так легко, а на душе не делается легче, у нас все есть, а мы опять недовольны. Но если

начнешь говорить *благодарю* за всё в жизни, у тебя всегда будет масса причин быть довольным. Вот это я и хотел сказать тебе сегодня. Поищи, за что ты можешь сказать *благодарю*!

Старец Паисий говорит, что, когда был на Синайской горе, где подвизался несколько лет, не было питьевой воды. Надо было идти далеко пешком, полчаса, к скале, с которой сочилась вода, да и то не всегда. И он говорит: «Надо было идти пешком полчаса, и когда я сворачивал за гору, то издали смотрел: блестит ли скала на солнце. Если блестела, значит, вода была, а если нет, это означало, что она сухая и вода сегодня не капает. И когда я видел, что она капает, ой, ты представить себе не можешь, каким счастливым я себя чувствовал!»

Одна чаша воды может сделаться для тебя источником счастья. Ты задумывался об этом? Ты когда-нибудь чувствовал себя счастливым оттого, что пьешь чашу воды? Никогда. Ты — может, и да, но я говорю в принципе.

Старец Паисий продолжает: «Я нес ее в свою келью и берег, чтобы и капли не проронить, потому что капала она очень слабо. Потом переехал на Святую Гору Афон, где кругом родники с чистой водой, и привык к этому, и они для меня стали чем-то само собой разумеющимся. А потом обнаружил, что во мне исчезла та благодарность, та радость, которую я испытывал из-за чаши воды».

В прошлый раз я рассказывал тебе случай, когда старец ел сухарь с помидором и благодарил Бога, что ест сухарь с помидором. Знаешь, ведь это очень важно — как ты относишься к происходящему в жизни. Не знаю, согласишься ли ты со мной. Это вопрос помысла, то есть как

ты смотришь на вещи. Если начнешь смотреть на происходящее негативно, с ропотом, негодованием, тогда все будет казаться тебе ужасным, а если взглянешь с добрыми помыслами, настроившись философски, тогда все делается источником радости и ликования.

Посмотри теперь, о чем же думал старец Паисий, сидя с этим помидором и горсточкой сухарей. Он говорил себе: «Вот, я на Святой Горе, на лоне природы. А другие живут в городе, среди вредных испарений. О Боже мой, благодарю Тебя! Я живу в домике... — А что у него было? Одна каливка, и та крайне бедная, предельно простая, ни мозаик тебе внутри, ни ковров, ни паркета, одни лишь бревна, скрепленные между собой. Крайне бедная и скудная обстановка. Но, несмотря на это, он говорил: — У меня есть свой домик, ни найма тебе, ничего. А люди ломают голову: как найти дом, чтобы снять его и платить аренду, платить за детей, за школу, всякие расходы. А у меня здесь столько братий вокруг, и все здороваются, помогают мне, говорят: “Добрый день! Благословите! Господь да благословит!” У людей в миру совсем нет знакомых, живут в одном кооперативном доме и не общаются между собой. — Он думал о разных таких вещах. — Бог сделал меня монахом, помог уверовать в Него, полюбить, а люди не знают, во что им верить, совершенно запутались. Я по ночам сплю спокойно, а у кого-то нет сна». Вот о таких вещах он думал. И вдруг заплакал, держа в руках помидор и маленький сухарик. И тут вошел человек и увидел это, но старец Паисий поспешно зашел в дом, чтобы вытереть глаза. А пришедший сказал себе: «А-а-а, он что-то прячет! Старец Паисий занимается чем-то подозрительным! Как

только увидел меня, тут же зашел внутрь! Кто его знает, что он тут делает...»

«И другой не понял, почему я зашел в дом. А я просто не хотел, чтобы он видел меня таким, каким я был, — растроганным», — говорит старец.

Ты захлебываешься в мыслях, заставляющих тебя видеть все вокруг в черном цвете. Ума не приложу, зачем ты делаешь это? Не понимаю. Ты как будто поставил цель перед собой в жизни — постоянно думать о неприятном, видеть все шиворот-навыворот и в мрачных тонах. Тебе говорят:

— У тебя есть дом!

А ты:

— Ну и что, что есть? Зато нет того-то и того-то!

— Но у тебя же дом! Разве он у всех есть? Ты платишь за его аренду? Нет. Он твой? Твой!

Но ты опять этого не ценишь. И даже если бы ты снимал жилье — каждый ли может позволить себе сегодня снимать жилье? А ты этого не ценишь, не понимаешь.

Знаешь, что ты сейчас делаешь? Ты как будто говоришь: «Боже мой, я не различаю Твоего дара, не понимаю его, не ценю!» И бросаешь вызов Богу, бросаешь вызов самой жизни, чтобы Он отнял у тебя этот дар — не из мстительности, а потому что видит, что этот дар не достиг своей цели. Если дар, который Бог посылает, чтобы сделать тебя более чувствительным, мягким, признательным, смиренным, довольным человеком, не делает тебя таким, зачем он тебе тогда? И Бог говорит:

— Верни его назад и оставь здесь. Принеси его сюда, Я его отниму у тебя ненадолго. Не то чтобы Мне не

хотелось его дать тебе: Я и другие тебе хочу дать, — но ты ведь не можешь удержать и малого. Как же Я дам тебе многое?

И не думай, будто из-за того, что у тебя есть малое или, наоборот, многое, ты будешь счастливее. Ноющий ноет и со многим, а счастливый и спокойный таков и с малым. Это и есть то, о чем говорит святой апостол Павел: «Я научился быть довольным и многим, и малым. И в лишении быть, в изобилии наслаждаться. Я всем доволен. Я нахожу хорошие помыслы, привожу их себе и не плачусь» (см. Флп. 4, 11–12).

Так что кончай плакаться. Научись благодарить Бога даже за то, что происходит против твоего желания.

Как же нам достичь того уровня, когда один человек сказал: «Благодарю Тебя, Боже, что у меня рак»? Сейчас мы не благодарим за то, что у нас есть здоровье. А как можно благодарить за то, что у тебя рак?

Другой говорил: «Благодарю Тебя, Боже, что я заболел!»

— Почему ты это сказал, ты ведь заболел?

— Да, но болезнь знаешь сколькому меня научила? Я научился терпению, любви, смирению, молитве, незлопамятности, надежде, вере, памятованию о смерти, надежде на воскресение — всему этому я научился у рака. Разве это не дар?

И спрашивавший посмотрел на него. У него самого все есть, он лопается от здоровья, но душа у него страдает от уныния. А знаешь, каково это — иметь здоровье и побеждаться унынием? Знаешь, каково — иметь все и не знать, что́ у тебя не так и чего тебе не хватает, и постоянно жаловаться на жизнь?

О наших больных душах

Вот кто-нибудь говорит:

— Я, отче, развелся (я поругалась с мужем; жена меня отталкивает; мы собираемся развестись). Как же нам быть довольными?

Но и в этом случае если вложить свои проблемы в Божий ум и помолить Бога, чтобы Он открыл тебе Свою мысль, то Он сделает так, что ты поймешь, что и за все это ты должен сказать: *благодарю!*

Уверяю тебя. Ты наверняка не сможешь сказать этого сегодня, потому что просто не сможешь. Ведь когда рана еще свежа и расставание произошло совсем недавно, то бывает выше твоих сил понять, что даже это было тебе во благо, т.е. случившееся с тобой. Уверяю тебя, я тебе говорю правду. Это — благодеяние. «Благодарим Тебя за все благодеяния видимые и невидимые».

Все в жизни — дар от Бога. Только ты не взглянул на вещи с нужной стороны. Ты не разглядел их.

— Моего мужа по полгода нет дома, он в дальнем плавании. И в чем я провинилась, чтобы лишаться его, сидеть в одиночестве, тосковать? — говорила одна женщина.

Потом старец Паисий поговорил с этой женщиной и пожурил ее за неблагодарность, поскольку она кое-что забыла:

— Ну почему ты такая? Помнишь, когда была молодой, как ты говорила: «Боже мой! Я хочу стать монахиней. А почему бы мне не стать инокиней и не посвятить себя Тебе?» Разве ты этого не говорила?

— Говорила, но потом ведь победило другое: «Выйду-ка я замуж, потому что не могу так больше!»

— Хорошо. Вот Бог и услышал твою молитву, когда ты сказала, что хочешь и того и другого и не знаешь, что выбрать. А ты сейчас недовольна.

— А как же мне быть довольной, если мужа нет по полгода?

— Но разве ты не молилась, что хочешь стать монахиней, а потом стала колебаться: «Выйти замуж или стать монахиней?» Вот тебе и ответ от Бога.

И женщина была потрясена и вспомнила, что в молодости действительно молила Бога, чтобы Он послал ей одно из двух, но не знала, на что решиться, и Бог сделал ее инокиней на полгода. Потому что, когда муж был на корабле, она сидела с детьми одна, как посвятившая себя Богу, служению ближнему и самопожертвованию, а другую половину года жила как супруга с супругом и детьми, вела нормальную семейную жизнь, так как муж был с ней.

И она сказала:

— Ой, вы правы!

— Ты вместо того, чтобы негодовать, — сказал ей старец, — думай!

Если размыслишь как следует, если просветится твой ум, помраченный скорбью, депрессией, тревогой, усталостью, этим ропотом и спешкой, свойственной тебе... Потому что некоторые по привычке постоянно думают о неприятных вещах: так они привыкли и так научились. Некоторые люди не выносят радости. Просто не выносят ее. Подаешь им радость, а они

не могут понять, что Бог подает им радость, они ее не ассимилируют и глубоко в душе не хотят ее. Я не вру. Ты говоришь:

— Да может ли быть, чтобы кто-нибудь не хотел радости? Ты это серьезно? Мы же все за это и боремся — за то, чтобы радоваться!

Да, но когда радость придет и станет искать тебя, некоторые вдруг начинают ощущать себя в большей безопасности, когда у них проблемы, чтобы ими заниматься, потому что проблемы заполняют их жизнь («Чтобы нам было чем заняться!»). Они могут устроить ссору просто от нечего делать, чтобы день прошел. Люди не могут свыкнуться с миром и спокойствием, с исчезновением проблемы, и то и дело видишь, как у кого-то решается проблема, а он тут же начинает искать новую и сам себе ее создает. Не по своей активности или креативности, а просто из недовольства, засевшего в нем, которое опять ищет себе пищу. Человеку хочется, чтобы ему дали пищу для недовольства, он ее ищет.

Меня впечатлило, как один человек хотел жениться и все негодовал:

— Бог мне не помогает, Он мне ее не посылает, что же будет?

Я сказал ему:

— Да ладно тебе, дитя мое, не делай этого. У Бога есть Своя причина, и все это выйдет к добру!

И вот прошло время, он все так же негодовал — и вдруг нашел девушку, насчет которой Бог указывал, что все сложится хорошо. Он мог создать успешный союз, но вместо этого снова стал негодовать:

— Не могу в это поверить! Это невозможно! Разве может быть, чтобы все было так хорошо? Что-то мне говорит, что этот союз ни к чему хорошему не приведет!

— Ну что ж, извини, — сказал ему я. — Ты столько моллился, чтобы это случилось! И вот теперь все может получиться, Бог посылает тебе решение проблемы, а ты стоишь на своем. Ты опять недоволен, ноешь, отталкиваешь свое счастье, идущее к тебе в руки, т. е. ты ищешь несчастья, изолированности и тоски. Ты их попросту ищешь.

Что-то случилось с нашей душой. Я не знаю — мы что, не хотим счастья, нам что, оно не нравится? «Мы не выносим счастья», — сказал как-то один духовник своим духовным чадам, потому что — возьми лист бумаги. Возьми и ты лист бумаги, и это не какой-нибудь рецепт счастья, а просто запиши те блага, которые, если задуматься, ты увидишь, что они — великие дары Божии в твоей жизни. Запиши их, чтобы посмотреть, сколько их у тебя соберется. И если их суммировать, то ты поймешь, что все это должно доставлять тебе огромную радость.

Посмотри мне в глаза: почему ты не излучаешь радость? Почему ты не радостен? Ведь ты же записываешь тут — и хорошо делаешь, что записываешь: «Благодарю Бога, что у меня есть здоровье, есть семья, дети, хорошая супруга (хороший супруг), деньги, дом, автомобиль, тепло, работа, дача, родные, люди, которые нас любят, помогают, хорошие друзья, близкие и соседи», — и т. д. А один ребенок благодарил и за свою собачку — да, благодари Бога и за это! «У меня есть собачка, котенок». Что же теперь сказать: если это собачка, то ее надо вычеркнуть из списка? Ты ведь и ее любишь.

И вот ты благодаришь Бога за столько всего, то есть у тебя столько причин испытывать радость, утешение и счастье. А счастлив ли ты?

Этот духовник сказал им, чтобы они составили список и записали Божии дары в своей жизни, чтобы потом их перечитывать:

— Когда на вас найдет вот это недовольство и тягота, читайте этот список и говорите: «Как ты смеешь быть недовольным?»

Один из этих чад был подуховнее и записал: «Благодарю Бога, что у меня есть возможность молиться!» Другой благодарил за то, что может причащаться. Он думал и говорил: «Как же ты смеешь быть недовольным, если причащаешься? После того как исповедуешься, ты еще жалуешься? Ты можешь читать Евангелие, видишь, что Христос говорит о любви, смирении и становится твоим Другом, и у тебя опять есть жалобы? Ну что же это такое? И когда на меня накатывали эти трудные минуты, — говорил он, — я всегда брал этот лист, читал его и говорил себе: “Спустись на землю! Стыдно плакаться и быть неблагодарным. Это же огромный грех”».

Душа, не благодарная Богу, больна. Бог тебя за это не наказывает и не мстит, но боюсь, что, как говорит святой Иоанн Златоуст, если хочешь получить еще какие-нибудь дары от Бога, то надо сначала благодарить за те, которые у тебя есть, чтобы Бог увидел, что ты их оценил. И когда Он видит такие радостные души, трепещущие от радости, счастья и признательности, тогда подает и другие дары: «Возьмите, дети, возьмите!» Когда Он видит, что у тебя глаза сияют от Его даров, тогда подает

и другие, потому что говорит: «А почему бы не дать ему? Этот ребенок берет дары, радуется им, благодарит Меня, прославляет и не бывает неблагодарным!»

Я прихожу в недоумение, когда вижу пары, например, супругов, которые наслаждаются радостью любви и не благодарят Бога за это, не чувствуют себя счастливыми. Что ты говоришь? Бог дал тебе женушку, детей, здоровье, у тебя есть любовь, радость — разве этого недостаточно, чтобы возблагодарить Бога? За то, что ты живешь в этом супружеском союзе, когда твои друзья не могут создать семью. Они уже упустили время, у них от этого начались проблемы, трудности, а ты наслаждаешься такими дарами — и не радуешься, и не скажешь Богу: «Благодарю!» — а постоянно негодуешь.

Если Бог видит, говорит святитель Иоанн Златоуст, что ты не ценишь даров, тогда Он не может дать тебе других. Не оттого, чтобы у Него их не было, просто что ты будешь с ними делать? Это как мать, которая готовит вкусную еду, но видит, что дети ее не едят. Отодвигают от себя. А она хотела вечером приготовить что-то еще: пирог, пиццу, пирожные, паштеты, — и говорит себе: «Что же мне делать? Хочу это приготовить, но они ведь не понимают, *спасибо* не говорят, не радуются, они этого вообще не едят, оно им не в радость».

Вот причина, по которой у тебя чего-то нет. У тебя чего-то нет потому, что ты не можешь удержать того, что имеешь. Это правда. Я тебя огорчил, даже немного обидел, но это правда. Ты никогда не должен негодовать.

Знаешь, зачем я тебе все это говорю? Чтобы у тебя открылись глаза. Чтобы произошло то, о чем замечательно

говорит старец Паисий, — духовное пробуждение. Чтобы ты проснулся, как по сигналу будильника, и сказал: «Где же я обитаю, дитя мое, где живу? Я погрязая в своей слепоте, не вижу Божиих даров, я неблагодарный человек!»

И чтобы ты сходил на какое-нибудь кладбище, прошелся по нему, зажег лампаду на незнакомой могиле или свечу и наконец сказал: «Я живой! Я хожу, у меня есть возможность выбирать, каяться. Я могу жить, делать столько всего, совершать попытки, быть активным, исправиться».

Один человек вышел из дому и посмотрел на сосну в своем дворе. От нее к нему зашагал котенок. И человек этот стал смотреть на людей, как они идут по своим делам, а потом сказал мне:

— Я вдруг ощутил себя самым счастливым человеком на свете!

Его спрашивали:

— Что с тобой?

— Я увидел сосну, увидел солнце, дарующее свет новому дню, и растрогался.

А ты никогда не бываешь растроганным. Потому и не радуешься, что не научился удивляться.

Все может стать источником удивления, радости, без малейшей рутины. От одного того, что я вижу тебя и слышу и что вхожу сейчас в контакт и общение с тобой благодаря этой передаче, из меня должны исходить волны благодарности и радости, потому что я общаюсь с людьми. Разве этого мало — видеть Божье творение, создание Его любви, людей, тварь, всё?

Нам надо взглянуть на некоторые вещи по-другому, поблагодарить Бога за то, что у нас есть, предощутить

будущее, спросить Его и сказать: «Господи, я где-то слышал, — сказать Ему в своей молитве, — я где-то слышал, что есть определенные тайны, которые, если я узнаю их, научат меня благодарить и за те неприятности, которые Ты подал мне, и понимать, что они вовсе не неприятности».

Но только надо сначала поблагодарить за те дары, которые Бог дает тебе, и тогда душа твоя станет мягкой, сердце — более восприимчивым, ты обнимешь все и поймешь, что все можно объяснить и превратить в источник радости и счастья.

И скажу тебе: ты заслуживаешь того, чтобы быть радостным! Жаль ведь, чтобы годы жизни проходили у тебя в тоске, плаче, унынии, рутине. Жизнь прекрасна, только она нуждается в духовном пробуждении, любомудрой мысли, любочестном усилии, смирении и просветлении от Бога, — и дай Бог, чтобы мы из всего этого что-нибудь поняли!

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Доверь близких своих Христу

Кто тебя поставил спасать мир?

Никого не изменишь против его воли. Он может измениться, но ненадолго. Несколько лет назад я ходил на площадь, где собирается молодежь, придерживающаяся анархистских взглядов. И вот им захотелось увидеть, как изгоняют бесов, чтобы убедиться, что они действительно существуют. Я был тогда молод и однажды повел их, пусть посмотрят. Они же говорили: «Если увидим такое — изменимся!»

Ну и увидели! Увидели уйму такого, от чего пришли в ужас и облились холодным потом. И на три месяца стали ангелами: перестали сквернословить, скитаться, бросили свои пороки. Но это продолжалось только три месяца, а потом началось прежнее. А почему? Потому что они испытали воздействие извне и пошли в церковь из страха, а это не может долго продолжаться. Потому что весь смысл в том, чтобы они сделали это добровольно, возлюбив Христа, а не из страха перед дьяволом. Бояться нет

смысла! Сладость Христа — вот что будет твердо удерживать нас рядом со Христом в Его любви.

Кто сегодня блудный сын? Мы готовы сказать, что блудные сыновья — это другие люди, и их надо исправлять, строго говорить с ними. У нас стойкое ощущение, что мы и есть христиане, мы хорошие и просто обязаны обличать мир, чтобы он исправился. А мне сдается, что блудный сын скорее тот, кто близок к Церкви, хоть иногда и близок не так, как надо бы.

Блудными сыновьями Отца можем оказаться и мы, считающие себя здоровыми, а на самом деле немного лицемерящие. Видишь грех другого и говоришь: «Да ты посмотри, что он творит! Ну почему он такое делает?» — а тайно в душе ревнуешь ему. И если я тебя искренне спрошу: «А ты хотел бы сделать то же самое?» — то ты ответишь: «Да, хотел бы!»

Это правда. Мне не хотелось бы добавлять к этому еще что-нибудь. Но некоторые из тех, кто обвиняет грешных, втайне делают то же самое! То же самое! Дома творят подобные дела, даже еще худшие. Внешне мы стараемся выглядеть строгими, правильными, но опытный человек понимает, что ты не живешь тем, о чем говоришь.

Скажу вам сейчас что-то, и дай Бог, чтобы мы этого никогда не забывали: Бог — это самая большая любовь, которая только может быть во вселенной. Бог существовал до того, как мы появились. Бог возлюбил и меня, и тебя, и всех: наших ближних, родных, друзей, детей. Он возлюбил их до того, как мы возлюбили их, и возлюбил больше нас. Он делает все, чтобы спасти мир, и не нуждается в моей помощи, чтобы изменить его.

Если ты сильно любишь своего ребенка, мужа (жену) и хочешь их изменить, то Бог любит их бесконечно больше. И когда поймешь это, ты успокоишься, умудришься и скажешь себе: «Ну что я знаю в сравнении с Богом? Я, что, умнее Его? Если Он оставляет все так, то буду стараться помогать ближнему внимательнее, не торопясь. На первое место в жизни буду ставить Бога и говорить: “Боже, просвети меня: что мне делать в каждом случае?”».

Если хочешь, могу сказать тебе, какая помощь от тебя будет самой большой для того, кто пребывает в опасности и кому ты хочешь помочь измениться. Самая большая помощь твоему заблудшему ребенку, мужу (жене) или другу — не давить на него, а передать ему спокойствие своей души. Чтобы он увидел, что на душе у тебя спокойно, что ты всецело доверяешься Богу! Вот самая большая помощь!

У скольких детей в школе, где я преподаю, обстоятельства жизни запутаны. Я стараюсь относиться к ним как можно внимательнее, и чем больше лет проходит, тем больше понимаю, как важно быть чутким. Сначала я был очень строгим и думал, что так будет лучше, но когда был строгим, меня все избегали, а сейчас, когда стараюсь лишний раз не ругать их, а приобрести по-хорошему, они от меня уже не убегают, а идут ко мне.

Скажу вам еще кое-что: человека легко изменить. Только зачем быть такими фальшивыми?

На бдении, которое мы служили в Лимасоле, ко мне подошла одна дама и говорит:

— Я хочу, чтобы моя дочь исправилась!

И я что пришло в голову, то ей и ответил:

— А ты в молодости какой была?

— Ну я — это совсем другое дело, сейчас я не такая.

— Нет, ты скажи мне: ты какой была в молодости?

Там были и другие люди, на нее смотрели, и ей стыдно было ответить, но они ее знали и стали говорить:

— Да что уж тут, говори теперь.

— Ну, отче... а надо ли ребенку быть таким же?

— Но ребенок же твой, ты его рожала, вот он у тебя и перенял это! Ты ведь тоже жила по-своему и прошла через всякое. Поэтому и от ребенка нельзя требовать, чтобы он изменился моментально — мало-помалу и он изменится. Вот как ты стала такой хорошей, изменилась, смягчилась, молишься и смиряешься? Так и она мало-помалу изменится.

— А нельзя ли быстрее?

— Ну будем молиться. Выход тут только в молитве, а не в давлении. Напором ничего не добьешься.

Давайте спрошу вас, что легче: постоянно подсматривать в телефоне ребенка сообщения и номера, искать информацию: куда пошел, что делал, действительно ли был там, где сказал, тайком подглядывать за его жизнью, нюхать одежду — или помолиться, взять книгу с каким-нибудь акафистом, почитать ее, растрепать странички от многократного перелистывания, омочить их слезами, закапать свечой, раскрыть свои глаза, помолиться и вознести мольбу к Богу? А что труднее? Что?

Берешь телефон ребенка или человека, которого любишь, чтобы узнать, что он делает, и насильно изменить его, схватить его за грудки и сказать: «У меня есть доказательства!» Ну и чего ты добьешься? Скажешь, чтобы изменил свою жизнь? Так чужую жизнь не меняют! Вопрос

в том, чтобы ты сделала то, что делает Христос, — сказала ему: «Если хочешь, уходи от меня», — а он бы тебе ответил: «Да куда мне идти, любовь моя? Куда мне идти без тебя? Я люблю тебя!»

Мы хотим силой удержать других рядом с собой! А стоит ли такая любовь этого? Надо ли мне, чтобы ты любил меня насильно?

Мне никогда не хотелось, чтобы меня кто-нибудь любил насильно — из-за того, что я ему нужен, даю денег или у него еще какой-нибудь интерес. Это не любовь! А мы нередко этого как раз и ищем — удерживаем другого возле себя насильно.

Самая плохая помощь, которую ты можешь оказать человеку, — показать, что ты в панике, кричишь, мнительен, лукав и все время думаешь о плохом! Подозрительность всегда производит смятение в душе, отгоняет доверие и охлаждает отношения. В результате начинается бессонница, ты не можешь уснуть, все ждешь, что что-то случится, душа разрывается, и у тебя начинаются сильный стресс, сердцебиение и давление...

И вот вам пример, чтобы вы поняли, что то, о чем я говорю, не выдумка.

Когда люди посещали старца Порфирия, они думали, что правда на их стороне, и говорили себе: «Мой ребенок (муж, жена и т. д.) нуждается в исправлении, и это надо сказать старцу Порфирию». Шли с лозунгом «мы правы» и думали, что старец согласится с ними, но он всегда говорил:

— Ты слишком напряжен для своего ребенка, у тебя стресс, так ты ему помочь не можешь!

— Дай свою руку на минутку! — сказал он одной матери и взял ее ладонь (он по пульсу понимал, не какое у тебя давление, а что в твоём сердце, как себя чувствует твоя душа). — Вижу в тебе большое смятение, большое смятение!

— Но это же из-за ребенка, отче, я что, не имею права?

— Имеешь право, но так ты не изменишь ребенка, будет еще хуже. Ты человек, который оказывает давление!

В 1990 году я пошел к старцу Порфирию (он тогда уже был слепым), потому что хотел, чтобы мои родители изменились, стали церковными людьми — они не очень ходили в церковь, и я сказал ему:

— Отче, скажите мне что-нибудь о моем доме!

Я не стал делиться с ним своей проблемой, говорил себе, что если он от Бога, то сам скажет что-нибудь. Он повернулся и без предисловий тут же сказал мне:

— Ты больше не будешь говорить отцу об исповеди! Сначала проснешься сам, Христос войдет в твою душу, сначала сам почувствуешь Христа, пройдет четыре, пять, шесть лет, и потом увидишь чудо. А до этих пор будешь проявлять молчание, послушание и молитву! — Он прикоснулся к моей руке. — Повтори, что я сказал.

Я лишился рассудка и дара речи, меня как будто заблокировали в этот миг:

— Вы сказали, чтобы я проявлял молчание, послушание и... молитву.

— Именно так! И увидишь чудо!

А я в то время постоянно укорял отца: «Иди исповедуйся! Ну зачем ты пьешь это вино? Столько литров ты выпиваешь каждый день! Почему не ходишь в церковь?»

Почему ты так говоришь? Почему кричишь? Почему ты смотришь телевизор?» А он мне отвечал: «Может, ты оставишь нас в покое со своими попами? Живи своей жизнью, мы ведь не вмешиваемся, почему же ты на нас давишь?»

Я действительно на него очень давил. Говоря об этом сегодня, делюсь с вами своими терзаниями.

Зашел я после этого в дом и ничего не сказал отцу. Шли дни, и через месяц он мне говорит:

— Как это ты вдруг стал такой? Ты что, закончил проповедь?

— Не понял, что ты имеешь в виду?

— Больше не говоришь, чтобы я ходил на исповедь.

— Ну ты же сам все знаешь, ты ведь взрослый человек.

И сказал себе: «Очень хорошо, значит, я его убедил!» Но опять поторопился. Время шло, а он ничего... Я оставил его в покое, но меня так и подмывало говорить, сказать ему что-нибудь. Приближается Рождество Христово — не причастится ли? Нет! Пасха — не исповедуется ли? Нет! Но я говорил себе: «Молчание, послушание, молитва. Ой, отче Порфирие, твои слова просто связали мне руки и заключили уста! Ничего не могу поделать!»

И вот в 1996 году отец исповедался, а я этого даже не понял. Захотел и исповедался. Я подсчитал годы. Старец Порфирий говорил: «Пройдет четыре, пять, шесть лет (на шести он остановился), и увидишь чудо». В 1996 году отец исповедался, исповедуется и теперь и меня называет «отче». А мама еще не может, звонит мне и говорит:

— Алло, Андрей, ну как ты?

— Хорошо.

А отец изменился. Почему же старец Порфирий ничего не сказал о маме, а только об отце? Потому что мама уже ходила на исповедь. Душа его это чувствовала от Бога. Так изменился мой отец.

А ведь в конечном счете так легко не говорить, просто смотреть за собой, сказав: «Кто тебя поставил спасать мир? Ты зачем живешь? Чтобы изменить других? Думаешь, это твое дело — изменить человечество? Старайся успокоиться, обрести мир, увидеть свои слабые места!»

Самая хорошая проповедь

Иногда бывают такие люди, здесь и повсюду в мире, которые, поскольку не заняты личной любовью и отношениями, весь свой интерес направляют на то, чтобы изменить детей, родных, исправить их, изменить мир. Это говорит об отсутствии, нехватке у нас собственного счастья. Счастливый человек не интересуется другими так трепетно, он живет своей любовью.

Спросил я одну женщину, притеснявшую своего ребенка:

— У тебя есть муж?

— Да.

— Вы любите друг друга?

— А почему вы спрашиваете?

— Ты ощущаешь любовь и единение с мужем? Вы счастливые супруги? Если бы вы были счастливыми

супругами, счастливой парой, но только по-настоящему, со всем, что стоит за словом «счастье», ты бы так сильно не тревожилась за ребенка.

Часто наша тревога о других показывает, что где-то в личной жизни, в отношениях со своим спутником мы не счастливы. Поэтому начинаем заниматься другими. Как в монастыре, когда у монаха или монахини нет мира с Богом, своим старцем и молитвой, он не находит покоя и все его раздражает: время, сырость, сверчки, паломники. А если у тебя есть мир с Богом и человеком, который рядом с тобой, ты не занимаешься другими: «Мы любим друг друга, Бог дал нам жизнь, мы поженились, нарожали детей, и они пойдут своим путем».

Бог не будет с тебя спрашивать, почему ты не притеснял его так сильно, почему не беспокоил других так много. Стань же и ты распахнутым объятием, как Бог. Уважай свободу другого и оставь его в покое.

Что говорит отец старшему сыну, остававшемуся дома? Не блудному, а тому, который был недоволен, когда вернулся брат. Он говорит ему: «Чадо мое, зачем ты так делаешь?» (см. Лк. 15, 31). Он называет его «чадо мое», то есть «ты чувствуешь, что ты мой ребенок?». Он жил в доме отца, но не ощущал его как отца.

Я думал об этом утром, немного помолился и сказал себе: «Если бы у меня было больше доверия к Богу, если бы я жил молитвой и находил в ней покой, то меня не интересовало бы, даже если бы весь мир погибал». Не из презрения, а из полного доверия Богу. То, что я говорю, — это не презрение.

А ты живешь своей молитвой? Когда молишься, ты по-настоящему доверяешься Богу, так, чтобы с тебя свалилась огромная тяжесть? На святой литургии мы говорим: «...Сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Иными словами, надо доверить и свою жизнь, и все Христу! Улавливаешь это?

Мать Гавриила говорила: «Когда я молюсь о ком-нибудь, то мысленно беру его в свою душу, ставлю у ног Христа на Голгофе и так обнимаю его в Христовом свете. И потом, чтобы понять, истинна ли моя молитва, смотрю, чувствую ли покой». Если помолишься о ком-нибудь и затем обретаешь покой, значит, ты действительно положил его к Христовым ногам. А если после молитвы у тебя опять сердцебиение, значит, ты не поверил Христу, а опять воспринял все лично, через свою логику. Если помолиться как следует, мы обретем покой и ощутим любовь Христа.

В Евангелии говорится: «Симоне Ионин, любиши ли Мя?» — «Любишь ли ты Меня, Петр? Любишь ли Меня?» И когда Христос сказал святому апостолу Петру: «Следуй за Мной!» — тот спросил Его: «Господи, а что будет с Иоанном?» — и Христос ответил: «Ты следуй за Мной! А если Я хочу, чтобы он всегда был жив, то что тебе до этого?» (ср. Ин. 21, 15, 19–22). Любишь ли ты Христа так сильно? Предоставь мир Ему и живи своей жизнью, и мир изменится без того, чтобы ты это почувствовал. Обрети покой, тишину. Пусть ребенок увидит, что ты спокойная мать, счастливая супруга, что отец счастлив, пусть он ощутит спокойствие, тишину, доброту, любовь. Это самая хорошая проповедь. Ребенок будет каждый

день чувствовать, что у него хорошие родители. И ты изменишь его без особых слов. Когда излучаешь тепло, другой меняется.

В школе у нас есть ребенок, который не знал, как питаются в пост, и иногда ел бутерброды с сыром. Вскоре он узнал, что ребята постятся, и спросил меня:

— Ну почему вы не заругали меня?

— А за что тебя ругать, если ты не знал? Мать дала тебе бутерброд с колбасой и сыром. Неужели я должен заставлять тебя поститься, чтобы вы перессорились дома? Разве это правильно?

Иногда из-за этого возникают споры. Ученики часто поднимают руку и спрашивают:

— А что нам делать, когда дома кто-то не постится? Надо ли поститься всем насильно?

Ответ такой:

— А вы попробуйте и посмотрите, что получится! Попробуйте! Если хотите, чтобы все постились и дело дошло до ссоры, чтобы мы были злыми, ругались и говорили: «Ну слава Богу, пришла Святая Четыредесятница, теперь у нас дома начнутся ссоры!» — тогда хорошо, делайте это!

Мне говорят:

— Однако, отче, то, что вы говорите, неправильно!

— Хорошо, а вы сделайте как правильно!

— Но каноны ведь говорят, что надо поститься!

— Хорошо, поститесь, разве я говорил, чтобы вы не постились? Поститесь!

Вопрос в том, как говорит старец Паисий, чтобы не превратить каноны в орудия против других, канон — это линейка, по которой исправляется твоя жизнь: «Я хочу

исправить ее этим способом». Это не получается насильно, но свободно.

Как-то я вел передачу о рае Божиим, в которой сказал, что нам не надо думать об аде и бояться. Как говорит старец Порфирий, Христос не хочет, чтобы мы вместо Него думали об аде, Он хочет, чтобы мы любили Его как своего Друга. Вы слушали эту кассету, где старец Порфирий говорит, что Христос — это все? Он говорит как бы от имени Христа: «Я не хочу, чтобы вы думали обо Мне, будто Я держу руку в аду. Я хочу, чтобы вы Меня любили, чувствовали Меня как своего Друга, Брата и так пришли ко Мне».

Одна дама услышала это по радио и прислала мне сообщение по электронной почте: «Отче, вы говорите односторонне! Бог — это справедливость, а не только любовь! Бог говорил об аде, и во всех этих местах Нового Завета написано об аде!» Она нашла 15 таких мест. Я сказал себе: «Какая же это радость отследить места, в которых говорится об аде, и показать мне всё!»

Я не ответил ей по электронной почте, но однажды при встрече сказал ей:

— Думаешь, я не знаю, что ад существует и в Священном Писании написано о нем? Я тоже знаю это. Но только давай спрошу тебя кое о чем. Представь себе, что ты живешь во времена Господа и находишься рядом с Ним, идешь со Христом. Можешь себе представить, чтобы Христос отправил твой дух в ад? Разве Он за этим пришел, чтобы запугать нас адом? Можешь себе представить, чтобы Христос хотел, чтобы ты Его боялась и не могла к Нему близко подойти?

Это первый шаг: «Я боюсь попасть в ад, поэтому подойду поближе ко Христу». Как один ребенок в школе, который сначала боялся меня из-за оценок: хотел получать хорошие оценки и поэтому оказывал мне всяческие любезности, — а потом узнал меня получше и даже исповедался. Он сказал:

— Я не верю, чтобы это (любовь ко Христу) было важно для оценок.

— Нет, дитя мое.

— То, что я скажу тебе, нехорошо, но я считаю, что одно дело — это оценка и преподаватель, а другое — духовник.

— Разумеется. — И я повысил ему оценку. — Твои грехи заслуживали более низкой оценки, но мы ведь не ставим оценок за грехи.

Потом прошло какое-то время, и он говорит мне:

— Сначала я, отче, любил вас потому, что думал об оценках, а сейчас, даже когда закончу школу, хотелось бы видеть вас и после школы, потому что я люблю вас как человека!

Вот это замечательно. А вы бы предпочли, чтобы мы любили Бога из-за оценок? И все время думаете: «Как бы не попасть в ад, как бы Он не покарал меня, не наказал!» Да делай ты что хочешь! Что ты хочешь сделать? Что?

Когда мы были студентами, Лавреотикийский митрополит Николай (Хаджиниколау) рассказал на лекции, как он однажды пошел к своему духовнику и сказал:

— Отче, я больше не могу! Я взорвусь в Церкви!

— А чего ты хочешь, дитя мое?

— Я не выношу всего этого давления в Церкви!

— И чего же ты хочешь?

— Я хочу в конце концов согрешить!

И духовник ответил ему совершенно спокойно:

— Ну согреси.

И когда он это сказал, тот тут же успокоился и желание грешить пропало. Он говорил нам:

— Он был такой спокойный. Я боялся, что он скажет: «Не вздумай чего-нибудь натворить! Как это так — согрешить?» — а он вместо этого: «Сделай это, дитя мое, что ты там хочешь сделать?»

Кто-нибудь скажет: «Если сказать такое ребенку, он ведь совершит грехи». А я думаю, не совершит. Вот спрошу тебя кое о чем: есть ли способ не делать грехов? Назови мне самый хороший способ. Дай Бог найти его!

Есть случаи, когда можно и поругать ребенка. Однажды ты сказал мне:

— У тебя нет детей, поэтому ты так и говоришь. А если бы был ребенок и он сказал тебе, что хочет выйти вечером, а ты ему ответил: пускай идет куда хочет и возвращается когда хочет, посмотрел бы ты тогда, что будет! Если бы у тебя был ребенок, ты бы ему так сказал?

Да, ты прав. Я тоже заругаюсь, воспротивлюсь, начну говорить резко, ударю его несколькими словами, чтобы исправить, но все же нужно искать подход. И шлепок дашь, но только будь осторожней: рука, дающая шлепок, должна хоть немного пахнуть ладаном. Сначала помолись, прежде чем дать затрещину, схвати четки, помолись час. Проведи час с четками! Сделай это и увидишь!

Но как же тебе трудно молиться! (На Святой Горе Афон один человек говорил мне: «Помолюсь чуть позже,

Архимандрит Андрей (Конанос)

когда пойду в келью». Говорил это с утра до вечера. И не делал. Разговор за разговором. А молитва? Никак? «Как хорошо молиться», — говорил он мне, но не молился.) Помолись час и, если молитва не даст результата, стукни его, и тогда посмотрим. Но только мы не молимся, нам ведь легче ссориться, ругаться, грызть друг друга.

И давайте перестанем вешать на людей ярлыки: кто хороший, кто плохой, кто нуждается в исправлении, а кто нет.

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Постишься неохотно?

Вы осознали, что наступил пост? Я нет. Как быстро течет время! Ведь еще совсем недавно мы поздравляли друг друга с началом нового года, переживали радостные события Рождества Христова, еще не до конца осмыслили эти дни — и вот... наступил Великий пост. В этом году мы празднуем Пасху очень рано... Церковь словно призывает нас в этом году жить в другом, быстром ритме, проводить дни в бодром состоянии, не оставляя нам времени на расслабление.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Сколько бы ни приходило праздников, мудрый человек не тот, кто веселится до забвения смысла празднуемых событий, а тот, кто после окончания праздников продолжает держать в себе не только эту радость, но также и воздержание, продолжает пост не только на устах, но во всех своих чувствах, в словах». Христианин, который подвизается все время, не меняет что-то существенно, лишь изменяет ритм,

увеличивает скорость: молился, молится и сейчас; на разговорение питался с воздержанием, контролировал себя, что продолжается и нынче.

Наступила Четырдесятница... Радуйтесь! И снова говорю: радуйтесь! Будьте радостными, что наступил этот трогательный период в жизни Церкви, чтобы мы его пережили не только в умилении, печали и скорби, но также и радости. Скорбим, потому что понимаем нашу немощь, осознаем, какими грешниками стали. Размышляем о страданиях Христовых, о Его Кресте, хотим найти виновных, задумываемся о самих себе и приходим к выводу, что и мы также повторяем Его распятие своими злыми делами и немощами, все это нас приводит в угнетенное состояние. Но мы одновременно и в радостном предвосхищении, ведь в конце нас ожидает Светлое Воскресение, поклонение Живоносному гробу, который окажется пустым, но в то же время полным Христа, Его благодати. И вот эта пустота нас наполняет невыразимой и бесконечной радостью. Подвигаемся, зная, куда идем. Идем по стопам, по ним шли все святые, вся Церковь, все наши братья, идем по тропинке, в конце которой нас ожидает Воскресение.

Вокруг себя создаю такую атмосферу, которая мне лично поможет. В чем поможет? В том, чтобы я восполнился воспоминаниями о пережитом периоде, чтобы в моем сердце осталась печать присутствия Христа, печать любви, теплоты, нежности, бодрости.

Если все, что мы делаем во время поста, не из-за любви ко Христу, то тогда наш пост действительно становится мучением и невыносимой скорбью, вызывает в нашем

сердце лишь чувство раздражения и гнева. Если жертва, которую ты приносишь Христу в форме молитвы, поста, милостыни, покаяния, принудительная, то тебе не достичь цели. Эти все вещи не являются обязательными потому, что так повелевают каноны Церкви. Каноны — это проявления сердца, которое любит Христа. Осознавая немощь свою, понимая, что чувствовали святые, исполняя все это, мы пытаемся им подражать, чтобы и нам прикоснуться к их духу.

Когда любишь, не устаешь это делать. Когда любишь, приносишь себя в жертву. Мать, которая любит своих детей, своего мужа, свой дом, устает от покупок, от кухни, от разных забот, но взглядишь в ее лицо — и увидишь только радость и счастье. Если нет любви, то когда даже попросишь у нее подать стакан воды — ленится, не хочет этого сделать, устает.

Вот в чем тайна Великого поста!

Если любишь Христа, чувствуешь Его любовь к себе, то все получается очень легко, ты не устаешь, живешь так, как говорит Господь наш: «А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне». Постишься? Постишься неохотно? Не делай этого тогда. Если постишься с мучением, ворчанием, принуждаешь себя не по доброй воле, тогда действительно заболеешь и физически, ведь пост — это лишение, это подвиг. Но когда постишься по любви, тогда Господь подаст тебе много духовных витаминов. Преподобный Паисий Святогорец говорит: «Во время поста чувствуешь себя простым творением и имеешь чистый ум, спокойное расположение

духа стать на молитву; это желание возникает от пламенной любви человека ко Творцу. Пост — прекрасное средство для этого подвига».

Есть такие вещи в жизни нашей, не испытав которых на опыте, ты о них можешь только догадываться. Те, кто постился, знают, какое это великое дело. В данное время Православная Церковь держит пост. А ты? Разве ты к ней принадлежишь? Не хочешь принадлежать к общине христиан, которые из-за любви ко Христу это делают? Постись по мере своих сил. Сходи к врачу, узнай, не имеешь ли проблем со здоровьем. Не пренебрегай постом по своей боязни, из-за страха, что навредишь организму. Не недооценивай свою душу и не переоценивай свое тело! Не недооценивай свои силы, ведь можешь много сделать для Христа, с Его же помощью, конечно. Лишаюсь каких-то вещей я, но и другие тоже. Затрудняюсь с выбором пищи, но не только я один. Голодаем, чтобы насытиться. Томимся жаждой получения некоторых удовольствий этого мира, но Христос нам предлагает другие наслаждения. Некоторые, впервые постясь, чувствуют большую радость от этого, ведь все, соборно, каждый в меру своих сил, конечно, проявляют свою любовь ко Христу таким способом.

Пост напоминает человеку, что он христианин, напоминает о запрете, данном Богом в раю, не вкушать «плода». Сам плод онтологически не был чем-то плохим, ведь Всевышний не сотворил ничего грешного. Не грех употреблять мясо, ведь если было бы так, мы бы его не ели в другие периоды. Не принесут греха ни сыр, ни яйца, ни рыба, ведь Сам Господь их вкушал и благословил. Так возжелал Бог, чтобы мы проявили свое доверие и любовь

Постишься неохотно?

к Нему именно через воздержание. Господь хочет сделать нас сильными. Для этого нам предлагает такое упражнение, ведь еще до падения человеку была дана заповедь о посте, чтобы на деле он мог проявить свою любовь. Господь к нам проявил Свою любовь на Кресте. Он не требует от нас ничего, ведь когда любишь, предаешь самого себя, не требуя ничего взамен.

Знаю таких людей, которые уже после вечерни в Неделю Сыропустную до среды, до того дня, когда совершается первая литургия Преждеосвященных Даров, ничего не вкушают. Приступая к Чаше голодными и причащаясь Тела и Крови Христовой, некоторое время они не чувствуют потребности в еде. Вот где настоящая Пища, которую принимает в себя человек. Эту пищу нам дает Сам Господь. Приходит такой человек домой, вкушает хлеб, пьет воду, чувствует их настоящий вкус и благодарит за это Бога, за все Его дары.

Впустим Христа в свое сердце, чтобы Он изменил нашу жизнь, будем постоянно призывать Его имя, имя Божией Матери, имена святых — тогда пост пройдет очень быстро. Не успеем оглянуться, как придет Страстная седмица, а потом и Пасха. И как бы было хорошо, если бы мы потом сказали: «Как быстро пролетело время! Научился любить, смиряться, прощать, каяться. Стал человеком Христа. Слава Богу!»

В добрый час! Радуйтесь!

(Перевод с новогреч. С. Рудько)

Вкусите и увидите, как благ Господь

Вся наша жизнь — это путь перемен, и с той минуты, как ты познал Христа (много лет тому назад, еще в детские годы, или совсем недавно), ты, как и всякий человек, идешь этим путем. И это очень важно. Это значит, что каждый уходящий год, каждый день Христос все больше отображается в нашей душе, Его образ и этос проступают в нашем сердце, и мы становимся ближе к возрасту Христа, к Его духовной атмосфере и Его святости. Это связано с нашим преуспеянием, развитием, совершенствованием: волны жизни несут нас, Сам Дух Святой несет нас по пути к совершенству. Наша душа — не что-то статичное, а изменяющееся.

Как-то один мой приятель сказал:

— С тем «я», которое у меня раньше было, со своим старым «я» я бы даже и кофе не сел выпить. То есть я смотрю на свое старое «я» — и не смогу смириться с тем, каким же я был раньше. А теперь я изменился. — И он говорил как.

То есть человек, какой он есть сегодня, не может оставаться таким же, каким был в прошлом году, и не может быть таким же, каким будет через год. В наших устах и сердце меняется вкус Бога. Бог конечно же остается одинаковым, Он неизменен, но нам, если мы преуспеваем духовно, свойственно понимать Бога каждый раз по-разному. Однако с этим надо быть осторожными, чтобы из-за этого не впасть в отчаяние, а воспринимать это с великой радостью и оптимизмом, видеть в этом доказательство того, что мы действительно преуспеваем.

Когда преуспеваешь, это значит, что английский, которым ты владел на первом году обучения, сейчас кажется тебе скудноватым, потому что сегодня ты уже можешь читать серьезные книги, газеты и смотреть фильмы на нем. То есть ты и тогда знал английский, и сейчас знаешь, и потом будешь его знать, когда преуспеешь, но только это не один и тот же английский. Помимо английского, это же происходит и с ангельским языком — языком, с помощью которого тыходишь в соприкосновение с Божиим пространством: он тоже не может оставаться таким же, как раньше. Когда-то ты верил в Бога довольно примитивно: дети верят, что Бог сидит где-то на луне или высоко на небе, а значит, Он не здесь. И поэтому убегают на кухню или в свою комнату, прячутся в ванной и думают, что скрылись от Бога. В Бога они верят, да, но только не совершенной верой.

Наш подход к Богу каждый раз соответствует нашим переживаниям, духовности, нашему внутреннему содержанию, молитве, которую возносим, времени, которое всему этому уделяем: молитве, чтению, внутреннему

труду, самопознанию и контакту с другими людьми. Потому что именно отсюда мы черпаем опыт и подлинное чувство Бога, а не из книг. Книги в какой-то момент отходят на задний план, и появляется жизненный опыт, опыт же этот связан с истинным бытием Самого Бога и с окружающими тебя людьми.

Поэтому мы и говорим, что одно дело — читать книги о браке, а другое — жить семейной жизнью. То же происходит и с Богом. Один мой друг-монах как-то сказал, что одно дело — читать книги о монашестве, а другое — быть монахом. Я, до того как стать монахом, много читал, многое себе представлял, вообразил себе целый мир, но когда стал монахом и увидел другую реальность — в чем-то более положительную, а в чем-то более отрицательную, — то понял, что жизнь отличается от того, что мы читаем. А значит, Бог пребывает по ту сторону книг, по ту сторону того, что скажет тебе один, что скажет другой. Одно дело — что скажу тебе о Боге я, и другое — когда Бог Сам скажет тебе это в сердце, когда Он прошепчет тебе что-то. Это огромная разница.

Помню, что говорил теперь уже прославленный в лике святых Порфирий:

— Когда я был молод, у меня был один образ Бога — крайне строгий, односторонний, шаблонный. Я строил известные схемы и ставил ограничения, смотрел на людей и думал, что Бог согласен с моей логикой. Но чем больше времени проходило, чем больше я соприкасался с людьми и душа моя перемешивалась с их душой, я видел реалии их жизни, смотрел на их чувства, сердце, борьбу, тем больше мне каждый раз открывался другой Бог. И если

я начинал с «Кормчей книги» и строгости, шаблонов и абсолютов, то через какое-то время уже по-другому смотрел на все и иначе оценивал поступки людей.

Это потому, что старец смотрел на то, что стоит за видимым, и видел то, чего другие понять не могли. Так, глядя на сильно грешных людей, он видел их только ищущими истины и счастья. И давал другое объяснение тому, что такое грех, что такое плохой человек, а что — хороший.

Почему же он стал все это так воспринимать, почему стал так чувствовать? Потому что у него изменился вкус Бога, ощущение того, что значит Бог. Как и во времена Христа люди тоже думали, что знали Бога, но Христос — Сам Бог воплощенный — показал им, что их представление о Боге было неверным. Когда ученики сказали Ему:

— Скажи, чтобы упал огонь с неба и сжег этот город за то, что они Тебя не приняли, — они думали, что это было по нраву Божию, но Христос сказал им:

— *Вы не знаете, какого вы духа* (Лк. 9, 55). Вы не поняли Моего нрава. Я несу любовь, Я не несу мщения.

— Но у нас такая картина Бога!

— Да, Я не ругаю вас, но Я прихожу, чтобы помочь вам «кликнуть» вверх, чтобы вы поднялись выше.

У нас нет причин бороться с тем, кто смотрит на все по-своему: это одна из стадий его жизни, это фаза, которая пройдет. Мы не можем его осуждать, отталкивать, мы можем только его понять, уважить, встать на его место и увидеть, что на его месте мы тоже смотрели бы так. То есть у него была своя причина делать то, что он делает, какое-то свое представление в уме, какой-то предрассудок.

Я ни разу не видел святого, у которого сначала сердце было бы широким, а потом он бы его сузил и стал более своенравным и тяжелым в общении. Святость означает раскрытие, расширение сердца, такую широту ума, которая вмещает всех, всех понимает, всех прощает, любит даже порочных, грешных женщин, как святой Порфирий, который нашел один такой дом на площади Омония и благословил их крестом на Богоявление. Он сказал, чтобы все женщины вышли на улицу, и они высыпали полуголые, одергивая свои небольшие наряды, чтобы прикрыться, а он говорил:

— Здесь обитают души ищущие.

Что же случилось с этим человеком? А вот что случилось — он распахнул свой ум и воспринял Бога другим чувством.

Человек, взгляды которого и в 20, и в 80 лет одни и те же (а обычно, говоря «одни и те же взгляды», мы имеем в виду «одни и те же односторонние и суровые взгляды»), чего-то не понял в благости Господа, он не понял слов: *Вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9). То есть вкусите, чтобы увидеть, как благ Господь: Бог не такой, каким ты себе Его представляешь. Бог не имеет отношения к тому, что ты говоришь о Нем.

Христос всегда говорил: «Вы не понимаете». Например, когда Ему говорили, чтобы поставить Его в трудное положение:

— Закон говорит, чтобы мы побили камнями эту женщину, чтобы мы забросали ее камнями.

То есть, говоря «закон», они имеют в виду: «Бог, сказавший Моисею то-то и то-то». И Христос сказал:

— Ну что ж, давайте! Если вы безгрешны, бросайте!
(ср. Ин. 8, 7).

Видите, Он всегда переводит их на другой уровень мышления, всегда берет их там, где они есть, и переставляет в другое место.

Это старание Христа, чтобы мы не оставляли в застое свою духовность, означает отмену статичности, означает всегда гибкий ум, чтобы мы постоянно «месили» свое существование и смотрели на происходящее по-другому — каждый раз глазами Христа.

Не изрекать правду, если правда может сразить наповал другого. Не говорить правду, когда она остра, как колючки кактуса, и до крови поранит другого. Я не могу чистить ребенку глазик щеткой для ковров, потому что поврежу его. Когда хочешь сделать добро, надо делать его по-доброму, а чтобы сделать так, надо твердо понять, что Бог пребывает по ту сторону схем, форм, этих шаблонных движений, когда мы несчетное количество раз копируем одно и то же действие. Что мы делали некогда, то же делаем и сейчас.

Старец Порфирий так не делал, ибо он сказал:

— Когда-то я был суровым, сейчас, однако, я не такой.

Старец Порфирий берет тебя за руку и говорит:

— Научись видеть и в грехе поиск, искренний поиск, только пошедший не по тому пути. Разгляди поиск, красоту души, ищущей чего-то, и это «что-то» — совершенно истинно.

В глубине души ни один человек не ищет порока, не ищет мрака, не ищет тленного, а ищет радости, Бога, великолепия, расцвета души, красоты, умиротворения,

счастья. И когда понимаешь это, становишься уютным человеком, ты можешь встретить любого и полюбить его, уважить, почтить. Сказать ему: «Я понимаю тебя, сочувствую, сострадаю», — и при виде такого твоего обхождения он опускает оружие, его сопротивление ломается, и он отключается. Потому что, оказавшись пред человеком с таким пониманием Христа и такой Божественной снисходительностью, он чувствует, что ему незачем больше заператься, спорить, враждовать, незачем вставать и высказывать свои аргументы в пользу того, какой он хороший, — он сдается сам и говорит тебе:

— Я ничто, я очень грешен, я плохой, у меня страсти!

— Зачем ты говоришь мне все это?

— Затем, что ты излучаешь красоту, тепло, и это твое тепло не приводит меня в ужас, не заставляет окапываться, заператься и бояться тебя.

Сегодня люди боятся нас, считающих себя духовными людьми, именно потому, что эта наша духовность неубедительна. Об этом говорят факты, не я это говорю, это показывает отношение людей к нам: они не идут с легкостью на сближение с нами, чтобы раскрыть свои души, именно из-за того, что не видят на наших лицах Того Бога, Который поймет их, вникнет, полюбит, человеколюбиво приласкает.

Я могу сделать вначале какой-нибудь человеколюбивый жест, чтобы сказать другому: «Приди», — но как только он придет: «А ну-ка, иди сюда! Наконец-то я тебя поймал!» — и давай давить и душить его. Поэтому мало людей подходят к нам, делают первый шаг, но дальше этого не идут.

Вкусите и увидите, как благ Господь

Многие заходят к нам, смотрят на нас и уходят. Приходят, пробуют нас на вкус, ощущают горечь, не ощущают сладости, как сказано: *Вкусите и увидите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), — этой благодати Господа, этой доброты и милосердия они в нас не чувствуют.

И я говорю это на горьком опыте собственных неправильных действий и поступков, за столько лет приводивших к такому результату, что другой смотрит на тебя, приходит в ужас и уходит.

Если ты близок к Богу и живешь истинно духовной жизнью, то поймешь это и по той перемене, которую будешь ощущать в своем отношении к Богу.

Чтобы измениться, надо разрушить старое. Ты говоришь: — Но я же столько лет это строил и жил этим!

Да, но Христос для того и приходит. Если хочешь возрадоваться, чтобы твое сердце раскрылось по-настоящему, не надо бояться ломать старое. Ты переживешь один такой слом, и в тебе не станет того, что не истинно, что не есть истинный Бог, и появится что-то новое. Это стоит труда, и тебе стоит пройти через это разрушение и руины, ведь то, что будет созидаться, новое, будет намного лучше, намного красивее, оно сделает тебя намного счастливее, и другие будут смотреть на тебя и говорить:

— Какую же перемену совершил Бог! Бог действительно прикоснулся к этому человеку, изменил и преобразил его.

Тебя будет видно и по тому, как ты будешь смотреть на Бога, и по тому, как будешь передавать другому Божие послание...

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Православный по вере, еретик по поведению

Несколько лет тому назад пришел как-то в школу инспектор и говорит мне:

— Дай ученикам (старших классов) задание написать по памяти «Отче наш». Не для проверки и не для оценки, а просто чтобы посмотреть, как они это напишут. И пусть переведут на современный греческий язык.

Я думал, что проверю эти работы быстро, но это заняло у меня немало времени. Красной ручкой исправлял я ошибки, и листочки детей постепенно покрылись исправлениями: ошибок было много и в написании, и в переводе, очень много ошибок. И я сказал себе: «Ну вот, инспектор и мне дал возможность посмотреть, что же знают наши дети в школе».

Ну что тут скажешь? Все мы во что-то верим, возносим свои молитвы, принадлежим к Православной Церкви, а спроси кого-нибудь: «Что означает, что ты православный? Что означают слова, которые ты произносишь в Символе веры?» Он во что-то верит, что-то читает, а сам

этого не понимает, сам этого не знает. И не надо думать, будто ты лучше. Кто-то может знать древнегреческий, другие хорошо изучили свою веру, читали святоотеческие тексты, третьим известны определенные догматические истины, но сколько таких? А большинство людей знает, во что верит? Они вообще знают, что мы православные, и что это значит, что мы православные? Да и православные ли мы вообще? И что значит, что я православный?

Как-то один человек сказал мне:

— Каким бы я ни был, но раз уж родился в Греции, меня взяли, крестили, и я стал православным.

А разве этого достаточно? Нет, недостаточно. Мало сказать: «Я православный, потому что родился в Греции», потому что это выбирал не ты. Это первое движение, которое Бог сделал в твоём направлении и облагодетельствовал тебя, когда ты этого не ждал, этого не заслуживал, когда ты вообще мало понимал, что происходит. Церковь делает тебя православным, крестит в младенчестве, а ты уже потом становишься православным, ведя свою личную борьбу, и начинаешь делать Православие своим — как личный опыт, как переживание.

Крещение — это дар, Бог дает его тебе без того, чтобы ты этого искал, без того, чтобы ты этого заслуживал, без того, чтобы ты как следует понимал, что это вообще такое — то, что Он дает тебе. А потом говорит, что у тебя есть 90 лет (или сколько тебе дано прожить) на то, чтобы достичь опытного постижения Православия и стяжать, как говорят святые, не просто сказать: «Я знаю догматы», а стяжать — догматическое сознание, личное понимание того, во что ты веришь. Чтобы это было не просто: «Верую

во Единого Бога Отца...» — и делать при этом ошибки, поскольку ты и этого повторить толком не можешь, да и перевести тоже. То есть если попытаться перевести Символ веры на современный язык, ты опять сделаешь кучу ошибок. Не говоря уже о том, чтобы ты на личном опыте усвоил себе то, что произносишь.

Когда святые отцы составляли, к примеру, Символ веры, они его не писали в какой-нибудь канцелярии: «А давайте-ка подумаем: что бы нам такое сказать о Боге? Скажем вот это, это и это», — и записали. Нет, они этим жили. «Верую» для них означало: «Я этим живу. Я чувствую Бога. Бог — это вот Кто: Он Бог Отец, Вседержитель, Творец неба и земли. Он создал всё». То есть они чувствовали Бога, видели Бога, они действительно Его видели и чувствовали, что Он Отец, что Он Сын, что Он Дух Святой. Он был для них не теорией, а видением, они видели Бога и потом записали пережитое, и так оно дошло до нас. Вот что значит догматическое сознание.

И когда они говорили о Христе: «Верую во Единого Господа Иисуса Христа», — то чувствовали, что Христос — это Господь, Он их Бог, их Избавитель. Что Он Тот, Кто пришел на землю, распялся, спас род человеческий и воскрес. Это были опытные переживания. А мы этого не переживаем опытно, мы говорим это формально, как будто живем в каком-нибудь музее, и нас научили, что в этом музее система должна работать так: говорить будешь вот это, делать то, а повторять третье — и все, ты православный. Но православен ли я в таком случае?

Не знаю, где я это слышал, что один иностранец-иноверец пришел в монастырь, думаю на Святой Горе Афонской, и, когда закончилось всенощное бдение, кто-то спросил его:

— Ну как тебе тут понравилось?

Он ответил:

— Я понял, что здесь происходит много истинного, что эти люди хранят истину.

Но он не увидел ее на их лицах. То есть их лица не отображали силу того, что они изрекали. Мы читаем на всенощном бдении такую сильную молитву: *Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя; Господь утверждение мое, и прибежище мое, и Избавитель мой* (Пс. 17, 2-3), — страшные слова, страшные изречения, страшные, потрясающие истины, но не переживаем их.

А когда пророк Давид писал эти строки, они переполняли его сердце. Он в это верил, этим жил и потом записал все. И Церковь это берет, дает нам, и мы это читаем, но не живем им.

Мы православные, но не услаждаемся силой этих слов. Из чего это видно? Это видно по тревоге, которую мы продолжаем носить в себе, по тому, как мы выходим из храма, а сердце внутри нас не утихло до такой степени, чтобы мы летали, радовались, и нас уже не занимало ничто из того, что волновало прежде. Это видно по тому ропоту и сетованиям, которые мы продолжаем высказывать: жалуемся на свою жизнь, на жену, детей, соседей. И сразу видно, что мы еще не поняли как следует всего этого.

Православие — это нечто такое, что мы призваны пережить, чтобы войти в Церковь. Да, мы уже в ней, но

только не на опыте. По документам мы православные, и многие об этом заявляют, но мало быть православным формально, Православием надо жить.

Подумать только, сколько раз и я это говорил на святой литургии, и ты это слышал: «Сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим», — что надо и самих себя, и других вверить Богу. Когда святитель Иоанн Златоуст это писал, оно исходило у него из сердца, он этим жил среди своего одиночества, среди гонений и мучений, и говорил: «Христе мой, я вверяю Тебе все: себя самого, свои проблемы, все я вверяю Христу Богу». Он говорил это и обретал покой, говорил — и верил в это. А я это говорю — и вскоре опять охватываюсь волнением, тревогой, отчаянием из-за своих проблем, но при этом утверждаю: «Я православный». Еще я говорю, что отслужил дивную православную святую литургию. А были ли у меня на ней православные переживания? Прикоснулся ли я к тому, о чем говорил на святой литургии? Сделал ли это своим опытом? Понимаете?

Иногда я задумываюсь: а насколько я вообще православный? Я православный, да. Крещен в Православие, хотя крестил меня священник родом из Африки, миссионер, я ведь крестился на чужбине, в Германии. Однажды пересматривали мы фотографии моего крещения: черные руки священника, и я — маленький беленький младенец в Германии, а священник — православный африканец. Да, это православное, каноническое Крещение. Я православный. Но православен ли я?

Великое дело — сказать, что ты православный. И вопрос не в том, чтобы похвастать, заявляя: «Вот, я право-

славный, а все остальные...» — а сказать, что ты действительно православный христианин. Это огромная ответственность, это величайшее смирение, это великий отклик на любовь Божию.

Что такое Православие? Это ответ человека на зов Божий. Бог приходит на землю, дарует нам Свою истину, открывает Себя, являет нам Себя, сияет у нас на глазах светом истины, богопознания, и люди, Церковь отвечают Ему на это Православием... Православие — это ответ человека на Божие приглашение. Человек так отвечает — правильной верой, ею мы и ответили Богу.

Я православный, да, верую в православные догматы, но живу ли я ими? Услаждаюсь ли ими? Понимаю ли их? Знаю ли их? А теперь скажу вам это проще, поскольку до сих пор говорил теоретически.

Давайте спрошу вас кое о чем. Скажем, встретятся вам на пути иеговист, протестант, или сядешь в такси, а там шофер — протестант, пятидесятник, адвентист. Или идешь по городу и видишь вдруг мормона, или римокатолика, или кого-нибудь из практикующих йогу, индуизм, и он тебе говорит:

— Хочешь, поговорим?

А ты отвечаешь:

— Нет, не хочу, потому что я православный. Оставь меня! Я не разговариваю с людьми другой веры!

Ну что ж, хорошо, ты не разговариваешь, но сейчас мы живем в такую эпоху, когда тебе придется разговаривать с ними. Может, в офисе, где ты работаешь с кем-нибудь, и вот он придет, заговорит с тобой вежливо так и спросит:

— А почему ты православный?

Ты скажешь:

— А ты кто?

Он говорит:

— Я иеговист.

— А почему ты иеговист?

И он начнет выкладывать тебе аргументы: «Я верю в это, верю в то, Церковь совершает такую-то ошибку, абсолютизирует людей, обожествляет их, тогда как они люди, иконы — это идолы, Бог не Троичен, а Пресвятая Дева не Богородица», — и т. д. И ты это слышишь, ты, называющий себя православным — ты ведь православный, правда? — и у тебя голова начинает идти кругом.

Или скажешь ему:

— Прошу тебя, я не хочу с тобой разговаривать, ты еретик, иди отсюда!

И это решение, естественно, не самое лучшее. Или начнешь городить какой-нибудь вздор и будешь выглядеть смешно, а он тебе скажет:

— Да нет же, это не так! Давай лучше я тебе объясню это!

Или будешь слушать его с раскрытым ртом и говорить:

— Ну что тебе сказать? Когда ты так говоришь, ты вроде бы и прав.

Вы понимаете это? «Ты вроде бы и прав». Часто создается такое впечатление, что иеговист, пятидесятник, протестант — это люди, намного более подготовленные в вопросах о том, во что они верят, что знают. Может, они и пребывают в ереси, в прелести, заблуждении, погрязают в чем-нибудь оккультном и демоническом, но то, во что они верят, они это исследовали, изучают, знают,

осведомляются, готовятся, проводят беседы, семинары, читают журналы, книги, на что-то подписываются и углубляют свои знания.

А мы не знаем, во что верим, мы никому не можем ответить, никого не можем убедить — вежливо, без крика. Не надо кричать: истина не кричит, истина не ругает, истина не бьет, а что она делает? Что говорит Господь? *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16). Истина только светит, открывается, сияет, и больше ничего. И человек видит тебя и убеждается, что ты прав, начинает верить в истину и идет за тобой или задумывается, если не пошел за тобой. И не надо кричать. Можешь ли ты это сделать? Можешь обойтись без криков?

Знаю одного человека, который ходил по базарам, чтобы выгонять оттуда иеговистов. Он православный, и это православная тактика — так он говорит. Но только это не аргумент — кричать на человека, гнать его палкой и выталкивать:

— Убирайтесь отсюда!

Хорошо, ты скажешь: «Базар очистился от еретиков! Теперь они не вводят людей в заблуждение, не раздают брошюр!» Но вопрос ведь в том, чтобы ты был готов апологетизировать, то есть объяснять, во что ты веришь, вежливо, смиренно, тому, кто захочет что-то от тебя услышать, и беседовать с ним.

Знаете, ведь мы со временем всё чаще будем оказываться в таких ситуациях с иеговистами, протестантами, всяческими теориями: трансмедитацией, сайентологией, — сейчас ведь встречаются самые разные ереси и религии. Когда-то

мы говорили, что Греция — православная страна и здесь живут одни православные, а такая-то страна протестантская, третья — католическая, четвертая — мусульманская, в пятой живут одни индуисты, а в шестой — буддисты. И вот кто-нибудь уезжает учиться во Францию, Англию, Германию, видит в университете студентов, придерживающихся самых разных религий, убеждений, вер, и говорит:

— Что же мне теперь тут делать? Они спрашивают меня, начинают со мной заговаривать и интересуются: «Скажи, во что ты веришь?»

И при этом они доброжелательны, не все ведь спрашивают, затем чтобы тебя переубедить. Некоторые просто хотят узнать, что такое Православие. «Почему, — спрашивает кто-нибудь, — я не должен быть католиком, а православным? Ты говоришь, что Православие лучше всего, что оно — истина. Ладно, но как мне понять, что оно истина? Ты это знаешь? Ты можешь помочь мне понять это?» Доброжелательно.

Вы видите, сколько в нас невежества? Сколького нам недостает, скольких знаний? Мы ведь обо всем этом не читали, этим не жили, нам еще такой длинный путь предстоит пройти.

Помните, как я начинал эту беседу сегодня? Что дети даже не умеют записать того, во что верят. Ни записать, ни пересказать, ни перевести этого ты не умеешь. Но есть такие, кто говорит:

— Да ничего страшного, если ты всего этого не знаешь! Достаточно этим просто жить.

Но чем ты будешь жить? Как ты это почувствуешь? Вперемешку со своим невежеством? То есть

невежество — это что-то таинственное, превосходное, красивое? А когда я начну говорить с кем-нибудь, то что я ему скажу? «Знаешь, я рад своему невежеству и благодаря ему смогу переубедить тебя?»

Если, конечно, ты не святой человек, как иные старчики на Святой Горе Афон, которые книг читать не могут, они их не читали, но непрестанно творят молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!». Днем и ночью. Они прочувствовали и видели Христа, а ты идешь и говоришь им:

— Отче, скажи мне...

А он тебе в ответ:

— Послушай, сказать тебе — этого я не умею, но только я знаю, что Христос здесь, Он вот Он.

— Где?

— Да вот же Он. — И протягивает руку.

И ты чувствуешь: «Ой, меня словно коснулся Христос!»

Он передает тебе благодать, святость, убеждает без догматики, без аргументов, без высшего богословия, без книг, советов, без ничего — он живет Христом. И об этом говорит. А мы и Христом не живем, и не подготовлены, не научены.

Ну не длинный ли путь нам еще предстоит пройти? И не лучше ли углубляться в то, во что верим, услаждаться им, знать это и получить о нем более полное знание? Или ты хочешь стать православным формалистом? А потом дети приходят в школу, ум у них пробуждается, и они говорят:

— А-а, меня крестили маленьким, я тогда еще не знал, что делаю. А теперь зачем мне вообще быть православным

христианином? Меня же тогда никто не спрашивал, хочешь ли я быть православным.

Тебя не просто никто не спрашивал, хочешь ли ты им стать, но и потом не сказали, почему ты им стал. Тебе не объяснили: «Православие означает вот это, а римокатолицизм — то, и отличие между ними заключается в этом. А протестантство означает то-то и то-то». А тебе известны эти отличия? Каково главное отличие нашей религии от другой? В другой произносят филиокве. А что значит «филиокве»? И как это связано с этосом* нашей жизни? Как связаны догмат и этос? Какое влияние оказывает то, что кто-нибудь верит в филиокве или в то, будто Христос является тварью? А когда говорят, будто Христос является тварью, какая это религия? Римокатолики. Нет, ошибка, не они это говорят, а иеговисты. Поскольку Он Сын Божий.

А православный сейчас услышал бы это и сказал:

— Но ведь конечно же если Христос — Сын Божий, значит, Он тоже Бог.

Но мы и сами иногда не знаем, каков Христос и что значит «единосущный», что Христос единосущен Отцу. И тут приходит кто-нибудь и заявляет, что Христос подобосущен Отцу.

— А что, — говорит он, — разве это не одно и то же: «единосущный» и «подобосущный», а? Ответь мне: в чем разница между единосущным и подобосущным? Разве они не звучат одинаково?

* *Этос* — набор этических принципов, воплощение религиозных убеждений в жизни.

Нет, это не одно и то же, и разница здесь огромная: одно дело, когда у Христа та же самая сущность, что у Бога Отца, т. е. Он единосущен, и другое — если Он подобосущен, т. е. имеет подобную, но не ту же самую сущность. Тогда Христос автоматически перестает быть Богом, если Он подобосущен.

А что значит, что Пресвятая Богородица является Богородицей, а не Христородицей? Она ведь родила Христа. Кого родила Пресвятая Богородица — Человека или Богочеловека? Сколько Ипостасей у Христа — одна или две? Сколько у Него природ — одна или две? Какая терминология правильна: «Богочеловеческая природа Христа» или «Божия и человеческая природа во Христе»? «Богочеловеческая Личность Христа» или «Богочеловеческая природа Христа»?

Ну что, у тебя уже голова пошла кругом? Я это сказал не для того, чтобы заморочить тебе голову, а чтобы показать, как далеки мы от познания Христа, Которого приняли с младенчества в Крещении, но не постарались познать и понять, в Кого же мы веруем. Поэтому мы так легко и уходим, потому что не знаем, в какого Христа уверовали. Мы не стали ближе к Нему, не познали Его, не поняли Его и не полюбили. И поэтому не понимаем того, чем мы живы, поэтому не радуемся Православию, поэтому так легко и уходим из Православия.

А кто уходит? Никто никогда не уходил из Православия, если пережил истинного Христа, если пережил Православие и усладился им. Я видел людей, из православных сделавшихся иеговистами, протестантами, ушедших

в какие-то еще ереси, парарелигиозные движения, и они говорят:

— Мы тоже когда-то были христианами, однако бросили Православие.

Я сказал кое-кому из них:

— А сказать тебе кое-что? Ты никогда не был православным христианином, потому что православные не уходят никогда. Ты говоришь так, как будто пребывавший в свете уходит в мрак и заявляет: «Я нашел свет!» Разве такое возможно?

Я просто сказал ему: «Ты никогда не был православным».

— А разве ты не помнишь, что я тоже был когда-то как ты?

— Да, был, но формально. Я не видел, чтобы ты ходил в церковь, чтобы исповедовался, причащался, молился, чтобы читал, жил Христом, исследовал Священное Писание, святоотеческие тексты, чтобы участвовал в каком-нибудь приходском собрании, беседе, я никогда тебя там не видел. А сейчас ты все это делаешь. Сейчас у тебя появилась эта горячая ревность, когда ты сделался еретиком, сейчас, когда отрекся от своего Крещения, ты вдруг по два раза в неделю стал ходить на собрания... Ну что, видишь, что ты никогда-то и не был настоящим православным, а только формальным? Вот ты и ушел.

А знаешь, почему ты ушел? Не потому, чтобы обрел там истину, а просто нашел в этой ереси каких-нибудь людей, втершихся в доверие к тебе. Как? Хорошим отношением, хорошими словами, деланой, а иногда и искренней

предупредительностью — они нашли тебя в твоём страдании и эксплуатировали это. Это философия всех еретиков сегодня: подъезжают к людям с проблемами, с болью. Боль — это же такая возможность подступиться к человеку, показать ему, во что ты веришь, и увлечь. Простотой и любовью — или коварством.

Конечно, бывает, к примеру, что у кого-то умирает ребенок, а соседи — православные — его не утешают, не уделяют ему никакого внимания, не интересуются, как бы с ним заговорить, как бы сдружиться. И тут еретик идет к нему домой и сходится с ним, разговаривает, утешает, составляет ему компанию и т. д. и мало-помалу увлекает его. И человек говорит:

— Я не нашел тепла в Церкви, со мной никто даже не поздоровался.

Видите? По большому счету Православие означает и верить, и жить, и любить, и помогать, и обнимать своего брата, чтобы существовало это единство. Еретики это делают: эти люди, пребывающие в заблуждении, соединены между собой, они друг друга знают, постоянно видятся, разговаривают, поддерживают один другого. А у нас в Церкви этого нет.

Замечаете, как я от догмата перехожу к этосу? То есть к тому, что у нас нет ни православного этоса, ни православной веры, словно она вычищена в нас изнутри. Этос означает образ жизни: мы иногда неправославны в своём поведении. Мы не всегда бываем в нём православны, поэтому я и спросил себя тогда: «А православен ли я?» Это огромная тема, и здесь можно многое сказать. Что же сказать прежде всего?

Я видел за свою жизнь разных людей: и протестантского пастора, ставшего православным, видел и римокатолика, ставшего православным, причем это были люди, глубоко знавшие свою прежнюю веру. Бывший пастор приехал из другой страны, ни слова не знал по-гречески, ничего не знал о Православии, но что у него было в душе, когда он был протестантом? Он ощущал пустоту в душе, жаждал истинного Бога и не находил Его, алкал и не насыщался, хотя так этого хотел и реально старался все делать для Бога. Однако эта вера, бывшая у него, не давала ему ощущения полноты, и он принялся читать книги. Дело не в том, чтобы знание приводило к богопознанию, — когда читаешь книги, это еще не значит, что познаешь Бога, нет, но он все же читал церковную историю, искал истинную веру и так, ища, читая и молясь Богу истинному, уехал со своей родины, оставил все и принялся искать истинного Бога. И это — пастор! Ты понимаешь?

Великое дело — жаждать Истины, искать Бога. Он пришел к Православию без пропаганды, без промывания мозгов, без всех этих приемов, ведь его сердце жаждало и пылало, как вулкан, в желании найти Истину, а такому человеку невозможно заморочить голову. И вот из пастора он сделался рядовым православным христианином, крестился, стал монахом и выучил греческий, и теперь уже 20 лет как живет в Греции. Никого в монастыре он не знал и был среди греков совсем один. Но он сказал: «Это не важно! Я нашел Христа, нашел Православие, нашел Истину». Кто же привел тебя к Истине, человек? Сам Бог!

То есть я не видел, чтобы кто-нибудь открыл для себя истинную веру православную, увидел настоящих

православных христиан — и прошел мимо них. Нет, он останавливается на Православии. А если кто-нибудь бросает Православие, значит, он его и не познал: это исключено, чтобы ты познал Христа, истинного Бога, явившегося на землю, и бросил Его и ушел.

Когда Христос сказал ученикам:

— Может, вы тоже хотите уйти? — святой апостол Петр сказал Ему от имени всех:

— Господи, куда нам идти? Разве это возможно — оставить Тебя? У Тебя ведь глаголы жизни вечной! (ср. Ин. 6, 67–68). Твои слова велики, они текут из жизни вечной, и я не могу Тебя оставить.

Православие — это великое дело. Великое дело — быть православным, но только ты православен не для того, чтобы размахивать мечом или дубиной, бить и кричать, а чтобы говорить в душе: «Христе мой! Молю Тебя, чтобы Православие, которое я держу в руках, я не выронил!» Потому что, по святым отцам, Православие подобно хождению по натянутому канату, так что православный с легкостью может стать еретиком. Где? В своей жизни. Если я сейчас возгоржусь тем, что я православный, то я уже не православен, потому что православный смирен.

Может, я и православен в догматах, верую во Единого Бога Отца, знаю Троичный догмат, христологию, триадологию и т. д., но если я страдаю эгоизмом и говорю: «Я православный, я обладаю Истиной! Я всех вас уничтожу, идите вы прочь! Все вокруг ничего не стоят, один лишь я прав!» — то этот эгоизм делает нас еретиками по нраву и духу.

Православие означает хождение по канату, это внимание к себе и в отношении к православному догмату, и в православном этосе и поведении. Великое дело — быть православным. Нам следовало бы плакать пред Богом от благодарности, от чувства своего недостойнства быть православными и умолять Его сделать нас настоящими православными. И говорить: «Да, Господи, я крестился и получил благодать Святого Духа, крещен во имя Святой Троицы, но, Господи, православен ли я сейчас, Твой ли я, христианин ли я благодаря одному этому? Или формально был совершен какой-то акт, и все?»

Вот отец семейства, он православен, но как он разговаривает со своей женой? Ходит в церковь, читает книги, серьезные святоотеческие книги, и считает себя строго православным. Но дома крайне деспотичен, жесток, хочет, чтобы было только, как он скажет, чтобы говорил только он, чтобы его мнение было равносильно закону, и ни с кем не считается. Этот человек знаешь что делает? Жена ему это однажды выскажет, да и ребенок тоже:

— Извини, а ты кто тут такой? Римский папа?

Он напрягается:

— Что ты сказал? Назвал меня римским папой? Меня? Возьми свои слова обратно, а то получишь по зубам! Ты что, еще и настаиваешь на своем?

То есть ему говорят: а разве ты не ошибаешься? Обладаешь непогрешимостью папы? Видите, как это перешло в наш менталитет? Можешь заявлять, что ты православный, но православен тот, кто не только говорит: «Я правильно верую в Бога», — но и правильно живет в повседневной жизни. А если ты деспотичен и ведешь себя

как римский папа, непогрешим в своем мнении, взгляде, мышлении...

Ты говоришь:

— Главное — быть православным! Главное — говорить, что...

Да, это очень важно — быть православным, непоколебимым в своей вере. Но как же твоя жизнь, она вообще имеет какое-нибудь значение? То есть этот эгоизм, который ты демонстрируешь дома, разве Бог его не видит? Что ты Ему потом скажешь? «Я знал Троичный догмат, я должен отправиться в рай! Хотя и не даю жене слова сказать»?

Другой пример. Покажу тебе, как мы нарушаем православные догматы и на деле их опровергаем. Заходишь в какой-нибудь дом, а там родители желают, чтобы всегда было по их воле, чтобы у детей был такой же вкус, как и у них: в одежде, поведении, в фильмах, которые они будут смотреть. Другой линии в доме они не принимают:

— Мы в нашей семье все такие. Хочешь — приспособляйся! А не хочешь — вставай и уходи. В этом доме будет то, что скажут тебе родители! Все, мы закончили!

Знаешь, что говорят об этом святые? Что ты этим все равно что упраздняешь и нарушаешь Троичный догмат на уровне этоса. Верить, что Бог Троичен, знаешь, что означает? Что ты принимаешь, что у Бога одна природа, но три Лица: Отец, Сын и Святой Дух. Отец есть Отец, Он не Сын, и Святой Дух тоже не Отец и не Сын. Они различны в том, что касается Их Лиц, и одинаковы в том, что касается Их природы. Единство и разнообразие: разнообразие в единстве и единство в разнообразии.

Это говорят многие богословы, они говорят (с этим не все целиком согласны), что это может функционировать как отражение этой реальности и в семье. Как? Когда мы говорим: «Дома мы все — одно, как Святая Троица, но и различны, как различны Бог, Сын и Святой Дух». Лица Святой Троицы любят одинаково, думают одинаково, но у каждого Лица есть Свои черты и свойства. Следовательно, и дома, если я верую в Святую Троицу, надо уважать мнение другого: чтобы мы разделяли общий дом, т. е. любовь, единство, тепло, доброту, веру в Бога. Все мы связаны в этом доме, как пальцы одной руки, сжатые в кулак, но у моего ребенка, жены есть своя индивидуальность, и они вправе идти своим путем.

Некоторые отвечают на это так:

— Но, помилуйте, разве мне нельзя иметь свое мнение? Разве я не могу иметь мнение, отличающееся от твоего?

Ты видишь? Говорить о Святой Троице — это одно, но надо еще и ввести Святую Троицу в свой дом как образ жизни, как этос, как поведение. Это грандиозно.

Святой Сергей Радонежский, подвизавшийся в России, сказал: «Монастырь, который строю, я посвящу Пресвятой Троице. Знаете, почему я это сделаю? Я хочу, чтобы отцы, которые будут тут жить, не просто говорили, что мы строго православные и веруем в Святую Троицу, но и осуществляли в жизни — в той степени, в какой мы можем, — это единство в разнообразии. Чтобы мы были объединены, как Святая Троица, как единое сердце».

Тогда в русском монашестве насчитывались тысячи монахов, их было очень много, и представь себе, чтобы

в таком монастыре царило единство, чтобы между ними не было ссор, ревности и недоразумений, группировок, клик, а одно только священное единство.

Однако единство — это не все уравнивающий каток. Святой Сергий говорит:

— Я не хочу делать вас всех одинаковыми. Один будет садовником, другой — псаломщиком, третий будет любить иконопись, четвертый — уединение, пятому будут по душе беседы с людьми.

Это индивидуальные качества каждого человека, его личные дарования. Так происходит и со Святой Троицей: у каждого Лица имеется Свое качество, но между Ними царят любовь и симфония. Ты понимаешь это, т. е. как Святая Троица может войти в ваш дом?

Затем ты соглашаешься, что Христос стал Человеком, принял человеческую природу, а с другой стороны... видишь, что твой ребенок хочет пойти на прогулку, отправиться куда-нибудь — к морю, в горы, поехать с друзьями на экскурсию. И говоришь ему:

— Но, дитя мое, неужели тебе может нравиться такое? Духовное ведь превыше всего. Да не занимайся ты этими материальными делами, это же суета. Неужели эти мирские дела, всякие мирские дела могут взять над тобой верх?

И это опровергает сказанное прежде, что Христос стал Человеком. Потому что если ты правильно, догматически веруешь, что Христос стал Человеком, тогда это значит, что Он воспринял в человеческой природе все ее черты и проявления жизни сей и освятил их. Значит, нет ничего, что не было бы освящено Христом: и прогулка твоего

ребенка, и еда, и машина, и семья, которую он создаст, и его дети, и дом, и среда, и мир. Потому что Христос взял на Себя всё, поскольку стал Человеком и воспринял человеческую природу.

Ты воспринимаешь это как абстрактный догмат. Например, вера в то, что Христос стал Человеком, должна была бы заставить тебя смотреть на Бога с пониманием и любовью, с благодарным (евхаристическим) чувством и признательностью, а не отделять материальное от духовного, не делить их на части и говорить: «Вот это духовное, а это материальное». Прости, но если бы ты увидел Христа, что бы ты сказал? Что Он наполовину Человек, а наполовину Бог? Нет, две природы в Нем соединены неслитно, нераздельно. А что это значит? Что земное ликовствует с небесным, что сегодня все радуются, все воспринимают последствия того догмата, что Бог Слово соединился с человеческой природой.

Вот как догматы отражаются в нашей повседневности и как мы становимся еретиками, считая, что мы православные. Я говорю это главным образом о себе. Может, я и ошибаюсь. И это тоже черта Православия — чтобы каждый признавал, что он не обладает абсолютной истиной: истина не в одном человеке, а в Церкви. Конечно, это неправославно, чтобы я, хоть я и священник, говорил, будто мое мнение непогрешимо. Нет. Если я скажу это, то опять же стану еретиком. Непогрешимо то, что говорит вся Церковь, то, во что верит Тело Христово, Тело верующих христиан, которые молятся, причащаются и живут Христом и, как Тело, содержат истину.

Есть много православных, не могущих своим поведением помочь никому и сделать кого-нибудь православным, потому что все время грозят кулаком, а люди не желают становиться православными таким образом. И что страшно — так это то, что размахивающий кулаками прекрасно знает догматы, и то, во что он верует, совершенно верно, но только дух, с которым он действует, неправославен.

Не знаю, что здесь чему предшествует? Думаю, необходимо и то и то: и правильно верить во что-то, и правильно этим жить. Быть православным по вере, но и вести себя православно. Потому что спрошу тебя: а помог ли ты кому-нибудь стать православным, стать ближе к Церкви той манерой, в какой ты иногда разговариваешь?

Один мой друг на чужбине, в Эдинбурге, как-то рассказал мне:

— Пришел ко мне в храм человек, работавший на Би-Би-Си. Протестант, не православный, он не принадлежит к Церкви, но так волнуется, слушая святую литургию, богослужения (там служат на английском).

И вот подошел он к моему другу наконец и сказал:

— Отче, я чувствую в последнее время, что Христос зовет меня. Но не знаю, куда идти. В какую Церковь мне пойти? Может, к тебе? К римокатоликам? Протестантам? Куда?

Другой сказал бы тут: «О, какая возможность!» Так сказать, «какая возможность, что он клюнет, и я его схвачу! Давай, бери его», — сказал бы кто-нибудь. Но этот мой друг-священник, весьма эрудированный, катехизировавший и крестивший множество инославных, сказал ему:

— Прославь Бога за то, что чувствуешь, что Он зовет тебя! И молись, чтобы Он указал тебе, куда идти.

Страшный ответ, если учесть, что батюшка этот православный. Он мог бы сказать ему: «К нам иди, чтобы тебя не водили за нос кому не лень! Здесь Истина!» Но он не сказал этого. И этот человек начнет ходить к нему, в этот храм, и примет Крещение, и пройдет катехизацию, и станет православным. Почему? Потому что этот известный священник — носитель не только православных догматов, но и православного этоса, которого у нас частенько не находится.

Давайте же создадим вокруг себя эту православную атмосферу, чтобы другой ею дышал. И любить его, если он отличается от нас, и говорить ему: «Это моя вера, у меня вот такая широкая вера. Таков мой Бог, делающий меня строгим к себе, но уютным для тебя. Делай как хочешь, как можешь — я на тебя не давлю». Так он усладится и сблизится с тобой.

В молебне святому Фанурию мы поем: «Святой Фанурие, веди меня, православного, блуждающего в ересьх всяческих нарушений». Я православный, но блуждаю в ереси. В какой ереси? Ересь — это любое нарушение, которое я совершаю в жизни: всякий грех, всякое отклонение в моем поведении и есть малая ересь. Ты можешь быть православным и в то же время еретиком.

Я так и живу: православный, но еретик по поведению, поступкам, этосу. Нет у меня православного этоса, не знаю я как следует православных догматов. Потому и сказал вначале, что нам еще предстоит пройти длинный

Православный по вере, еретик по поведению

путь, перед нами простирается необъятное поле, нам еще надо читать, учиться, готовиться.

Но сегодня, думаю, мы с вами сделали кое-что православное — поговорили, никого не осудили, никого не обругали, ни с кем не поссорились и любим Бога, поклоняемся Отцу, Сыну и Святому Духу Богу, Троице единосущной и нераздельной!

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Лучше молодежь оставить в покое и окружить любовью

Многие нас, священников, спрашивают: «Каково ваше мнение о молодежи?» Около 20 лет я преподавал в старших классах, и мне тоже задавали этот вопрос. Большинство хочет услышать: молодежь должна измениться, исправиться или сделать то или другое. Не могу сказать, что современные молодые люди — плохие; обычно плохие становятся лучшими.

Некоторые разбивают, ломают, разрушают, ругаются. Подобные внешние проявления, замеченные нами, не выражают их души. Это лишь болезнь. Если всмотреться, обнаружим, что человек в полной мере не смог ощутить, что значит любить, быть добрым. В своих родителях, наставниках, преподавателях ребенок не увидел живого образа Христа, ведь если бы это произошло, он обязательно умилился бы и извлек пользу. Ведь сейчас дети очень искренние. Мы можем обвинять в чем-то сегодняшнее сложное время, но дети более искренние сейчас, чем раньше.

Лучше молодежь оставить в покое и окружить любовью

Чтобы ребенка в чем-то убедить, нужно представить доказательства не только на словах, но и на деле.

Также сегодня молодежь не нуждается в авторитете. Отец не может сказать сыну: «Делай только так, и все. Я сказал!» Нет. Сегодня дети хотят диалога, обсуждения, желают понять, почему именно так они должны поступать, а не иначе, когда им что-то повелевают. Когда я, например, говорю: «Приходи в храм. Там обретешь радость», — ребенок будет искать, действительно ли там есть радость. И если придет, а я начну ему делать только замечания, он скажет мне: «Батюшка, зачем вы меня позвали сюда?»

Когда я преподавал в школе, дети были лучшими моими учителями, заставляли меня задуматься над многими вещами. Дети хотят смотреть на вещи объективно: батюшка говорит о смирении, а есть ли оно у меня? Рассказываю, что возле Христа обретете радость, но разве я ее ощутил? Возникают тревога, гнев, ярость, а далее требую от них учиться молитве. Рассказываю о том, что Христос приносит душе мир и спокойствие, но есть ли во мне это спокойствие?

Мне кажется, лучше молодежь оставить в покое, то есть молиться о них и окружить любовью без многословия. Наши слова часто приносят противоположный ожидаемому результат. Говорим им что-то, они делают обратное. Обычно родители много раз повторяют одно и то же, не задумываясь о последствиях. Оставьте ребенка в покое. Лучше покажите ему, что вы счастливая семья, что Господь делает вас радостными — это будет лучшей поведью.

Говорит мне один юноша: «Не хожу в церковь, так как знаю, что мне там скажут». «Что?» — спрашиваю. «Все запрещено», — отвечает. «Что имеешь в виду?» — «Веселиться запрещается. Проводить время в разных компаниях запрещается. Курение запрещается. Место запретов». Однако все это не отображает реалий Церкви. Но такой образ мы, к сожалению, создаем. Вместо того чтобы показать, как можно радоваться во Христе, учим, чего делать нельзя. Святой Порфирий говорил: «Тьма не уходит от паники, стресса или беспокойства. Нажимаешь на выключатель — зажигается свет. Открываешь окна — светит солнце. Тьма автоматически исчезает». Мы должны приблизить к себе молодежь своей любовью, симпатией, снисходительностью, полным пониманием. Полное понимание не значит оправдание того или иного греховного поступка, а осознание того, почему именно так, а не иначе поступают наши дети. И они обязательно это поймут и почувствуют.

Знаете, почему святой Паисий и другие обычные старцы привлекали к себе столько народа? Потому что они располагали тем, что понудило одного анархиста из Фессалоник написать преподобному Паисию письмо. Он начал со слов «Любимый мой папулечка». Не зная, как официально обращаться к монаху, написал так, как подсказало ему сердце, почувствовав любовь геронды к себе.

Однажды я спросил собеседника: «Кто твой самый великий учитель?» Надеялся услышать имя какого-нибудь святого, но ответ был иным: «Мой самый великий учитель — это мои грехи, неудачи и ошибки». Святой Паисий говорил: «Трудности и невзгоды — как летающие

Лучше молодежь оставить в покое и окружить любовью коврики, которые смогут нас доставить в рай». Молодежь, усердствуя в исправлении своих ошибок, должна быть настроена оптимистично и знать, что идет по правильному пути и вскоре встретится со Христом, Который есть Свет и Любовь.

(Перевод с новогреч. С. Рудько)

(Нє) хочу в рай

У меня для тебя радостная новость, и я хочу, чтобы ты принял ее радостно, как когда слышишь что-нибудь приятное. А приятное здесь то, что ты отправишься в рай, спасешься, всегда пребудешь с Богом. Я просто хочу сказать тебе, кто там будет рядом с тобой. А рядом с тобой будут — я потом скажу тебе, откуда узнал все эти новости и кто мне их сообщил, — рядом с тобой, с одной стороны, могут быть какие-нибудь раскаявшиеся грешники, преступники: например, Диоклетиан или еще какой-нибудь гонитель. Ну что? Ты еще хочешь туда? Или тебя это напрягает?

А тебе что, не нравятся эти люди? А-а, ты не хочешь, чтобы они были рядом с тобой! Ну тогда ладно. Давай тогда изменим это условие, потому что можно сделать и так, чтобы там были не они, если тебе этого так не хочется. Пускай тогда в этой группе, которая в раю, будет другой состав, другая компания, в которой будешь

находиться и ты. Пускай рядом с тобой будет кое-кто из твоих братьев, с которыми ты не разговариваешь. Вот как когда ты пошел на свадьбу и сделал вид, будто не заметил своего приятеля, т.е. ты будешь рядом со своим братом, который тебе не нравится. Ну что, ты опять не хочешь? Ну тогда ладно.

Ах да, а ты помнишь — ты, говоривший мне, что развелся, — что в раю будешь со своей женой, той самой, с которой развелся, она ведь будет рядом с тобой. Ты и она. А-а-а! Тебе и это опять не нравится? Но я же сказал тебе, что ты будешь в раю! А ты говоришь:

— Я не хочу в рай! Если я буду в раю, а со мной будут такие люди, тогда я не хочу быть в раю! Я хочу, чтобы в раю со мной были...

— Так кого же тебе хочется видеть там?

— Тех, кто мне приятен, а не тех, кто мне неприятен и кого я не люблю. Я хочу видеть тех, кого люблю, с кем у меня хорошие отношения, с кем у меня не бывает проблем. А кое с кем я не в ладу и не хочу, чтобы все они были со мной!

То есть ты хочешь отправиться в рай, но чтобы там были не все, а только некоторые. И не спеши ругать меня, что я говорю глупости, потому что я это прочел в одной духовной книге, где было сказано: «Представь себе, что в раю рядом с тобой будет преступник. Как ты себя будешь чувствовать тогда?» Но ты, во-первых, принимаешь за данность, что это исключено, чтобы такие люди спаслись, а во-вторых, говоришь:

— Даже если они спасутся, я все равно вообще не хочу видеть их.

— Да, хорошо, что ты не Бог! Хорошо, что и я не Бог, потому что Бог рассуждает совсем иначе. Он по-другому задумал все Своим умом и любит нас.

— Ой, но как же трудно принять такого Бога, Который любит моего врага, как меня. Я могу понять, что Он любит меня, — говоришь ты, — но чтобы Он любил еще и моего врага и поместил его в рай?

Хорошо, что ты не Бог, потому что Бог рассуждает совсем иначе.

Да, если он раскаялся в последнее мгновение жизни. А откуда ты знаешь, что он тогда делал? Разве ты знаешь, что делал в последнюю минуту своей жизни каждый преступник, каждый человек, которого ты так видеть не можешь, а? Ты даже думать о нем не можешь и сворачиваешь в другую сторону, лишь бы не встретиться с ним! А кто знает, может, Господь принимает и любит его, может, Он держит его в Своих объятиях, может, Он поместил его вместе с другими Своими детьми?

Я сделал ошибку, сказав: «Кто знает». Это известно, Он сказал нам это, Он сказал: «Я люблю всех, но во Враче нуждаются больные» (ср. Мф. 9, 12), — а не ты, который, как предполагается, здоров, но в конечном счете оказывается, что ты больнее других, говорящих, что они больны.

Мы больны, потому что не имеем любви. А ты, хоть в рай тебя посади, не захочешь быть вместе с некоторыми людьми. Ты и там будешь отделяться, и там будешь взирать на лица и говорить:

— А я лучше! Я люблю избирательно, люблю с некоторыми условиями, люблю до определенных пределов.

Я люблю только некоторых, а не всех, я люблю, если меня любят, а не уязвляют, не наносят мне вреда. В таком случае — да воздаст им Бог тем же! Если мне причинят какое-нибудь зло, да сравняет их Бог с землей. Я молюсь, как пророк Давид, и рассказываю истории из Ветхого Завета, и привожу аргументы из Ветхого Завета.

Да, к сожалению, у пророка Давида мы только это и берем, у святых мы только то и заимствуем, что нам выгодно, что нам нравится. Стоит нам увидеть какого-нибудь святого, топнувшего ногой, потребовавшего своего, вознегодовавшего в какой-то момент и сказавшего слово похлестче, мы это запоминаем. Это хорошо, что ты подражаешь святому пророку Давиду, но только он сделал еще и многое другое: раскаялся, потрудился, и он, естественно, не дожил до того, чтобы увидеть Христову кровь на Голгофе. Он не испытал такого покаяния, которое у него могло бы быть в ново-заветную эпоху по Божией благодати, он не видел Господа, простирающего руки Свои на Кресте, не слышал пощечины, которую получил Господь, — и простил Своих мучителей. Поэтому он и был тем, кем был. А тебе нет оправдания, если ты не любишь. Нет у тебя такого права, нет тебе оправдания.

Любить трудно. Любовь — это нечто такое, чего я еще не знаю, такое, о чем я даже не знаю, познаю ли я это когда-нибудь — как свое чувство к другим, но и как чувство Бога ко мне тоже. То есть я не знаю, вкусил ли я Божией любви, которую Бог обильно подает мне, не знаю, почувствовал ли то, о чем говорит святой Антоний Великий: «Я не боюсь Бога, а люблю Его». Бог первым возлюбил нас,

мы осознали Его любовь и почувствовали ее в себе. А поскольку мы почувствовали Его любовь, — а именно, что Он любит нас чрезвычайно много, Бог любит тебя, — то поэтому и ты насыщен любовью и не испытываешь нужды в том, чтобы противопоставлять себя никому.

А почему ты это делаешь?

— Потому что я любим Богом, я возлюбленная душа, Он окружает меня нежностью, любовью. Почему же я должен чувствовать себя незащищенным, зачем мне испытывать враждебность? Как я могу ощущать ревность, зачем мне ревновать, почему, когда Божия любовь всегда окружает меня! И как мне завидовать, когда у меня нет недостатка ни в чем, из-за чего можно было бы завидовать!

А я всего этого не пережил, и это и является причиной, по которой мы не любим. Мы не любим, потому что сами еще не были возлюблены. Не любим, потому что не почувствовали Божией любви, которая есть, которая изливается в наши сердца. Она излилась и наполнила наши сердца, но они этого не чувствуют. Мы еще не ощутили себя чрезвычайно возлюбленными Богом, и поэтому испытываем безумную незащищенность и страх. Ты видишь другого — и воспринимаешь его как угрозу собственному существованию, видишь другого — и боишься, что он причинит тебе какое-нибудь зло. Ты смотришь на другого как на своего соперника по жизни, не ощущаешь единства с ним, не испытываешь той радости, когда его радость — это моя радость, когда моя радость отражается на нем и возвращается ко мне, и получается как между зеркалами, когда свет из одного зеркала отражается в другом и становится все сильнее и сильнее.

Я должен любить других, потому что так становлюсь богаче и не теряю своей ценности, придавая ценность другому, а обретаю еще бóльшую ценность. Но только слова я говорю сейчас, одни слова... А любовь — она в делах, а не словах. И есть такие люди, которые делают дела, много дел, осязаемых дел, а не разводят теории, в которых вера низводится до уровня идеологии: красивые слова, споры, дискуссии, абстрактные мысли, идеи, философия, но только все это без опыта, переживания, жертвы, без того, чтобы ты сунул руку в карман и помог кому-нибудь, без посещения того, кто нуждается в том, чтобы ты поговорил с ним, преклонил колени на молитве и проронил о нем слезу, — ничего из всего этого.

А ты это делаешь, и я тебя поздравляю, завидую тебе и восхищаюсь тобой, потому что это воистину любовь. А то, другое, — это культура, христианская культура и дискуссия, но и таких я тоже не обвиняю, потому что, если сделаю это, у меня не станет любви, и тогда я буду как не понимающий разницы между характерами. Один любит практические дела, а другой — теоретические, но и это тоже дело. А что тут поделаешь? Некоторые люди относятся к теоретическому типу, они дискутируют, помогают другим на интеллектуальном уровне понять что-то. И это тоже любовь. Ты можешь говорить от избытка любви, может, ты философ и твоя философия излучает любовь, лишь бы одно было твоей целью — помочь человеку, любому человеку, который тебя слушает.

Потому что действительно есть такие умы, такие люди, которые обладают превосходными теоретическими

познаниями, а другим по душе практические дела, и они спрашивают:

— Ты не знаешь какое-нибудь социальное учреждение, куда я мог бы пойти и помочь? Потому что выступать — это не мое.

Или как некоторые старенькие священники в храмах — святые люди, у них нет дара слова, и они особо не проповедают. Но они проповедают своей жизнью, они знают, как человеку помочь, умеют выслушать боль другого, сунуть руку в карман и протянуть 50, 100, 200, 300 евро нуждающемуся, пойти в такой дом, где уже вот-вот готовы развестись, и проронить слезу, беседуя с супругами, и сказать:

— Ну, дети, я не могу привести вам аргументов, но это нехорошо!

И супруги опять соединяются от одного его доброго слова.

А кто-то — монах на Святой Горе Афон и молится. Это тоже любовь. Если он любит, то есть не ропщет, не ссорится. Потому что если он с кем-нибудь ссорится в монастыре, ты говоришь себе: «Но, дитя мое, ты же отрекался от всего, чтобы быть свободным и духовно возвышенным человеком, чтобы превратить свое сердце в сад и обнять всех людей, а сейчас ругаешься? Неужели и сюда вошла зависть, в монастырь? Неужели и здесь есть люди, с которыми ты не разговариваешь?»

Нет конечно же, в твоём монастыре такого нет, но в некоторых есть, и поэтому нужна молитва, и мы говорим: люди ждут от тебя любви — твоей молитвы, жертвы твоих четок, когда ты возьмешь их в руки и станешь

помянуть всех. Так ты душу свою не губишь, а приобретаешь любовь.

Нам надо почувствовать между собой единство, понять, что нам с тобой нечего делить, что у нас много общего, такого, что мы с тобой можем обсуждать и чувствовать, что мы с тобой — одно. А когда мы одно, как все святые частицы Святого Агнца, Тела и Крови Христовых, которые мы вкладываем в Святой Потир, составляют одно целое: живые, мертвые, все категории людей, все святые, — то все мы «смешиваемся» и становимся одним целым, одним телом, вместе с Господом.

Если ты в сердце не почувствуешь этого, то будешь смотреть на меня и считать своим врагом, а я буду смотреть на тебя и завидовать. Твое процветание станет угрозой для меня, твой успех будет поводом к тому, чтобы я стал тебе завидовать. Но если я почувствую то, что сказал Господь в Своей Первосвященнической молитве: «Да будут все едино, очень прошу Тебя, Небесный Отче. Я о том молю, да будут все одно (ср. Ин. 17, 21), тогда те, которые возьмут Мое пылающее сердце, устроят эстафету, этот огонь будет передаваться от сердца сердцу, и они воспламят огонь во всем мире. Я молюсь, чтобы именно это их и отличало — любовь и единство»...

Если я пойму, что мне с тобой нечего делить, если пойму, что у тебя, как и у меня, есть душа, которая в глубине своей прекрасна... И твоя прекрасна, и моя. Мои страсти так ужасны, моя злоба, эгоизм, немощи, слабости — да, они отвратительны, но только они — не мое «я». Они вокруг меня, но проникли в мой характер, душу, сердце. Внутри же нас с тобой существует некое ядро, существует

некая печать, которая светла, она светлее всех солнц, всех светов мира сего и неба. И если я пойму это, то почувствую, что у меня так много общего с тобой и всеми людьми. И это приведет к тому, что мы начнем пылать от любви, от такой большой любви, где один не завидует другому, не смотрит на него как на угрозу, а радуется его радостью.

Как же это трудно, даже среди священников! Я священник, но могу ли я полюбить другого священника, который добрее, способнее, обаятельнее, у которого лучше голос? И чтобы я этому радовался, и чтобы его радость была моей радостью, чтобы я радовался его успеху, а он радовался моему и считал, что тем, что он собой представляет, он обязан всем нам, а я бы считал, что тем, чем являюсь я, я обязан и ему в том числе, и чтобы мы так укрепляли один другого. Чтобы не было конкуренции, не было соперничества, не было противопоставления, заставляющего смотреть на другого искоса, краем глаза.

По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин. 13, 35), — любовь как жертва, как единство, преуспевание во всех сферах и радость о том, что у другого что-то получается. Все может стать любовью, из всего может проистекать любовь, но из всего могут проистекать и злоба, холодность, безразличие, смятение.

Великое дело — оказывать любовь! Когда у тебя есть любовь, ты не боишься. Потому что враг приходит, а ты смотришь ему в глаза и говоришь:

— Я люблю тебя! Нет ничего, из-за чего я мог бы тебя бояться. И зачем мне бояться, если я люблю тебя, что ты мне сделаешь?

Вы видели, что сказал Христос? *И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Например, когда кто-нибудь вывалит свой мусор под твоё окно, или поднимут шум в многоэтажке, или отнимут у тебя что-нибудь, то все это внешнее. Христос говорит:

— Не бойся, больше ничего они тебе сделать не могут. Только и всего.

А ты можешь сделать нечто гораздо более ценное — возлюбить их. Возлюби же их. Они этого разрушить не могут, потому что любовь побеждает все страхи, делает нас свободными людьми, и ты уже не боишься ни жизни, ни смерти.

Ты боишься, когда в тебе есть вина. А почему она в тебе есть? Потому что ты не достиг любви, а смотришь на Бога как на страшилище, которое ругает, наказывает, держит бич, бьёт и гнетет тебя чувством вины. А когда ты грешник, но смиренный грешник, чувствующий в то же время и Божию любовь, — тогда твой грех делает тебя смиренным. Он тебя смиряет, приземляет, и ты говоришь: «Ой, Христе мой, я такой плохой, но Ты ведь меня любишь, правда? Я исполняюсь дерзновения и смотрю на Тебя сквозь слезы. Душа моя не чиста, но я знаю, что Ты меня любишь!»

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Радоваться с радующимися

Слово о мытаре и фарисее

— *Пребудьте во Мне, и Я в вас*, — говорит Христос (Ин. 15, 4). — Соединитесь со Мной, и Я пребуду в вас. Вы ведь все соединены между собой.

Если мы поймем это, то увидим, как это велико. И тогда буду очень радостным, потому что твое дарование буду воспринимать как свое. А поскольку у меня много друзей, имеющих множество дарований, и все твое — мое, а то малое, которое у меня есть, — твое, то что же получается? Все мы становимся богатыми, потому что мы одна большая компания, одна большая семья, и каждый обогащается дарованиями другого, и у тебя появляется много поводов для радости, потому что ты радуешься дарованиям другого.

Можешь ли ты почувствовать это сейчас? Подумай, у скольких твоих друзей есть какое-нибудь дарование, и они им наслаждаются, но ты тоже можешь радоваться вместе с ними! Это ничего, что у тебя нет такого дарования. У них ведь оно есть, и они тебе его дадут!

Как-то один человек сказал мне:

— У меня нет своего ребенка, но я радуюсь вместе с теми, у кого ребенок есть, и это то же самое, как если бы он у меня был!

Я сказал себе: «Не думаю, чтобы это было то же самое, потому что когда у тебя его нет...»

— Да нет же, то же самое! Потому что когда любишь другого радостно, от души, то не чувствуешь ни зависти, ни... Я радуюсь вместе с ними!

Вот кто-то женится, и его радость становится твоей радостью, кто-то успешно заканчивает школу, и я радуюсь вместе с ним. Это его дарование, но поскольку я чувствую себя одним целым с ним, то его радость отражается на мне. И знаешь, сколько раз в день ты можешь так радоваться? Очень много — стоит просто подумать обо всех радующихся людях, переживающих сегодня какие-нибудь счастливые моменты.

Сегодня, например, есть люди, впервые встретившие друг друга и образовавшие счастливую пару, и дело у них пойдет к браку. Сейчас, когда мы с вами беседуем, есть люди, которые очень счастливы, потому что нашли человека своей жизни. Сейчас, когда мы говорим, есть такие студенты и студентки, которые оставили позади тяжелый экзамен. Тебе тоже надо ощутить то дарование, которое дал тебе Бог, как и мне — мое, чтобы я порадовался вместе с тобой, и ты почувствовал, что: «Я получил диплом, потому что мои друзья за меня помолились! Мои родители, братья, мой духовник — они все за меня помолились!» И чтобы мы все чувствовали себя соединенными друг с другом.

Естественно, фарисей этого не подумал. Он все приписывал себе, а дела его были очень хорошими: пост, молитва, милостыня, все остальное, что он делал, посещал храм. Но только он не делился этим, не радовался ему, и душа его не смягчилась от этих дарований, он не растаял от благодарности к Богу. Не как многие люди, которые при виде множества даров говорят: «Боже, сколько же всего Ты мне дал!» Они благодарят, и душа у них смягчается.

А мытарь стоял поодаль и говорил: *Боже, милостив буди мне, грешному!* (Лк. 18, 13). И у меня тут возникает одно недоумение. А если бы мытарь стоял чуть ближе и фарисей его услышал? Я как-то думал об этом и говорил себе: а вот если бы фарисей его услышал, что ему следовало бы сказать мытарю? И мое мнение таково, что ему надо было бы сказать:

— Ну, не расстраивайся ты, мытарь! У тебя чего-то нет, зато у меня есть! А то, что у меня есть, оно ведь для тебя есть! Я ведь пощусь за тебя! Ты что, не добрый? А если я немножечко добрый, так я же за тебя добрый! То есть я скажу это и покажу Богу, что я для тебя как ходатай, я же пощусь за тебя!

Вспоминаю, что старец Парфений — это русский святой, есть маленькая книжечка о нем, называется «Старец Парфений», — спросил Пресвятую Богородицу:

— Пресвятая Богородице, а что означает, что я стал монахом?

И услышал на молитве голос Пресвятой Богородицы, Которая сказала ему:

— Монашеская схима, которую ты получил, означает, что ты должен освятить себя за целый мир!

Другими словами, надо, чтобы и ты стяжал дарования, и ты возблагодарил Бога за целый мир. Ты видишь? Пресвятая Богородица хранит тебя от помысла надменности, то есть ты должен стать святым не ради себя самого, а ради всего мира.

Самое великое дарование — любовь. Если утратишь любовь, то, хоть все дары на свете имей, ты не получаешь ничего. Ты не раздал себя. Ты не сделал того, что сделал Бог, раздавший Себя за всех. Он не пощадил Сына Своего — самое высшее, что у Него есть, — и даровал нам любовь. Он попустил, чтобы Сын Его Возлюбленный стал Человеком, и Он захотел стать Человеком из любви к людям, чтобы сказать нам:

— У Меня нет ничего Своего, чего Я хотел бы тебя лишить. Я все вам даю и хочу, чтобы вы тоже давали Мне всё, чтобы между нами было единство!

Фарисей был жестокосердным, а мытарь — очень добрым и симпатичным, поэтому его все и любят и называют «добрым мытарем», «смирненным мытарем», как разбойника на кресте называют благоразумным, потому что он открыл свое сердце и сказал:

— Боже, пожалей меня! Я грешен, ничего хорошего у меня нет, но я прошу у Тебя прощения! Я не притворяюсь святым, не притворяюсь хорошим, да, я нехороший, но я ищу Твоего прощения!

Знаете, почему он все это делал, почему открыл свою душу? Потому что почувствовал Божию любовь, он почувствовал, как Бог любит его, и не побоялся приоткрыть свое сердце. Чтобы открыть свое сердце и сказать все это, то есть: «Я грешен! Я сделал это, сделал

то!» — надо прежде всего не бояться. Потому что кто чувствует, что в него сейчас полетит тапок или щелкнет бич, стоит ему назвать какой-нибудь грех, тот не откроет рта. Его спрашивают:

— У тебя есть какой-нибудь грех?

— Нет-нет, у меня все в порядке. Все хорошо.

— А может, у тебя что-нибудь другое?

— Нет же! Нет!

У него еще нет бесстрашия Божией любви, нет дерзновения к Богу.

И тебе тоже надо прежде всего понять, как сильно любит тебя Бог. Однако у тебя есть право спорить со мной, поскольку ты сейчас скажешь мне:

— А как я могу это понять, если ты мне этого не показываешь?

Да, ты прав, вот ты и подвел меня к тому, к чему я хотел, — к тому, что нам, которые, как предполагается, близки к Богу, следовало бы показывать людям эту Божественную картину, то есть давать им чувствовать себя так, как мытарь чувствовал себя пред Богом. Как? Без страха, чтобы ты чувствовал себя в безопасности, чтобы знал, что если откроешь свою душу и назовешь грехи, то тебя ждет только объятие.

А знаешь, что значит стоять и говорить: «Я вор, пьяница, прелюбодей, блудник, я курю, богохульствую, сквернословлю, развратничаю, обижаю, осуждаю, завидую»? Сказать все это — и вместо ответа ощутить объятие и огромное тепло. И не слышать ни о ключах от тюремных камер, ни о решетках, истязаниях, ни об электрических стульях, ни о судилищах с колоколом, который по

Радоваться с радующимися

ком-то звонит, — ничего из всего этого. Одно только объятие, тепло, прощение, человеколюбие.

Тебе надо ощутить Божию любовь, а нам, священникам, — ее показать. Но ты тоже священник в собственном доме и совершаешь свою святую литургию в твоей семье, в сердце твоего ребенка, поэтому ты тоже, отец ты или мать, должен показать своему ребенку вот это Лицо Бога, которое есть нескончаемое объятие, прощение и ощущение того, что здесь он в полной безопасности и его принимают...

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Стань всем для своего ребенка, вдохновляя его на перемены

Детям не нужно, чтобы взрослые были совершенными. Никогда. Они не хотят, чтобы мы были не ошибающимися или безгрешными. Дети знают, что каждый раз, когда мы изображаем безгрешность, мы становимся лицемерными. Дети знают, что, когда мы изображаем доброту, мы говорим ложь и «сами себя и друг друга» выставляем на посмешище. Они не ищут совершенства. Они ищут искренности, неподдельности, уважения; уважения прежде всего к себе самим, а потом и к ним. Они ищут духовного труда, чтобы можно было почувствовать, что мы потрудились душой и серьезно относимся к тому, что значит жизнь, мир, Церковь.

Они хотят убедиться, действительно ли вы — личность. А когда увидят, что наше поведение двулично и притворно, когда столкнутся с нашим лицемерием, они этого не выдерживают. Их приводит в ужас не просто

Стань всем для своего ребенка, вдохновляя его на перемены какой-нибудь наш грех, а тот бесконечный спектакль, который мы добровольно разыгрываем.

Дети уважают грешных людей. И все в них рушится, прежде всего, из-за нашего лицемерия. Как один ребенок сказал мне:

— Я рад, что у меня такой отец, конкретно вот этот мой родной отец. Мы очень хорошо ладим с отцом. Он меня понимает, поддерживает, уважает. Он считается со мной и помогает. Отец меня радует.

Очень редко бывает, чтобы ребенок сказал такое. А твой ребенок может сказать о тебе: «Я рад, что у меня такой отец. Я рад, что у меня такая мать»?

Я, естественно, имею в виду не ту радость, которую испытываешь от общения с кем-то, с кем тебя связывают общие страсти и грехи. Я имею в виду не то, что как-то сказал мне один лицеист:

— Мы с отцом отлично ладим, он меня так радует. Мы с ним очень хорошо ладим. Даже курим вместе. Он наконец-то понял это, и сейчас я от него не прячусь, мы с ним понимаем друг друга. И мама курит вместе с нами, они меня посылают, и я покупаю сигареты на всех нас. И им беру, и себе. У нас замечательные отношения.

Я не это имею в виду, чтобы нас связывали общие страсти. Хотя даже эта связь может содержать такую неподдельность и закваску, которая способна привести к лучшему результату. Но сейчас я говорю о людях, живущих Церковью и стремящихся поддерживать хорошие отношения со своими детьми. Так воодушевлять ребенка, чтобы он считал тебя своим другом, но испытывал к тебе также и уважение, некое священное чувство.

Я имею в виду дружбу, которая будет создавать между вами близость, но и уважение тоже. А еще четкие границы. Связь и равновесие между словами для всех я сделался всем, как говорит святой апостол Павел (1 Кор. 9, 22), и сказанным в другом месте, что каждому подобает «честь» соответственно его месту в обществе (ср. Рим. 13, 7). Стать всем для своего ребенка, сойти до его уровня — да. Говорить так, чтобы он понял, что ты его чувствуешь, — да. Но не превращать себя в ничто и прозябать с ним внизу, не вдохновляя его на перемены.

Плод неподдельной близости и дружбы — когда у тебя есть представление об иной жизни, и ты передаешь его своему ребенку. Когда можешь открыть своему ребенку смысл и цель жизни — отличные от того, что он сам по своей незрелости находит. Чтобы он делал шаги вперед, преуспевал, развивался, возрастал. Чтобы почувствовал, что «отец и мать спускаются до моего уровня, но потом поднимают меня выше, и это делает меня богаче. Они открывают мне горизонты, о которых я бы и не догадался, выводят из детского мира наивности и беззаботности и помогают созреть духовно. Глядя на их отношения и нравственный облик, я познаю Христа. Они открывают для меня любовь, Церковь, чистоту, невинность, истину, красоту жизни».

Следовательно, быть родителем значит, что я не просто опускаюсь до уровня моего ребенка и занимаюсь его делами: играю в то, во что играет ребенок, говорю, как говорит ребенок, занимаюсь спортом, как мой ребенок. Все это хорошо, но это только первый шаг — сойти до его уровня. А что ты дашь ему потом? Каким будет твое

Стань всем для своего ребенка, вдохновляя его на перемены контрпредложение против того, что предлагает ему общество зрелищ и потребления? Куда ты можешь повернуть его интерес? Есть ли у тебя содержание, которое ты можешь передать ему? Переживаешь ли ты что-нибудь качественно, чтобы и ребенку предложить такое, что обогатит его жизнь? Эту красоту, которой ты очарован в душе?

Если ты живешь этим, то выдашь себя. Если ты живешь этим, оно выйдет наружу, проявится, и ребенок увидит это и обрадуется. Он почувствует, что получает от тебя нечто важное, такое, чего ему не дают нигде в другом месте.

Старец Паисий говорит, что «когда дыни созревают, то, даже если их в поле не видно, выдают себя ароматом. Незрелые, сколько на них ни наступай и ни дави, едва пахнут. А спелая благоухает и сама себя выдает». И ты, когда у тебя есть качество жизни, существенно поможешь своему ребенку.

Святой апостол Павел говорит: *И вы, отцы, не раздражайте своих детей* (Еф. 6, 4). Говоря «отцы», он имеет в виду родителей вообще, не только отцов, но и матерей. *Не раздражайте своих детей*. В одной книге я как раз об этом и прочел, что главная проблема детей — это их раздражение против родителей. Они злятся на родителей. Потому что подход родителей к ним вызывает у них гнев.

Посмотрите, какой это мудрый совет. В Ветхом Завете вообще очень много советов. В Ветхом Завете много и педагогических советов: в Книге премудрости Соломоновой, в Притчах Соломоновых и др., но в Новом Завете советы просты, кратки, зато очень сильны

и существенны. Как совет Господа: *Почитай своего отца и мать* (Исх. 20, 12) — такие простые слова, но в этом почитении сокрыта вся тайна жизни. Вы видели, что он говорит: «Чтобы тебе жить долгие годы на этом свете» (ср. Исх. 20, 12). Святой апостол Павел говорит то же самое. Он обращается к отцам и детям: *Почитай своего отца и мать* (Еф. 6, 2–3). Простой совет, но он, однако, снимает огромную дозу напряжения в доме.

Дети часто испытывают давление со стороны родителей. И возмущаются своими родителями. Они чувствуют, что с ними поступают несправедливо. А потом начинают скатываться с правого пути, ища себе иных просторов, иных способов развлечения, иных компаний, которые примут тебя таким, какой ты есть, без критики и бесконечных претензий, без этого негодования, которое часто выражают родители. Без постоянных упреков.

Дети говорят:

— Я иду домой, а родители меня там всегда отчитывают. Постоянно говорят то, о чем прекрасно знают, что это меня выводит из себя. Постоянно говорят одни и те же слова, о которых знают, что я прихожу от них в ярость. Без конца выдают одни и те же комментарии, одни и те же замечания о моих друзьях и одежде. И делают так, что выводят меня до невозможности.

Великое дело — не прогневлять другого. И вот один секрет, как его не прогневлять: если ты испробовал какой-нибудь совет и видишь, что он не помогает, или испробовал какое-нибудь слово и знаешь, что оно, если его произнести, смерти подобно и всегда приводит к крику, тогда секрет таков. Эти обидные слова, это унижительное

Стань всем для своего ребенка, вдохновляя его на перемены замечание или эпитет, который оскорбляет твоего ребенка и приводит к ссоре и напряжению, — не говори его во второй раз. Как-нибудь замени его, скажи что-нибудь другое, но только не говори тех же самых слов, которые всегда приводят к ссоре и крикам.

Все мы совершаем достаточно много ошибок. А так хотя бы созреем на собственных ошибках. Чтобы не допускать без конца одних и тех же оплошностей. Ты что-нибудь попробовал и увидел, что оно не помогает? Так не делай этого во второй раз. Ведь дети уже не принимают тебя всерьез и не получают от этого ни пользы, ни помощи. И знаете, что они говорят?

— Когда мать начинает меня ругать, она похожа на включенный плеер! Я к ней уже привык. И знаю: она будет так продолжать минут двадцать, говорить-говорить-говорить одно и то же, одно и то же. Я знаю все, что она скажет, потому что она всегда говорит одно и то же. А в итоге все равно будет так, как я хочу. И я проявляю терпение, ухожу в свою комнату, а время идет...

Но это же не близкие отношения! Насколько ближе те отношения, в которых присутствует любовь. А здесь отношения сопряжены с гневом и напряжением или безразличием. И мы начинаем ощущать себя чужими в собственном доме.

Другой может столько рассказать о вашей семье. Но больше всего о ней можешь рассказать ты. У вас есть такое право. У вас ведь столько раз появляется повод чувствовать себя огорченными, озадаченными и подавленными, но вы столько же раз и не имеете на это права. У всех нас и есть, и нет этого права. Причем одновременно. Потому

я и сказал, что ничего из того, о чем я здесь говорю, не может касаться всех в равной мере. Однако всех нас может касаться нужда в молитве. Молитве всех за всех. Чтобы мы молились друг за друга, за свою семью. Чтобы молили Бога, да просветит нас.

Сказанным сегодня мы положили малое начало. Сегодня мы совершили невидимый переход в семью и увидели радость и боль, которые она скрывает. Сказали и о некоторых ошибках, которые наверняка совершаешь и ты, родитель. И если я тебя огорчил, если обидел, если сделал резкие и ошибочные выводы, основываясь на собственных домыслах, прости меня!

Знаю, у тебя есть право думать так, как ты думаешь. Но Христос хочет, чтобы мы заглядывали в себя и находили, что у нас не так. Чтобы понимали, если где согрешим. И молили Бога, да даст нам просвещение, да усладит нашу душу, наши поступки и слова, чтобы усладились и души наших детей, которых мир так сильно огорчает и хочет увести прочь от Бога.

(Перевод с болг. Станки Косовой)

О великой тайне молодости и жизни

Размышлял я сегодня о том, как подготовиться к теме «Христос — это жизнь». Что сделать? Прочитать поучения святых отцов и пересказать вам, что говорили святитель Иоанн Златоуст, преподобный Максим Исповедник, преподобный Иоанн Дамаскин, святитель Симеон Новый Богослов. Мнения различных святых о Христе как об источнике жизни тоже важно услышать. *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6). *Я есмь воскресение и жизнь* (Ин. 11, 25).

И подумал про себя: если бы мне предложили поехать на какую-то конференцию, посвященную теме вина, и что-то рассказать, то как мне лучше было бы подготовиться? Неплохо бы выпить один-два бокала вина и даже немножко опьянеть от него, чем просто стать перед обществом и привести какие-то данные о свойствах этого напитка. Но все это можно найти и в интернете. Вводим в поисковую строку «Иисус Христос» — и перед нами неограниченное количество информации.

Когда убеждаешь других в том, что Христос — это жизнь, ты должен сам прожить свою жизнь жизнью Христа, опьянеть от любви Христа, преисполниться жизнью Христа. Только так ты сможешь донести информацию до ближних.

Святой Порфирий Кавсокаливит в последние годы своей земной жизни сказал такие удивительные слова: «Христос — это всё». При этом в конце беседы о Христе как источнике жизни добавил: «Сейчас я с вами говорю не в обычном состоянии. Слегка безумный я нынче». И кто-то мне на Святой Горе говорил, что он не лишился рассудка в обычном понимании, а был безумным ради Бога, юродивым. Какое прекрасное это безумие! Здорово быть безумным для Бога, быть безумным от Бога! Нам не хватает личного опыта общения со Христом!

Актуален нынче интернет-ролик, в котором один акушер, принявший роды, выходит во двор больницы, чтобы снять видеоселфи. За два-три дня его просмотрело семьсот тысяч людей. Знаете, о чем акушер говорит? О своих впечатлениях от рождения ребенка, о маленьких глазках, которые все хотели вокруг осмотреть. Малыш впитывал все в себя. Само зачатие этого ребенка — величайшее чудо. Живем благодаря чуду. Живешь ты, живу я, жизнь Христа вошла в твою жизнь, Христос позвал тебя к Себе, у тебя Его Кровь, Его Дух. Это большое чудо. За то, что жив, ты должен славословить Бога, быть благодарным Ему. Ты стараешься выжить в этом мире, однако живешь. Ты живешь, и это огромный дар. Мы живы благодаря любви Иисуса Христа, Бога нашего.

Однажды у бабушки, которая находилась при смерти, спросили, о чем она жалеет в своей жизни. Та ответила: «Жалею, что не жила. Мне девяносто лет, скоро умру, но я не прожила свою жизнь. Хотела бы сделать те вещи, которые люблю, поехать в те места, о которых мечтаю». Мечта каждого реального человека — жить, делать то, что любишь, чтобы проснуться утром и, как говорят, испить чашу жизни, не тяготиться жизнью, не быть живым мертвецом. Всю эту полноту жизни нам дарует Христос, Его прикосновение оживляет все наши мертвые клетки...

Одна девушка мне сказала: «Не могу надеяться, не могу мечтать, отчаялась и устала жить. Надежда покинула меня. Мне двадцать пять лет, но чувствую себя постаревшей, хоть я и молодая. Внешне кажется, что я живу, но на самом деле медленно умираю».

Однажды я был в школе и попросил детей раз в месяц записывать мне на листочке бумаги свои любые мысли. Один ребенок написал одно слово: «Ленюсь». Спрашиваю у него: «Ничего больше не напишешь?» Ответ: «Я уже все сказал». Почему у ребенка нет тяги к жизни? Потому что не живет в нем Христос как источник жизни, обретенный благодаря родителям. Значит, родители не живут, не показывают ребенку свою радость от посещения храма. Мама твоя улыбается, когда просыпается, хочет сделать все для тебя, идет на рынок, и ее лицо светится, когда покупает картошку, тыкву и помидоры, потому что благодарит Бога за то, что живет. Ребенок понимает, что Христос, Которого она вмещает в себе, дает ей жизнь. *Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком* (Ин. 10, 10).

Христос во время земной жизни нес с собой жизнь и давал ее людям. *Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни* (1 Ин. 5, 12). Кто имеет Сына Божия в своем сердце, тот живет. Это живой прекрасный человек. Смотришь на него, и он ассоциируется со словами «надежда», «будущее», «перспектива». Позавчера мне сказал один человек: «Вернулся с работы на Кипре, очень устал и на следующее утро пошел в магазин, чтобы купить инструменты и отремонтировать балкон своей сестре. Любовь, которая пребывала во мне, осилила усталость и дала мне новую жизнь». Вот что значит «жить». Чувствую, что жизнь мне нравится, мир прекрасен и везде вижу благодать Божию. В одном из воскресных тропарей поем: «С высоты снизшел еси, Благоутробне, погребение приял еси тридневное, да нас свободиши страстей, Животе и воскресение наше. Господи, слава Тебе». Это не просто слова, которые мы поем, они должны нас наполнить, коснуться каждого настолько, чтобы посмотрел на тебя ближний и прочитал эти слова по твоему лицу, по твоим глазам, по твоим губам. В ином случае это лишь теории. Именно по этой причине современные дети не решаются приблизиться к Церкви. Они созерцают безжизненный образ Христа на наших лицах, словно пришли в какой-то музей. Ребенок жаждет увидеть, что ты полон желаний, бодр, что ты радуешься тому, что делаешь...

Что нам дает Святое Причастие? Жизнь. Мы принимаем в себя Животворящие Тайны. Что значит Животворящие? То, что дает жизнь, что оживляет. То, что дает Христос, не является чем-то постоянным, оно живое... Одна

бабушка мне вчера сказала: «В моей жизни есть Христос, поэтому я всегда улыбаюсь и шучу». Ей 85 лет. Вот что значит жить и иметь тягу к жизни. Христос все это дает, все вокруг меня оживляет.

Иисус ждал четыре дня, чтобы воскресить друга Своего Лазаря. Пребывали в ожидании и сестры. Марфа сказала: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой...» Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11, 21, 25). Веруешь в Меня — нет больше смерти. Иисус приказал отодвинуть камень от пещеры, где лежал умерший, и воззвал громким голосом: «Лазарь! Иди вон». Святитель Иоанн Златоуст задается вопросом: «Христос сотворил такое большое чудо! Почему же Он не приказал камню самому отодвинуться, ведь Он же потом сделал еще большее чудо. Хотел, чтобы сами люди приняли участие в этом чуде воскресения». Господь как бы Сам говорит: «Сделайте легкое, отодвиньте камень. Я Сам сотворю сложное, то, что вы не сможете сами сделать». Хочешь, чтобы изменилась твоя жизнь? Это не произойдет тайным образом. Никто тебе не поможет, если ты сам не примешь реальное участие в своей жизни. Что сказал Господь расслабленному: «Встань, возьми постель свою и иди». Сделаю Я это чудо, но ты тоже сделай что-то...

Когда живешь сам для себя, то не видишь своего отражения. Святые говорили: «Кто видел брата своего, тот видел Господа Бога своего». Ницше утверждал: «Ближние для меня мучение». Не мучение для тебя ближние, это рай для тебя. Буду жить через тебя...

Один парень влюбился в девушку. Пришла ко мне она и рассказала: «Он сводит меня с ума своими прекрасными сообщениями. Смотрите, что он мне пишет: “До нашего знакомства жил на 50 процентов, а после все мои клетки ожили, и чувствую, что живу теперь на 100 процентов. Жизнь моя наполнилась счастьем. Просыпаюсь утром, думаю о тебе и встаю”». Вот что такое настоящие отношения, построенные на любви. Любишь своего ребенка — научи его жить. Как? Чтобы он смог увидеть в тебе любовь к другому человеку. Это знак для него, что в этом доме царит атмосфера, в которой можно научиться любить, когда глаза родителей сияют от любви...

Христос хочет привлечь нас к ответственности. Он не недооценивает нас, но делает нас ценными, Он нас уважает. Это вопрос участия. Не позволим страху парализовать нас. Потому что страх может разрушить человека, пресечь всякую жажду к жизни. Мы не живем одни. Будем жить вместе с другими. Жизнь течет посредством отношений. В них мы научимся любить. Жизнь — любовь, влечение, восторг, желание. Христос хочет, чтобы вы жили своими мечтами. Мечта каждого — найти себя, найти Бога, найти любовь, найти смирение, найти Церковь.

Эта жизнь требует борьбы изо всех сил, чтобы попытаться понять смысл того, что происходит в Церкви, а не просто подсчитывать уходящие дни.

Христос приходит, чтобы принести нам жизнь через наше повседневное умирание. Если в нас будет Христос, Он обновит нашу жизнь. Христос всегда новый. И когда мы любим Его и постоянно с Ним, то всегда будем чувствовать себя молодыми.

Душа не имеет возраста. Тело стареет и устает. Душа созревает, но ее юное состояние сохраняется до тех пор, пока мы близки к Богу. Человек соединен со Христом, Который есть жизнь, — вот в чем великая тайна молодости и жизни.

Как часто мы соединяемся со Христом и черпаем жизнь из Его жизни? Сколько времени сегодня я смотрел телевизор и сколько времени молился, почувствовал ли, что живу? Как мы сможем получить жизнь? Как Дух Его изольется на нас? Всякий раз, когда молимся, мы чувствуем, что живем. Соединение со Христом через молитву — великая вещь. Как важно объединиться со Христом через Божественное Причастие и Его жизнь, чтобы все это стало нашей жизнью.

Думая о Христе в своей жизни, ты живешь, оживляешься, просыпаешься, радуешься, воскресаешь. Призывание Его имени, призывание Его благодати, единство с Ним в Божественном Причастии, тот факт, что можешь прикоснуться к своей душе через духовника в Исповеди, свидетельствуют о том, что ты жив. Если можешь заплакать — живешь; можешь покаяться — продолжаешь жизнь с надеждой на перемену. Тот, кто жив, грешит и сожалеет. И он ошибается, но тоже плачет. И это самые прекрасные слезы. Нужно жить, прежде чем умереть. И это произойдет в том случае, если будешь на пути к Церкви. С молитвой, с компанией живых людей, с детской улыбкой.

У нас есть проблемы, но Бог течет в наших венах, и Он вечен и бессмертен, Победитель, Жизнь. И Его жизнь — это моя жизнь, и я не боюсь проблем, с которыми сталкиваюсь в своей жизни. Живи своей жизнью, соединенной

Архимандрит Андрей (Конанос)

со Христом. И тогда ты начнешь любить людей, не подавляя их и не огорчая их.

Будьте всегда молоды с Иисусом Христом, Который всегда новый, свежий, радостный и передает нам Свой кислород, и Свою радость, и Свою жизнь. И Его жизнь всегда будет нашей жизнью.

(Перевод с новогреч. С. Рудько)

Новое начало

«Доброе утро, Христе мой!»

Сейчас, когда мы стоим на пороге нового начала, когда чувствуем, что наступает что-то новое, какая-то перемена в нашей жизни, давайте сделаем переоценку своих сил, пересмотрим свою жизнь и примем нужные меры. Давайте сделаем это именно сейчас, когда мы начинаем все сначала, сейчас, когда стоим в начале. Тем более что для христианина каждый день — это новое начало. Каждое утро, когда восходит солнце и Бог дает нам время и возможность пожить еще день на этой планете, нам снова дается шанс начать всё с нового листа. Давайте же сделаем это именно сейчас, когда совпадает так много начал.

Я думал: а не поговорить ли нам об упражнениях, которые может совершать наша душа, о базисных принципах и основных положениях, которые мы можем соблюдать каждый день и которым хорошо было бы присутствовать в нашей повседневной жизни, украшая

ее? О таких движениях, которые разбудили бы нашу душу от летаргии, то и дело накатывающей на нее, вывели бы из гипнотического состояния и расслабленности и дали нам почувствовать, что мы действительно начинаем каждый день с чистого листа. Они помогут нам начать выполнять программу своего духовного развития в повседневной жизни. Это те действия, которые если они повторяются каждый день всю нашу жизнь и круглый год, то хоть и кажутся на первый взгляд малыми и незначительными, но помогут нам обогатить и украсить свою жизнь, дорожа ею и наслаждаясь этим даром Божиим.

Если врачи дают практические советы, касающиеся повседневной жизни, и они оказываются полезными и помогают нам, когда выполняются каждый день, то как хорошо было бы, чтобы у нас были и такие дорожные знаки, основные указатели, которые помогали бы нам ориентироваться в жизни Церкви, в жизни Духа, в деле культивирования своей души.

В одном из медицинских журналов один врач поведал нечто весьма интересное и актуальное. Он говорит, что хотя инфаркт и происходит в определенном возрасте — от 45 до 55 или 60 лет, но ему необходимо какое-то время, прежде чем проявиться в зрелом возрасте, пусть он и бывает только однажды. И хотя инфаркт происходит только раз, то есть хотя человек только раз слышит это «бам», означающее сильнейший шок для всего его тела и угрозу самому его существованию, после которого он иногда выживает, а иногда и нет, но предподготовка к нему идет все предыдущие годы.

И врач объяснил, как это бывает. Когда был молод, ты ел что хотел, как, сколько и когда хотел. Когда был молод, ты кое-чем злоупотреблял: пил, курил, вел ночной образ жизни, не спал, когда надо было. Тогда ты не испытывал проблем и все у тебя было хорошо, ну а поскольку все у тебя было хорошо, то ты и думал, что такого с тобой никогда не случится. Но годы незаметно шли, проблема нарастала, трудности в организме накапливались, и в какой-то момент инфаркт разразился. И весть о нем внезапно широко разносится:

— Бедный человек! Ему всего-то лет сорок пять-пятьдесят, и такой кошмар случился с ним! И так неожиданно!

А врач продолжает свои разъяснения: нет, это не неожиданно. То, что ты называешь неожиданным, по сути дела не таково. Оно подготавливалось исподволь, организм ощущал происходившие сбои, но ты не придавал значения ни советам врачей, ни недомоганиям, которые чувствовал, говоря себе, что это ничего. Ты не придаешь значения одному, другому, а ошибки прошлого мало-помалу всплывают наружу и вдруг дают о себе знать в какой-нибудь серьезной проблеме со здоровьем. А ты говоришь себе: «Да как же это так неожиданно произошло?» Однако это не так.

Врач этот дал и несколько практических советов, соблюдая которые мы избежим инфаркта, холестерина и склероза. Он сказал, например, что следует начинать свой день с хорошего завтрака, а не выбегать из дому голодным и взволнованным, потому что наш организм нуждается в горячем: фруктах, зернах и витаминах. Он

нуждается в этом, и нам нельзя отправляться в путь не заправившись.

Другой совет, который дал этот врач, — чтобы мы каждый день заботились о гигиене тела, чистили зубы и спали не менее 5–7 часов, чтобы наша нервная система могла успокоиться. Нельзя целый день стоять на ногах, быть в напряжении, а потом вдруг захотеть быть спокойным и, когда вечером окажется, что ты взвинчен и раздражен, удивляться: а почему я такой? Это происходит из-за твоего образа жизни, из-за того, что ты не отдыхаешь. Надо позволять себе немного отдыхать и в течение дня.

Врач сказал еще, что нам надо каждый день понемногу делать гимнастику, какие-нибудь простые упражнения, а если не можем выполнять трудных движений, будем просто прогуливаться. Не выходя, например, на своей остановке, а на одну раньше, чтобы немного пройтись пешком, или поднимаясь на свой этаж пешком по лестнице, а не обязательно на лифте и т. д. Чтобы мы еще каждый день съедали немного фруктов и овощей.

Вы удивляетесь: какое отношение имеют эти практические советы к нашей духовной беседе?

А в конце врач сказал такое, что сильно напомнило мне одну цитату из святого Исаака Сирина: когда добрые ежедневные привычки повторяются, они приводят к чудесным результатам и созидают здоровый организм заново. Понемногу, но каждый день; понемногу, но неотступно; понемногу, но постоянно.

Сказанное врачом было впечатляюще, оно напомнило мне о святом Исааке Сирине, который как-то заметил в одной из пещер, что на скале то и дело собирается

капля воды. Эта капля через какое-то время падала на камень, совсем уж редко, но все-таки капала: кап! И когда годы прошли, святой Исаак снова оказался в этой пещере и обнаружил, что эта скудная вода, эта капелька — нечто совершенно ничтожное (что такое капля воды, которая к тому же моментально испаряется?), — что эта капелька, постоянно падавшая на камень, выдолбила и пробурила скалу насквозь, приведя к такому впечатляющему результату. Вот как совершенно незначительная капелька пробилась скалу! Но это была капелька, капавшая постоянно с точно определенными интервалами.

Малое по сути своей не мало. Кажущееся незначительным имеет чрезвычайно важное значение в нашей жизни, когда это незначительное обладает такой повторяемостью, то есть когда оно воспроизводится и часто совершается в нашей жизни или в виде хороших, или в виде плохих привычек. Давайте же не пренебрегать малым, поскольку большое складывается из малого. Огромное мозаичное панно сложено из множества малых камешков, и если взять один из них, то даже не поймешь, что он в себе скрывает. Но когда этот малый камешек будет вставлен в весь этот комплекс и синтез, получится превосходный результат. И вот уже начинаешь различать какой-то образ, пейзаж, какую-нибудь фигуру, изображение, доставляющее созерцающему его наслаждение. А состоит это добротное творение из многих малых частичек.

Один святой сказал, что и самую красивую походку может испортить камешек, попавший в обувь. Нечто совсем малое может обезобразить всю походку, помешать

нам идти, причиняя неудобство и боль, поскольку не дает нам ступить как следует.

В Церкви не бывает незначительных вещей. Все, что предлагает нам жизнь в Церкви, даже если оно и кажется чем-то мелким и не производит особого впечатления, но если оно совершается постоянно и повторяется с регулярными интервалами, то приносит большие, богатые и обильные плоды, которыми мы и насладимся — конечно, не в тот же день, когда сделаем первый шаг, а спустя известное время, через несколько лет. Сначала мы сеем, трудимся и поливаем, понемногу делаем это усилие каждый день, а когда пройдет время, мы увидим плоды и скажем себе: «Да, то небольшое усилие, которое я прикладывал, стоило того».

Когда человек совершает эти дела каждый день, они помогают ему с течением времени выработать изрядный характер и красивую личность, стяжать добрую душу, которая создаст и вокруг себя приятную среду.

Пусть первой твоей мыслью, когда открываешь глаза, каждый день будет Христос, еще до того как ты поднимешь шторы, чтобы свет осиял твою комнату. Еще до того как ты поймешь, кто ты, что ты и где находишься, еще витая в смутном состоянии между сном и бодрствованием, как только заслышишь будильник и начнешь просыпаться, еще не понимая, что происходит вокруг. В этом переходном состоянии, продолжающемся всего несколько секунд, ты должен успеть задать пищу своему уму. Задай ему должную пищу, а не преподноси забот, тревог, волнений и проблем дня, поджидающих тебя, стоит тебе только открыть глаза.

Не начинай думать о счетах, долгах, обязательствах, еде, работе, покупках, магазинах, делах и визитах, которые ты должен совершить... Нет... Но, открывая глаза, отдай предпочтение своему уму и сердцу, молитве с именем Христовым. Вложи Христа в себя. Открывая глаза, обрати ум свой ко Христу и исключи все остальное, напирающее со всех сторон, чтобы тебя смутить, запутать и стеснить твое сердце, то есть все то, что не первое, что не та благая часть, которую выбрала Мария. *Мария же благую часть избра* (Лк. 10, 42).

«Доброе утро, Христе мой!» — сказал поэт Веритис в одной из своих поэм. Открывая глаза, он говорил: «Здравствуй, Христе мой!» Осознай же и ты свое отношение ко Христу, пойми, что этот день тебе подарен: он начинается потому, что Бог того захотел, а поскольку Бог того захотел, то ты и живешь, потому что Он отпускает тебе еще день жизни.

Не случилось никакого землетрясения, которое перевернуло бы твою жизнь, и ничего такого, отчего ты отправился бы на тот свет. Бог не забрал тебя, оставив пожить еще день. Зачем? Чтобы повернуть к Себе твое сердце, как подсолнух, всегда глядящий на солнце, чтобы и ты смотрел на своего Бога, как на солнце. Это самое естественное и самое нормальное из всего, что может сделать человек и что он должен делать, если правильно функционирует его душа, то есть если он функционирует как душевно здоровый.

Это один способ помочь своей душе обрести здоровье. Давайте же думать о Христе, давайте каждый начинающийся день находить время, чтобы немного помолиться,

сказать что-нибудь малое, возносить молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» с самого пробуждения. Вычитывать молитвы, которые рекомендует нам духовник. Некоторые читают часть утрени, другие — шестопсалмие, а третьи молятся по молитвослову. У каждого свое правило, рекомендованное духовником. Давайте только не забывать о нем.

Даже когда встаешь, чтобы одеться, пока снимаешь пижаму и складываешь ее, помолись опять, говоря: «Господи, как я раздеваюсь, так и Ты совлеки с меня страсти и эгоизм», а потом, когда будешь одеваться, говори: «Господи, как я надеваю рубашку, свитер и обувь, так и Ты, Господи, облеку меня в смирение, облеку этот день в любовь, а меня в смирение». Умываясь, говори опять: «Господи, как я умываю лицо, так и Ты омой меня Своим Пресвятым Духом, даруя мне благодать Духа Твоего Святого».

Обратите внимание на то, что мы сейчас говорим: ты умываешься и молишься, раздеваешься и молишься, одеваешься и молишься. Это очень хорошо — всегда находить время для молитвы в течение дня. А знаете, как много раз на дню мы можем помолиться? Много, очень много. Но поскольку мы связываем молитву только с тем особым моментом, когда мы оставим все и предадимся одной молитве, то от нас ускользают все остальные возможности. Конечно, мы должны молиться сосредоточившись и в уединении, но поскольку ритм нашей жизни так лихорадочен и быстр, ибо в нашу эпоху происходит некое тотальное ускорение всего, то будет хорошо, чтобы мы, пользуясь теми небольшими возможностями, о которых

мы ранее сказали, находили время и молились во всякий час.

Помню, однажды я спускался в метро по лестнице вместе с моим духовником. Этих лестниц там было так много, что им не видно конца, как будто спускаешься в самые недра адовы. Целых три этажа лестниц вниз, под землю. И пока мы спускались, он мне сказал:

— Давай на каждой ступеньке говорить про себя: «Господи, помилуй».

И знаете, сколько «Господи, помилуй» может произвести человек?.. А знаете, как это хорошо, чтобы поезд ехал, а ты молился, освящая преисподние глубины земли, освящая пространство и людей, находящихся рядом, ведь Божия благодать распространяется вокруг. Стоишь ты, например, в очереди, чтобы оплатить свои счета, налоги, или ждешь в банке или пекарне, чтобы купить себе что-нибудь. Давайте же превратим это в навык, давайте будем полагать новое начало каждый день, молясь в те минуты, в которые можем, в эти малые минуты, которых, если собрать их с самого утра и до вечера, становится много. Когда мы их сложим, их может оказаться всего каких-нибудь полчаса, но это очень хорошо, чтобы молитва превращалась у нас в навык.

По святому Никодиму Святогорцу, эта молитва называется «выстреливающей». Он называет эти малые молитвы «выстреливающими». Что это значит? Это значит, что они подобны стреле, которую ты выпускаешь из лука своей души к Богу, и они достигают цели, когда ты скажешь: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

Поймал ты, например, такси. «Слава Тебе, Боже, что в этом столпотворении я нашел такси, благодарю Тебя». Автобус приходит вовремя? «Слава Тебе, Боже». Опоздал ты на автобус? «Господи, дай мне терпение, чтобы не нервничать сейчас, когда я так спешу. Дай мне терпение выдержать». Все может быть обращено в повод для молитвы. То, о чем мы говорим, будто это мешает нам молиться, думаю, может быть превращено в молитву. Именно вот эти моменты.

— Как мне молиться, когда на трассе такое движение? — говорят мне, а я отвечаю:

— Именно потому, что на трассе такое движение, ты и можешь молиться. А что тебе еще делать в машине столько времени?

Вокруг поднимается какая-нибудь паника, а я молюсь, и мир меня не смущает. Я не вхожу в мир, а вкладываю Бога в себя, совершая этот невидимый переход, то есть помогаю себе и благодаря этой суматохе вхожу в пространство Бога, в пространство спокойствия, покоя, и так начинается новый замечательный день.

Очень хорошо выходить из дома с молитвенным настроением и возвращаться тоже с молитвенным. Молись перед тем, как заговорить с коллегами, и скажи какое-нибудь слово Христу: «Господи, просвети меня, что ему сказать». Или перед тем как войти в какой-нибудь офис: «Да не буду я истолкован превратно, чтобы мы не перессорились». К примеру, кто-нибудь из сотрудников резко говорит с тобой, а ты сдерживайся, обращая ситуацию в молитву и говоря себе: «Господи, просвети меня».

Очень хорошо делиться с Богом всем, чтобы все становилось Божественным, и даже самые мирские вещи

переносить в Божию благодать, погружая их в Его благодати, чтобы Он окружил тебя Своей помощью, присутствием и переменной. Так мы увидим чудеса в своей жизни.

Представьте себе: если бы родители были такими, если бы дети были такими, представьте себе, если бы вся семья жила подобным образом, то как хорошо было бы! Итак, с нынешнего дня наша первая мысль и весь остальной день тоже, вся наша жизнь и события в ней да будут закованы молитвой.

Настроимся на Божественную частоту

Есть еще кое-что, о чем я подумал, читая о жизни святых. Давайте не будем всегда предаваться такому чувству, будто живем в пространстве рутины и привычек, и воспринимать каждый день как «обыденную повседневность». Если спросить кого-нибудь, как дела, то нередко отвечают: «Эх... ну, скажем так: всё в порядке». Это нехорошее начало дня. Нехорошо начинать свой день со слов: «Вот еще один точно такой же, одинаковый, как все, день; каким был вчерашний, таким будет и сегодняшний; каждый день одно и то же».

Нет, это ошибка. Христианин должен начинать свой день, распахнув душу к Божественным неожиданностям. Не будем забывать, что каждый день совсем другой, он — белая страница, на которой мы до вечера будем писать

самые разные письма. Не будем забывать, что Бог дает нам сегодня возможность сделать много разного, пережить много разных событий, гораздо лучших, чем раньше, исправить ошибки прошлого, покаяться, сделать то, о чем вчера и не думали, или не могли этого сделать, или не успели, или не захотели делать по своей лени.

Мы должны знать, что каждый день прекрасен по меньшей мере; Бог не дает нам его как какую-нибудь рутину. Бог дает нам его не для того, чтобы мы каждый день чувствовали себя обремененными, а преподносит нам его в такой же свежести, с какой создавал вселенную, когда дал начало первому дню на свете, о котором можно сказать, что он явился одним сплошным взрывом жизни.

Бог и сейчас чувствует Себя так же, как когда все начиналось. Богу не надоело дарить нам дни, и Он не относится к нам с досадой. Давайте же и мы настроимся на эту Божественную частоту, говоря себе: «Может, до вечера со мной случится какая-нибудь неожиданность, произойдет Божие чудо. Я не знаю, что приберет для меня Бог. Поэтому не хочу оставаться равнодушным, чтобы день мой становился тоскливым, а хочу, чтобы душа моя трепетала, чтобы мои клеточки и сердце бодрствовали безо всякого маточного молока и витаминов, а по одной лишь моей вере во Христа, в ожидании какого-нибудь знака от Бога».

Вы знаете, телефоны священников забиты сообщениями о молитвах, проблемах, болезнях и обследованиях, и всё это сообщения из глубины сердца, когда люди раскрывают свою душу, потрясая нас сказанным. А как-то один парень прислал мне такое сообщение по телефону:

«Батюшка, спокойной ночи. Помолитесь, чтобы с наступлением завтрашнего дня я еще больше возлюбил Христа».

Какое хорошее сообщение! «Помолитесь, чтобы завтра, с наступлением нового дня, я еще больше возлюбил Христа». Это сообщение означает, что завтра Бог может даровать мне чудо, чтобы я пережил или ощутил то, чего раньше не ощущал. Может, Божественное Причастие, которое завтра приму на Божественной литургии, станет тем, чего я никогда раньше не переживал в жизни. Может, следующая Божественная литургия будет самой прекрасной в моей жизни, придаст мне большую силу, и я восприму на ней Господа в чувстве души, т. е. ощущу Его благодать и присутствие, Его прикосновение в своем сердце.

Но чтобы это произошло, надо, чтобы наш день начинался с той радости и упования, с каким *очи рабов обращены на руку господ их* (Пс. 122, 2), т. е. как рабы смотрят на руки своих господ: что они там держат, что им сейчас покажут или дадут, — чтобы и мы так же ждали, чая пришествия Господа: «Бог что-то подарит мне в этот сегодняшний день».

Старец Паисий сказал нечто замечательное об этом в одной из книг, составленных по его словам. Он рассказывает, что один юноша отправился в Патмос на богомолье. Пришел он на пристань в будничном Пирее, чтобы купить билет, как все. Было это в обычный день, такой же, как сегодня. Корабль оказался круизным. Он поднялся на палубу, где пассажиры без конца развлекались. Было такое место для развлечений на корабле: какая-то молодежь танцевала, другие весело общались. Атмосфера была

сугубо мирской и пропитанной эйфорией. А парень хотел попасть на Патмос, чтобы помолиться Богу о том, что его волновало. И тут его стали звать, чтобы он развлекался с ними, а не стоял просто так, однако он ответил, что все в порядке и пусть они за него не волнуются.

— Я хочу побыть в тишине, — сказал он и ушел в свою каюту.

Он сидел там, говоря себе: «Я поехал сюда Бога ради, а не веселиться и дурачиться, — как говорят сегодня молодые, — я поехал, чтобы помолиться и пережить нечто большее на этом богомолье».

И тут, едва они отплыли от Пирея, он увидел Христа, Живого!

Бог даровал ему эту благодать за то, что он отказался присоединиться к веселящимся, чем-то пожертвовал ради Христа и со священным намерением направился в Патмос. И было ему откровение Христа посреди моря, перед тем как прибыть в Патмос, где было Откровение Иоанну. Он пережил откровение Христа в своей каюте, на самом обычном корабле, где, может, никто до него никогда не ощущал Христа.

Парень этот от чего-то отказался, а Бог даровал ему гораздо большее — Свое присутствие. И я спрашиваю и себя, и вас: а мог ли этот парень утром, когда проснулся, или потом днем, когда ехал в Пирей, чтобы купить билет, представить себе, что этот день ознаменует всю его жизнь, что в этот день он увидит Живого Христа в какой-то каюте, на каком-то круизном корабле на пути в Патмос?

А именно такой дар и был дан ему от Бога в этот день. Но разве он мог об этом знать? А Бог наградил его этим.

Так что и ты тоже не знаешь. Когда начинаешь возносить мольбу Богородице, когда начинаешь новый день, когда идешь к духовнику, чтобы исповедаться, — надо делать все это с чувством новизны, что это — новое начало, как будто все происходит в первый раз.

Мы должны смотреть на все так, как будто это происходит в первый раз. Видишь человека, которого любишь, супругу или супруга, детей, — не смотри же на них с такой тоской, не говори себе: «Опять одни и те же лица, опять одни и те же люди». Ты еще не узнал их в полной мере, ведь их душа — бездна, у них еще так много хорошего, что они еще покажут тебе такие хорошие качества: характер, душа, личность и сердце. Ты еще не все познал. Не смотри же на них с досадой, потому что если станешь смотреть на них как на обузу, они тоже начнут относиться к тебе так же. И тогда эта досада превратится в привычку, делающую тоскливой всю вашу жизнь.

Братья мои, все прекрасно! А как же некоторые видели Богородицу в такие моменты, когда с болью и слезами о чем-то просили? Откуда они могли бы представить себе, что эта мольба их будет означать чувство к Богородице? Как в минуты исповеди, хотя бы однажды, мы переживали чудо в своем сердце, какое-нибудь внутреннее изменение? Мы ведь этого не ждали, не правда ли? Оно пришло внезапно.

Это то, что святой Исаак Сирин вновь и вновь называет «внезапным», т. е. Бог дарует нам Свои дары «неожиданно». Вот как нам надо воспринимать каждый свой день, что сегодня мы можем пережить что-то неожиданное, жаждая ощутить присутствие Божие в своей жизни.

Бог пребывает над жизнью, переплетаясь с событиями нашей жизни и входя в каждый день. Попробуй же найти Его, попытайся поискать Его и в сегодняшнем дне, и в какой-то момент твой взгляд встретится с Его взглядом. И в этой встрече ты скажешь себе: «Как же прекрасна жизнь в конечном итоге! Как прекрасно жить в Афинах, Салониках, Пирее или Эфесе, в этом автомобильном потоке» и т. д. — когда все эти на первый взгляд негативные явления могут привести тебя к Неожиданности неожиданностей, которая есть Христос.

Как прекрасен этот мир, хоть и падший и погрязший в тлении, если в это тление может снизойти и войти Сам Бог, даруя нам нетление! И хоть мы и живем в такое переходное время и в таком загрязненном месте, однако входит незапятнанный Бог и красит все.

Давайте же так и начинать каждый наш день, так и начинать каждое наше общение, каждый контакт с людьми. Давайте не видеть все в серых и обыденных тонах, а замечать, как это хорошо. Мне бы хотелось, чтобы это превратилось у нас в молитвенное прошение и чтобы Бог даровал нам его. Давайте, читая жития святых, видеть такое, что мы могли бы «присвоить» себе и сказать: «Надо делать это каждый день, пока это не станет моей целью, чаянием и заботой на всякий день».

Вы спросите, что же это такое? Любить людей все больше и больше каждый Божий день. Любить окружающих нас, своих близких и не беспокоиться о том, отвечают ли они нам взаимностью. Давайте преуспевать в любви каждый день.

Если хочешь понять, не прошел ли твой день бессмысленно, задай себе вот этот вопрос: «Научился ли я сегодня любить больше? Сделал ли в любви шаг вперед? Научился ли раскрываться для других, принимать их в свое сердце? Меньше ли у меня сегодня врагов, могу ли я вечером, думая о прошедшем дне, не заметить моментов ненависти, мстительности, злобы, соперничества, антипатии, ревности?»

Как хорошо любить каждый день, потому что тогда, в какой бы я день ни умер, это меня не смутит, потому что ради любви, которую испытываю, я отправлюсь в совершенную любовь Бога. Буду же учиться любить! Быть человеком, каждый день все больше и больше приближающимся к любви. Ведь для того мы и живем, чтобы научиться любить, научиться раскрываться для Бога и Божиих людей, для наших братий и семей.

Давайте же ладить со своими близкими. Каждый день! Вчера вы заснули, поссорившись и на нервах, — очень плохо! Надо сегодня сблизиться, надо лед растопить; надо что-нибудь сделать, чтобы заход солнца не застал тебя в затаенной злобе. Он должен застать тебя прощенным и в добрых отношениях со всеми, чтобы ты мог, молясь, сказать: «Господи, я люблю всех. Услышь мою скромную молитву и даруй мне Твою милость».

Но, чтобы Бог тебя помиловал, надо самому иметь в душе милосердие и любовь ко всем. И чтобы мы таким образом каждый день преуспевали в любви. А нам дается к этому так много поводов. Опять скажу, что говорил недавно: все, в чем мы видим препятствие к тому, чтобы проявить любовь, и является нашей возможностью

любить. Твой взвинченный коллега — это очень хороший повод научиться любить. Да, именно вот этот нервный человек, потому что после этого знаешь что случится? Ты научишься любить и многих других нервных людей, подобных ему.

Например, у тебя трудный ребенок — люби его, научись терпеть, научись прощать ему, выдерживать его, ждать, уважать, научись надеяться и ждать его изменения. Научись так смотреть на него, и твой день станет очень хорошим. Пусть твой супруг или супруга, соседи и люди, находящиеся рядом с тобой, увидят эту любовь и без того, чтобы ты заявлял о ней, пусть она проистекает из твоего поведения.

Скажу и кое-что другое, хоть и аскетическое. А почему бы нам не сказать этого, если мы все призваны к подвигу в мире сем? Разве не все мы аскеты, когда все подвигаемся? Мы же все боремся, а это и значит аскеза. Аскеза означает, что я должен повторять некоторые вещи, затвердить их себе. Аскеза означает, что я развиваю силы своей души и природы до крайней степени, так, чтобы переносить искушения и испытания. Для того мы и совершаем упражнения (аскезу), т. е. занимаемся духовным спортом.

Святой Симеон Новый Богослов делится одним трудным упражнением, главным для монахов, но оно может быть применено и у нас. Итак, он говорит: «Пусть не проходит ни дня в твоей жизни, когда ты не пролил бы слезу из глаз». Одну слезу покаяния. Одну слезу любви. Одну слезу сострадания. Одну слезу чувствительности. Надо каждый день становиться все более чувствительным человеком, воспринимая послания людей, послания о боли

людей. Чтобы мы были более чувствительными к посланиям, которые посылает нам Бог, и проливали по слезе в знак благодарности или растроганности о Божиих дарах, не воспринимая ничего как заданное раз и навсегда.

Каждый день Бог наделяет нас множеством даров, к которым мы привыкаем и говорим себе, что они таковы сами по себе. Но это не так! Далеко не само по себе очевидно, что ты найдешь так много даров в холодильнике, когда откроешь его. Все это — от Бога. Ты купил его, заплатил, установил, но если немного задумаешься, то увидишь, что все это — от Бога. Взгляни же на это с благодарностью!

Однажды поведение старца Паисия чуть не было превратно истолковано одним посетителем, увидевшим его в таком состоянии растроганности. Он ел помидор и плакал. Потому что старец Паисий ел помидор с благодарностью к Богу. А знаете, что он в этот момент думал? «Вот, я на Святой Горе Афонской, в таком хорошем месте с чистой природой и воздухом. У меня есть каливка, в которой живу, а мои братья в миру сейчас пребывают среди такого шума, автомобилей, проблем, смога, болезней и волнений».

Он ощутил благодарность к Богу, и поскольку в это время ел, то заплакал из-за помидора с сухариком. А когда пришел этот богомолец и увидел его, старец Паисий застыдился, вытер глаза и зашел в дом, чтобы привести себя в порядок, пока не пройдет это умиление от благодарности Богу.

А мы привыкли ко всему каждый день. Нас не трогает ничего. Мы не ощущаем благодарности ни за что. Не

ощущаем потребности в том, чтобы сказать Богу спасибо ни за что, потому что чувствуем, что все проходит через наши силы, через наши мышцы, через наши банковские счета, через карточку, которая у нас есть и которую мы протягиваем в супермаркете, расплачиваемся за все покупки и уходим. И говорим себе, что все это наше. Но все это — от Бога.

Старец Паисий говорит, что когда мы становимся более чувствительными в духовной жизни и каждый день вытекает по слезе из наших глаз, это значит, что наступит рассвет в наших душах. Наша душа начинает просыпаться, а солнце Царства Божия показывается, и ты уже видишь иную жизнь, видишь иной мир, начинаешь входить в рай еще в этой жизни. Это значит, что твоя душа пережила некое растрескивание, и в нее начинает проникать свет Божий.

Давайте же не будем бесчувственными, давайте каждый день становиться все более восприимчивыми, и если у нас нет физических слез, этих материальных, текущих из глаз, то давайте иметь хотя бы слезы души — эти сердечные, внутренние и сокровенные слезы, которые более надежны, потому что другие их не видят.

Святой Симеон специально акцентировал внимание на теме слез при приступании к Божественному Причастию. Он говорит, чтобы мы никогда не приступали к Божественному Причастию, если слезы не текут из наших глаз или хотя бы не текли до этого дома, во время молитвы. Чтобы мы никогда не воспринимали Божественное Причастие как рутину. В другом месте он объясняет это и в более широком смысле, что

в духовной жизни нам надо научиться быть чувствительными людьми.

Задумайтесь немного, братья и сестры: большинство из нас сидит вечером и смотрит новостные выпуски в 20:00, 20:30 или в 19:30. Задумайтесь, о скольких проблемах мы слышим. Наш ум заполняется проблемами. Многие из них нас не касаются, но многие для нас важны. Многие из них болезненны для многих людей. Слышишь о каком-нибудь землетрясении, произошедшем где-то, слышишь о какой-нибудь семье, которая страдает, о ребенке, который был убит, о преступлении. Слышишь обо всем этом и, слушая, сидишь у себя дома и ешь себе что-нибудь сладенькое, ужинаешь, поудобнее устроившись в кресле или на диване. Ты это просто слушаешь. Новости проходят мимо тебя, а ведь все это — мощные переживания, столь потрясающие, что, если бы какой-нибудь святой был рядом с нами и слушал обо всем этом, он молился бы и плакал не переставая. А мы всё это слушаем, и у нас даже сердце не дрогнет, и остаемся безразличными. Слушаем об этом — и не испытываем сострадания, слушаем — и не плачем об этих людях.

Старец Паисий слышал о боли людей и превращал ее в молитву и плач. И плакал о ней. Слыша о ком-нибудь страдающем, плакал о нем. Ночью молился. А мы что делаем? Как только глаза наши выдерживают все это, а пальцы с такой легкостью переключают кнопки пульта? Стоит услышать о каком-нибудь расстраивающем событии, мы тут же переключаемся на что-нибудь забавное и смешное, а потом еще на что-нибудь совсем другое и наконец отправляемся спать в своем равнодушии. Вот и прошел

еще день, просто один день без всякого смысла, без углубления в события жизни, без того, чтобы мы оценили послания, которые посылает нам Бог через все это.

То, что Бог попускает, чтобы мы узнавали о происходящем на другом конце света, неслучайно. Бог попускает это, чтобы мы ощутили сострадание и наше сердце расширилось, чтобы оно вместило больше людей и молилось о них. Чтобы мы научились испытывать сопричастность.

Когда я читал книги старца Софрония Эссекского, на меня произвело впечатление то, что уже в первые годы духовной жизни его молитва обрела вселенское измерение. Он говорит, что молился обо всем мире, а в это время шла война, думаю, война с германцами или итальянцами. Он рассказывал, что, когда слышал какие-нибудь шокирующие новости: что убивают детей и т. д., переживал все это. Вот это и означает совет святого Симеона каждый день проливать слезу!

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

«Если бы тебя слышал Платон...»

Чего только не услышишь на этом свете! Вот, нашелся один учитель — вы слышали это? — в Янине, в греческой начальной школе, преподававший там в пятом классе. И поскольку это не согласовалось с его идеями и идеологией (он даже не сказал, какова его идеология), то он сорвал икону Христа, висевшую над классной доской, и сказал детям:

— Вместо иконы мы повесим сюда настенные часы!

Чтобы дети могли смотреть на часы. А икона Христа, мол, больше не нужна.

И тут поднялся шум, родители стали ходить по министерствам, жаловались на учителя, и выяснилось, что он делал это и раньше. И вот телевидение взяло у детей интервью, прося их рассказать, что же там на самом деле произошло. И они, мальчики и девочки, отвечали:

— У нас был урок, и он вдруг полез, чтобы сбросить икону Христа. Мы ему сказали: «Зачем ты это делаешь?»

А он ответил: «Потому что хочу. Я буду вести урок, я пришел сюда не для того, чтобы преподавать закон Божий!»

Надо заметить, что он не преподавал закона Божия, и это хорошо, потому что в противном случае что бы он там напреподавал?

О, что же ждет нас впереди? Что с нами будет, когда мы предстанем пред Богом? Какую ответственность мы несем за этих детей, ведь это мы их учим всему плохому, все мы, все мы. И я, и ты, все мы несем огромную ответственность, каждый в своей сфере, потому что не делаем многого.

Ты, наверное, слушаешь сейчас и говоришь: «Да-а-а, ты видал, какие бывают люди?» Но давайте продолжу, иначе могу сбиться и все перепутать, как обычно.

Итак, взяли у детей интервью и спросили, что же произошло. Он сбросил икону, и «мы ему сказали:

— Мы хотим Христа, оставь ее там!

— А я не хочу, потому что это не согласуется с моими взглядами!

— Хорошо, ну а если мы хотим?

— Если хотите, повесьте ее сами! — сказал учитель».

Демократичный такой оказался учитель.

И один ребенок ответил, и мне стало страшно, когда я услышал его ответ:

— Но мы же не достаем!

Ты не достаешь, дитя мое? Маленький мой, хороший, ты не достаешь?

— Я не достаю, чтобы залезть и повесить икону Христа, это высоко!

Ты слышишь, господин учитель? Ребенок не достает, но ты ведь достаешь. Ты высокий, ты должен быть

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

высоким, ты должен был взять икону Христа и высоко поднять ее, чтобы дети на нее смотрели. Потому что дети маленькие, они малы и душой, и телом, а ты этим пользуешься: вместо того чтобы дать им свет, подаешь тьму. Оставляешь перед ними голую стену, настенные часы, чтобы они делали с ними что? Смотрели на часы, пока ты будешь говорить им чисто интеллектуальные, чисто научные вещи, пусть и технического, научного характера? А что получит их душа, что ты дашь их душам, а?

Передавали это по телевизору, который уже столько раз демонстрировал свой атеизм, неверие и враждебность к Церкви. Приглашали в разные студии энергичных персонажей: атеистов и журналистов, с порога обвинявших Церковь и хуливших ее и Христа, а также одного священника, очень благоговейного и святого человека. Я не знаю его и ничего против этого 80-летнего старца не имею, он, может, очень добр и свят, но только в нынешнюю эпоху священник должен быть способен одним словом сразить тех, кто так говорит. Словом, поставить их на место, прижать к стенке некоторых журналистов и людей подобного сорта. А если это 80-летний старец, смиренный и святой, то он сделать этого не сможет. Это делает ему честь, и я его не обвиняю, но хочу сказать, что журналисты этим пользуются.

И вот этот старенький священник вошел и по простоте своей сказал:

— Здравствуйте, дорогие друзья! Бог с нами!

А участник из другой студии ему отвечает:

— Народ с нами!

Ты слышал? «Народ с нами!» Глумление, остроты и дерзость — пред кем? Пред Богом! Ни тени благоговения, почтения, уважения к Церкви, абсолютно.

Сегодня я хочу кое-что сказать вам в связи с этим происшествием. Если тебя это не волнует, то меня волнует, потому что мне от этого стало больно, тяжело, и я в который раз уже понял, что дела наши идут из рук вон плохо, но когда-нибудь они пойдут очень хорошо. И понял это из того, что мы вообще превратились в дурдом. Как понял и то, что в сердце христиан живет необъятная тишина и спокойствие.

Я понял тот парадокс, что мир погибает, а Церковь хранит Христа и тишину, покой и мир помыслов. И наступит время, когда мир окончательно сойдет с ума, но он может и неожиданно обратиться назад. Мы к этому идем, катимся по наклонной плоскости, и кругом слышно, как громяхают камни, деревья в своем низвержении. Однако в какой-то момент это падение закончится. Осядет пыль, рассеется это облако мути, и мы увидим, что же осталось в итоге. И я скажу тебе, что я думаю и в чем моя надежда, что я предлагаю и как молюсь обо всем этом.

Итак, этот священник сказал в своем выступлении:

— Бог с нами! Братья, что может быть лучше, чем говорить детям о Евангелии? Есть ли что-нибудь лучше, чем говорить о Христе? Почему вы сбросили икону Христа?

Учителя там не было, за него говорили другие. И вот один из участников, представлявший систему образования, набросился на него и сказал:

— Отче, есть кое-что и повыше Христа! Для меня, разумеется!

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

— И что же это такое?

— Платон!

Ты его только послушай, послушай! Существует нечто выше Христа, выше идей Христа, и это — идеи Платона. Выходит, так, да? Он учитель и понимает важность этих слов.

Да если бы Платон был жив и услышал тебя, он бы тебя ударил. Это я могу тебе гарантировать. Если бы он был жив и услышал тебя, он бы тебя ударил и сказал: «Не вкладывай в мои уста того, что ты говоришь, будто бы я это сказал. Потому что я искал Бога, искал первоначало вселенной, я, как и другие греки — мои братья, друзья и другие древние народы, философы, идолопоклонники, искавшие истину. Мы искали ее и не нашли, но нашли Бога, сошедшего на землю».

Они нашли Бога. Святой апостол Павел пришел в Афины, где философы отвергли все и поняли, что в конечном счете Богом, Которого они искали, оказался не Зевс, не Афина, Аполлон или Гермес, а Иисус Христос.

Платон, дорогой мой, искал Христа, как и все эти древние философы, и доказательство тому — то, что они сразу же приняли Евангелие без всякого принуждения, без того, чтобы кто-нибудь их заставлял. Они пошли за Христом, крестились и потом освятили свои книги и слова словами Христа. А ты сейчас хочешь стать царственнее Царя? Кем ты себя воображаешь? Сравниваешь Платона со Христом?

Невероятные слова! Какую связь ты видишь между ними? Философа, человека, у которого есть начало и конец, который жил, рос и умер, сравниваешь со Христом,

Который есть предвечное Слово Божие, Начало света, Сын Божий, Который был распят и воскрес, Который всегда существует и сказал о Себе нечто, чего Платон никогда о себе не говорил. Разве Платон говорил, дорогой участник телепередачи, это я тебя хотел бы спросить, разве Платон говорил когда-нибудь слова, подобные этим словам Христа: «Я — истина! Я путь, истина и жизнь»? (ср. Ин. 14, 6).

Говорил ли когда-нибудь Платон: «Я Альфа и Омега», — как говорит Христос в Своем Откровении? (ср. Откр. 1, 8). А также: «Я начало и конец, Первый и Последний. Я имею ключи смерти и жизни. Я лоза истинная, Я хлеб, сходящий с небес»? (ср. Откр. 21, 6; 1, 10; 18; Ин. 15, 1, 5; 6, 41) — говорил ли это Платон когда-нибудь, а?

И в конце концов, почему эта философия и эти люди не изменили мир? Вот мы именуемся христианами, мир христианский — это Христос изменил мир. И это говорю не я, а история.

Что ты даешь ребенку? И что хочешь ему дать? Говорил ли когда-нибудь Платон то, что сказал Христос: «Без Меня не можете сделать ничего»? (ср. Ин. 15, 5). А Господь это сказал. И в этом — доказательство. Вот оно, доказательство!

Ты изымаешь Христа из жизни ребенка? Ладно. Можешь делать что хочешь, но потом увидишь результаты: детскую преступность, возрастающую депрессию и тоску среди детей, их зависимость от компьютеров, Интернета и электронных игр и нездоровую детскую совесть. Детей, застрявших в Интернете с его опасными, порочными, проблемными свойствами, вредными для их здоровья, и души, и тела.

Конечно, а чему ты удивляешься? Я вообще ничему не удивляюсь: появятся и другие вещи. И как ты после этого удаляешь Христа из жизни мира, как ты после этого выбрасываешь Христа из сердца ребенка и из детской комнаты? И чего хочешь потом? Чтобы у ребенка все было хорошо? Чего ты хочешь? И что ему дашь? Мобильный телефон, чтобы он радовался? Или будешь устраивать концерты и приглашать со всего света певцов с громкими именами, чтобы ребенок сделал что? С малых лет окунулся в наркотики, разврат, насилие, преступность — без Христа?

Потому что, как сказал другой журналист, «мне не нужен Христос!». А что тебе нужно? Он сказал это четко — греческий, крещеный журналист: «Не надо держать в комнате креста и горшков с геранью!» Ты только послушай его слова! Крест и герань — не надо шагать в будущее с этими вещами: чтобы у тебя все было хорошо в жизни, достаточно собственной совести. Мы не нуждаемся во всем этом: достаточно нашей совести и собственного достоинства!

Но так ли это? Эта совесть между тем вообще не функционирует. Например, у тебя, говорящего это, совести нет. Если ты не считаешь малого ребенка, невинную детскую душу и всю ее убиваешь и растаптываешь своими грязными ногами, где твоя совесть? Функционирует ли она? И ты еще говоришь, что у тебя есть совесть и достоинство.

Какая совесть? Скажи мне. Вот кто-то убил жену, сунул ее в мешок, выбросил на помойку, лег спать и утром проснулся в прекрасном самочувствии. Это совесть ему так диктовала, у него ведь совесть была без проблем. И кто мне скажет, когда моя совесть функционирует правильно,

а когда нет? Потому что если скажешь мне, чтобы я в качестве критерия взял свою совесть, то она, например, говорит мне, чтобы я делал то, что мне вздумается, хватал, что хочется, и присваивал себе: оно не мое, но на моей стороне ведь сила — так говорит мне совесть.

Я не понял, кто же просветит мою совесть, кто скажет мне, что правильно, а что нет? Кто скажет мне, что истинно, а что ложно? Моя совесть? Какая совесть? Вот эта, которая вне рая? Вне рая бывает только помраченная, сбитая с толку, запутавшаяся, заблудшая совесть, та, которая имеется и у тебя, дорогой мой друг журналист.

Твоя совесть такая? Нет? А какая же она, чистая? У кого чистая совесть, жаждущая Света, тот находит Христа и поклоняется Ему. А ты видишь Христа и говоришь, что у тебя имеется что-то другое, что для тебя важно, да?

Ты избегаешь Христа, ты не хочешь видеть Его и совсем Его оставил. Что ж, оставляй Христа, но, даже если оставишь Его, Господь все равно будет тебя любить и все равно будет рядом с тобой. Но только и Он тебя тоже оставит, то есть предоставит тебя твоей свободе.

Оставь Его, чтобы увидеть результаты. Ты уже делал это? Ну что же, а теперь увидел, куда покатишься твоя жизнь? Эти твои таблетки, сигареты, комфорт, фальшь, грехи, заблуждения, вся твоя сластолюбивая жизнь — ты живешь себе припеваючи, живешь замечательно без Христа, но только пока не грянет первое в твоей жизни потрясение. А стоит тебе услышать о какой-нибудь болезни, случись какой-нибудь удар в твоем сердце или в семье, стоит выскочить какой-нибудь маленькой опухоли, как-нибудь намеку на рак, тогда посмотришь.

Это не запугивание. Христос не пугает, Господь сказал: «Если вы Меня любите и слушаете — вы ведь Мои создания, вы не одни в жизни, вы не возникли сами по себе, это Я вас создал, — вы будете счастливы, но только если будете связаны со Мной. Ваше счастье — в связи с Богом, а если прервешь эту связь, ты уже не можешь быть счастлив. Поэтому, если любите Меня, вы насладитесь земными благами (ср. Ис. 1, 19). А если не будете любить и презрите Меня, Я вас трогать не буду, но вы пожнете плоды собственного выбора».

А плоды эти таковы: скорбь, депрессия, тоска, внутренняя опустошенность, безумие, самоубийство, психологические, личные, экономические, глобальные проблемы — они возникают, потому что мы не считаемся со словами Христа. Мы не почитаем Его ни в чем, делаем, что хотим, мы обезумели, и это — итог нашего выбора. Наша жизнь сегодня — это огромный сумасшедший дом, и он постепенно будет становиться все больше.

А знаешь, что я могу тебе посоветовать?.. Мне тяжело от всей этой истории. Но, по сути, на кого я гневаюсь? На себя и гневаюсь и на наше и мое состояние, потому что если бы я был лучше, то конечно же какая-нибудь часть мира тоже стала бы лучше.

А сказать, что тебе делать? Молись Богу, чтобы Он послал священников, чтобы у нас и в будущем были священники, которые собирали бы осколки разбитого мира. И чтобы они собирали этих больных, немощных, обезумевших, запутавшихся людей, все больше скатывающихся в окаянное состояние человека, далекого от Бога.

Вся надежда на то, что мы дойдем до такого момента, когда скажем: «Господи, помилуй нас! Господи, мы больше

не можем!» Люди будут всё больше заболеть, демонизироваться и в метафорическом, и в реальном смысле, станут игрушками в руках искусителя-дьявола, и тогда увидишь, как люди поймут, что только в Церкви и рядом со Христом можно найти утешение. Не рядом с людьми, не рядом со мной, однако через мои руки в твою жизнь входит Христос.

Ты не можешь найти Христа теоретически, Христа найдешь через священника. Меня ты оставь, прими, однако, Христа, Которого я тебе подаю через Святое Причастие, через оставление грехов, которое ты получаешь под епитрахилью священника в таинстве Исповеди. Оставь меня, прими от меня Христа и иди себе. Ты не можешь попасть в рай, прикоснуться к счастью, если не согласишься принять Божию благодать, проходящую через Церковь и священников.

«Где вообще Бог?»

Нам нужны священники. Я говорю, что в будущем у нас будет огромная нужда в священниках, глядя на то, как массово говорят о Церкви такое, как воюют со Христом, как воюют с иконами Христа и с живыми образами Христа, которыми являются дети. Они — души, о которых никто не заботится, и никого это не волнует, и я недоумеваю, скорблю и глубоко этим уязвлен.

Вот ты берешь ребенка и сажаешь в тюрьму, потому что он убил, изнасиловал и украл. А почему ты сажаешь

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

его в тюрьму? Ты ведь сам научил его этому! А разве это не ты научил его этому по телевизору? Ты, говорящий в восьмичасовых новостях: «Оставайтесь с нами!» — и тут же включают фильм, в котором 500 преступлений, 600 убийств, 200 блудодеяний и прелюбодеяний, а ты только такие вещи и рекламируешь! Когда ребенок смотрит на все это, он начинает повторять это в жизни, потому что ты так его научил, — а потом ты берешь этого ребенка и сажаешь в тюрьму? Но почему ты его ведешь в тюрьму? Это ты должен сесть в тюрьму, ты, научивший его этому, в тюрьму должен сесть ты, напоивший его вином зла, сокрытого в нас, потому что в нас есть хорошая сторона, но есть и преклонность ко злу.

Конечно, если я буду расти среди порока, разврата, лжи и грабежа, я этому и научусь. Вопрос в том, какое семя ты в моем сердце будешь поливать — семя зла или добра? Телевизор, вся наша эпоха со средствами массовой информации, вся воздействующая на людей атмосфера поливают в нас это семя — семя зла.

За что же ты ведешь ребенка в тюрьму? Что сделал ребенок? А он так научился — ты ведь сказал ему, что надо иметь совесть, а Христос не нужен. Ну вот, он и говорит тебе:

— Мне совесть говорила, друг мой, что я чего-то хочу, вот я это и украл, так говорила мне совесть. А почему я не должен этого делать, почему? Не понял.

И ты говоришь ему:

— Это неправильно, так нельзя.

А он тебе:

— Да ладно! А что значит «правильно» и «можно»? Для меня правильно и можно то, что сделал я.

Без Христа ты сходишь с ума, без Бога все дозволено, без Бога ты становишься богом и делаешь, что хочешь, и диавол делает с тобой, что хочет, и так мы доходим до того, что переворачиваем все с ног на голову. Я так думаю и вижу, что по милости телевизора мир приходит сегодня к огромной путанице, невысказанным противоречиям. И спрашиваешь себя: а чему меня научил телевизор? Он рекламирует порок, эксплуатацию, алчность, любовь к деньгам, легкую и удобную жизнь, комфорт, идеальные и красивые лица, стройные тела, очаровательных девушек, правильные черты, легкомысленных женщин. Поэтому, когда увидишь в реальности какого-нибудь толстяка, женщину, которая не так хороша собой, то начинается расизм: ты презираешь все некрасивые лица, смеешься и глумишься над всеми (а между тем ты против расизма!). Круглый день по телевизору идут фильмы, с обеда и до вечера комментируют вчерашние фильмы: какую ошибку сделал тот-то, кто в чем был виноват — и кругом одни насмешки, ирония, издевки.

Что же ты делаешь? Ты ведь выбрасываешь икону Христа и идеал человеческой личности из детской души и души всего мира. А потом спрашиваешь себя, почему дела у нас идут так, как они идут? Но мы же сами себя уничтожаем, сами роим себе могилу, падаем в нее и говорим: «Ну почему у нас все так плохо?» Ну что же, ты увидишь, почему у нас все так плохо.

По телевизору говорят о Церкви и показывают скандалы в ней, отпускают всякие замечания, комментарии и устраивают полемику вокруг нее, потому что не любят

Христа, Его не любят. Я говорю тебе, что мне тысячи слов отвечают на каждое слово, которое я скажу, потому что такой огромной горечи преисполнен этот мир.

Когда я ездил на Святую Гору Афон, наш корабль чуть не пошел ко дну из-за множества народа на нем. То есть чем больше говорили во вред Церкви, тем больше людей туда ехало. Тогда шли церковные скандалы, и по телевизору несколько месяцев каждый день говорили о них и лили грязь. И знаете, сколько людей приходило тогда на исповедь? Больше, чем раньше. Ты что думал, друг, что Церковь — это заведение, и если будешь воевать с ней, то она закроется? Церковь не заведение мира сего, а рай, она — Божие творение, она — Сам Христос, Которого нельзя свергнуть и Который не падет, что бы ты ни сделал.

Ругай Церковь сколько хочешь, говори что хочешь о любом священнике, который украл, обидел, совершил что-нибудь порочное. Но люди хотят на что-нибудь опереться, и они не могут опереться ни на тебя, ни на психолога целиком не могут положиться, потому что у него самого проблемы, и он тоже нуждается в Боге. Ты конечно же получаешь поддержку от многих, но Бога избежать никак не можешь.

Ты не можешь избежать Бога, не можешь оторваться от Создавшего тебя, потому что твоя душа ищет этого. Один страдает от одиночества, другой от опустошенности, третий от искушения, четвертого борет диавол, с пятым происходит в жизни столько потрясений, и каждому, конечно, надо на что-нибудь опереться. Он чувствует вину, задыхается от совершенных им грехов — а где он их выскажет?

Что значит, что в Церкви бывают скандалы, несправедливость, грехи? Да, все это случается всегда, но разве Церковь — это скандалы в ней? Разве это Церковь? Разве не Христос, не Святое Причастие, не таинства, не оставление грехов? Разве не прикосновение Бога к нашему сердцу? Церковь — это Христос. Это не скандалы.

Послушай, что я тебе скажу. Первый, кто не исполняет того, что говорит Церковь, — это я и еще некоторые священники. Мы соглашаемся с этим, я соглашаюсь. Но, как сказал мне кто-то, не бойся: Церковь не может рухнуть никак. Если бы она должна была рухнуть, ее уже снесли бы — своей жизнью — те же самые люди, которые ее и составляют и направляют ее человеческую составляющую, то есть клирики. А поскольку мы ее не разрушили, то это доказывает, что Церковь — не человеческий организм, в ней имеется нечто Божественное, и она не может рухнуть никак.

Логически она, казалось бы, должна была рухнуть, не так ли? Когда вокруг раздается столько слов, гремит столько событий, скандалов финансовых, нравственных, разве она не должна была рухнуть? А где ее крах? Где? Она не может быть разрушена. Потому что Церковь — это Христос. Я покину мир сей, могу сесть в тюрьму, если сделаю что-нибудь, могу умереть и это точно через какое-то время сделаю, но Церковь продолжит существовать. И ты тоже умрешь, и те, кто изрыгает эти обвинения, журналисты, а Церковь продолжит существовать и на следующий год, и через два года: пока будет стоять мир, будет стоять и Церковь.

На Рождество мы каждый год поем: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума», — что бы

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

ни случилось. Это Христос, это Церковь. Все остальное приходит и уходит.

И сегодня мир с его журналистами фокусирует свое внимание не на реальной Церкви, которая есть Христос, они никогда не смогут воевать с реальной Церковью, потому что никогда ее не понимали. То, что они понимают, — это ее человеческая составляющая. Ну, увидит он меня, ограбившего свечной ящик, и расскажет об этом — а что это значит? Что он хочет сказать о Христе? Что Христа не существует? Что Христос не спасет тебя, что Христос — не истина?

Как же мы так всё запутали, как мы всё так перемешали?.. Сказал я однажды человеку, рассказывавшему мне о скандалах:

— А хочешь, я тебе что-то скажу? Я знаю еще больше твоего!

— А ты знаешь, что я слышал о том священнике? А о том храме? О том монахе?

Я сказал ему:

— Да я знаю больше тебя! Но сказать тебе? А разве в этом наша цель — чтобы я рассказал тебе, что знаю я, и ты мне, что знаешь ты? И чтобы мы оба испытали удовлетворение и, счастливые, сказали: «Ну вот, ты видел, что творится в Церкви?» Разве в этом цель? А что ты потом говоришь себе в душе? «Так, значит, я хорошо делаю, что не хожу в церковь! Значит, я хорошо делаю, что я с теми, с кем я есть, и хорошо, что грешу! Ничего в этом страшного нет!»

Не пытайся же убежать от себя и не ищи алиби для своей жизни. Допустим, я как духовник совершил

какие-нибудь проступки, грех и учинил скандал в своей жизни, и это не дает покоя твоей душе. Но сколько бы ты ни старался говорить, что, мол, поскольку попы такие и Церковь такая, значит, мы хорошие, — ты же знаешь, что это неправда. Ты глумишься над самим собой и народом Божиим, не даешь людям понять их реальную связь с Богом, смириться.

Нет у нас смирения, зато много наглости. Всё мы сравнивали с землей, говорим о Господе, словно Он какой-нибудь... Сбросили икону Иисуса, будто Иисус Христос — какое-нибудь случайное лицо, и вот уже говорят: «Нам не нужен Христос, мы хотим Платона!» А другой говорит: «Мы не хотим Платона, хотим Будду!» То есть Христос уже кто?

Этот народ, когда-то ходивший из села в село и предпочитавший не строить себе домов, пока не поставит церковь, чтобы служить Богу, этот народ, испытывавший благоговение, произносивший имя Христа и Пресвятой Богородицы с трепетом и волнением, чувствуя, как при этом с силой начинает колотиться сердце, — сейчас нас ничего не трогает. Мы всё хулим, ругаем, презираем, высмеиваем, пересказываем анекдоты, шутки, а потом говорим: «Ну почему Бог делает все это? Почему Бог попускает, чтобы умирали дети, почему? Вот поехали на экскурсию, а тут такая катастрофа», — и говоришь много всего, не зная ничего.

Считаешь себя сердцеведцем, а не знаешь многого. Ты не знаешь очень многого. Не ко мне, так ко многим другим священникам подходят дети и исповедуются, и я сейчас не выдаю конкретных фактов из чьей-либо исповеди,

а говорю вообще о том, что дети смотрят и узнают по телевизору. Так вот, скажу тебе: ребенок едет на экскурсию, заранее зная, что он едет туда не для того, чтобы увидеть какую-нибудь достопримечательность, а едет, чтобы совершать грехи. Я уезжаю на пятидневную экскурсию, и когда я далеко от родителей, то кто-нибудь закупает сигареты, другой берет с собой еще какие-нибудь вещества, третий запасается напитками, четвертый готовит еще что-нибудь, что будет происходить в гостиничных номерах, какие-нибудь фильмы, которые они будут смотреть, дела, которыми будут заниматься, и их очень мало интересуют достопримечательности Родоса, Корфу, Левкады, все эти острова и горы: куда бы они ни шли, они идут туда не за этим.

И Бог знает тайны сердец всех этих детей и преподавателей, и вот уже слышишь о каком-нибудь происшествии, случившемся на обратном пути, о несчастном случае, что столько-то детей погибло в автобусной катастрофе при возвращении с экскурсии, и сразу начинаешь препираться с Богом: «Ну что это за Бог? И как Ему не стыдно? Разве Ему не жаль детей? Ну что это за Бог? Где вообще Бог?»

А ты знал, чем занимаются дети на экскурсии? Знал, почему Бог попустил, чтобы произошло то или другое? И кто ты такой? Кто ты, говорящий с Богом? Ты умрешь, как все, а будет ли спрашивать тебя Бог, когда тебе умереть — сегодня или завтра? Ты считаешь, что это было немилосердно? То есть милосердие Бога — оно какое? Такое, какого хочешь ты? А то, что делает Он, — это несправедливо? То есть поступки Бога непоследовательны? И твой мозг лучше знает, что делать Богу, а Он Сам не ведет, что творит?

И как выглядит то, что ты говоришь? Подумай логически. Ты идешь и говоришь:

— Я знаю лучше Тебя, что Тебе делать. Ты Сам не знаешь, что творишь!

А Бог говорит:

— Дитя Мое, не говори, когда не знаешь. Этого ребенка Я забрал рано, потому что он собирался сделать много порочных дел в жизни, и Я его от этого избавил. Я забрал его рано, чтобы мир и злоба мира сего не изменили его душеньку. Если бы он остался жив, то сделал бы такое, чего ты сейчас не знаешь, но Я как Бог знаю.

— Да, но это же мой ребенок!

Да, ты прав, он твой, и я не корю тебя за то, что ты плачешь, что ты уязвлен и страдаешь от боли, — это человеческое, но только не перетолковывай поступков Бога — этого ты никогда постичь не сможешь, чтобы знать, почему Бог сделал что-то. Бог редко оставляет кому-нибудь окошко, чтобы они в него видели, «почему» сделаны Его дела.

Бог так сильно смиряет Себя. Он делает то, что делает, а потом принимает на Себя наш огонь, возмущение, негодование, ропот, хулы, ругань. Бог сидит в углу и говорит:

— Хулите Меня, но Я знаю, почему сделал это!

Однажды у одной матери умер ребенок. Она плакала, спрашивала себя, почему это случилось, и говорила: «Бог меня не любит!»

Слова, слова без конца, мы спорим с Богом, ничего не зная. Вместо того чтобы сказать, что мы не живем как подобает и где-нибудь согрешили, виноватым у нас выходит Бог. Это вершина наших грехов и мысли, вывернутой наизнанку, это болезнь нашего ума. Творение препирается

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

с Творцом, человек, который сегодня есть, а завтра его не будет, ругается с Богом, Который существовал всегда. Он Тот, Кто был, Кто есть и Кто грядет, а ты ругаешься с Богом и говоришь о Боге что вздумается.

И вот однажды в послеобеденное время эта женщина плакала о своем почившем ребенке, а на стене висели его снимки, живого и мертвого. И вдруг она наяву увидела, как дети выходят из фотографий, и он со своим другом стреляется из пистолета. И голос сказал ей в ее совести:

— Вот по этой причине твой ребенок и ушел так рано в дорожно-транспортном происшествии. Потому что, если бы остался жив, Бог знал, что оба эти ребенка погибли бы из-за страшного недоразумения, и эта боль была бы гораздо сильнее, и ты не выдержала бы ее.

Но ты начинаешь задавать другие вопросы:

— Да, но другие ведь живы и, несмотря на все, продолжают жить и погибают гораздо позже, их-то Бог не забрал.

Я говорю тебе, что не могу понять, почему один остается, а другой нет, почему одного Он забрал в 15 лет, а другого в 75, почему один умер в 80 и творил грехи вплоть до восьмидесятилетнего возраста, а невинного юношу забрал в 20. Не знаю. Знаю одно — что мы несем личную ответственность за себя, и давайте посмотрим на свои ошибки и не будем судить так легко о Божиих делах.

Я не знаю, согласна ли ты с этим? Понимаешь ли это? Я не укорял тебя за то, что ты плачешь по своему ребенку. Церковь когда-нибудь говорила тебе, что ты ведешь себя странно, когда плачешь из-за того, что потеряла своего ребеночка или молодого супруга? Ты конечно же человек, и Бог страдает тебе, но Он готовит что-то определенное.

Божия любовь — это не какая-нибудь чувствительность, рев и сентиментальность, она говорит тебе:

— Дитя Мое, твоя душа должна спастись! И душа, конкретная, спаслась благодаря происшедшему! Через боль, через болезнь, через смерть — так спаслась эта душа. Пойми это раз и навсегда.

Но мы, однако, все порываемся говорить о Боге, что нам вздумается. А я сейчас как духовник, как священник знаю, что на этой экскурсии, о которой ты говоришь, что там все было невинно, хорошо и чисто, — что они не были такими чистыми, когда ехали туда, потому что из этой конкретно группы потом вернулись, и было сделано три аборта. Что же ты удивляешься, что они погибли в катастрофе, а не удивляешься абортам, которые они делают? Почему бы тебе не удивиться им и не сказать:

— Дети, ну сделали вы то, что сделали, но ребеночка, вошедшего в утробу, зачем ты его убиваешь? Зачем, разве у него нет права на жизнь?

Почему ты не говоришь о правах этого ребенка и ругаешься с Богом, а не с теми, кто согрешает, кто совершает конкретные дела, которые в нашей власти поправить? Мы не можем контролировать Бога, но свои дела — можем и должны сказать:

— Что же ты делаешь, дитя мое? Ты же совершаешь убийство! Ты понимаешь это? Ты совершаешь убийство. Ну зачала ты, забеременела по своему легкомыслию, безумию и опьянению, ладно, но роди своего ребенка! Подбрось его на крыльцо какой-нибудь церкви и уйди, но только дай ему жизнь.

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

«Ты хочешь выключить Свет миру?»

Ураганы, землетрясения, наводнения — почему Бог попускает их? Вот, земля сотряслась, и рухнули дома. Но какие это дома? Слушал я как-то беседу бывшего митрополита Флоринского Августина и был ею потрясен. Он говорил о хулении и сказал такое, чего я раньше не знал. Он сказал:

— Вы поняли, что ваши дома построены на хулении Христа и Пресвятой Богородицы день и ночь? Есть ли дом, который не был бы построен людьми, сквернословившими с того часа, как заложили его, и пока не закончили? Мастер матерится, плиточник ругается, водопроводчик сквернословит и богохульствует, кто-то, потеряв болт, поносит Христа, Пресвятую Богородицу и святых, другой видит, что лифт не идет как следует, и изрыгает грязные слова. Вы поняли, что ваши дома не построены с Божиим благословением?

В одном монастыре в предместье Афин работали трудники, и однажды игумен услышал сквернословие в монастыре и был этим шокирован. И сказал:

— В этой церкви мы с отцами будем молиться Богу и служить Пресвятой Богородице и Господу, а ты тут кладешь кирпичи и богохульствуешь? Тут, где я буду славить Бога и хочу, чтобы Бог благословил мне то, что я соберусь делать? Нет. Или будешь вести себя как надо, или уйдешь отсюда!

А твой дом как был построен? Наши дома как строились? С Божиим ли благословением? Призывали ли мы Христа или говорили и делали что-нибудь другое?

Разве это неправда, что люди постоянно сквернословят, что в казарме матерятся с утра до ночи? Это ведь все говорят, что в казарме ничего не услышишь, кроме хулы на Христа и Пресвятую Богородицу без всякой причины. А мы потом говорим: «Ну что же делает Бог? Не нужен нам такой Бог». И твоя жизнь не меняется через Бога.

Но когда вложишь Христа в свою жизнь... Когда Христос был в нашей жизни и в Византии Правителем — пока мы со смирением думали о Господе, уточняя это, и имели здоровые отношения с Богом, — на земле был рай. Когда же в Византию вошли эгоизм, пороки, неправда, алчность, роскошь, тогда Бог реально отнял Свою благодать и говорит тебе:

— Дитя Мое, не это. Вера в Меня не так понимается. Ты неправильно понимаешь, что значит церковная жизнь.

Бог отнял Свою благодать, и наступила беда, и произошел крах.

А когда у человека в жизни есть Христос, все благословенно и свято. Тогда это звучит не как угроза, а как предупреждение Христа, говорящего нам правду. Он увещает:

— Люби Меня, поддерживай со Мной хорошие отношения — и будешь благословен! Ты Меня не любишь, а Я тебя буду любить, но поскольку ты просишь, чтобы Я оставил тебя, то вот, Я оставляю тебя.

А когда Христос оставит тебя, за тебя возьмется искушитель, и все в твоей жизни пойдет прахом. Христос не виноват, что предупреждает тебя. Если кто-нибудь по телевизору скажет: «Знаешь, эта еда отравлена, не ешь ее. Не ешь этого, потому что в молоке нашли меламина!» — разве

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

ты не ответишь ему: «Спасибо, что сказали! Вы открыли нам глаза»? И Бог делает то же самое.

Он говорит тебе:

— Дитя Мое, проснись! Если будешь держать Меня в своем сердце, в твоей жизни все будет хорошо. А если презришь Меня, тогда в твоей жизни не сможет все быть хорошо, и не Я тому виной, а ты, потому что уязвляешь Меня, гонишь, отталкиваешь и отодвигаешь на задний план, на периферию. Но тебе нельзя далеко отходить от Меня, потому что Я Жизнь, потому что Я Истина, потому что Я Свет миру. А ты выключаешь этот Свет миру, отодвигаешь Его как можно дальше — и хочешь видеть? Нет, так не бывает.

Он говорит:

— Следующий за Мной не будет ходить во мраке (ср. Ин. 8, 12).

То есть важно и обратное: «Кто не следует за Мной, будет ходить во мраке». Что мы и делаем, не правда ли? А разве Христос в этом виноват? Христос говорит: «Почитай отца своего и мать, — и Ветхий Завет говорит то же самое, — чтобы благо тебе было в жизни и чтобы ты был долголетен на земле» (ср. Мф. 15, 4; Исх. 20, 12). А ты не почитаешь отца и матери.

Один 18-летний юноша умер, уйдя перед этим из дома и разругавшись с матерью и отцом. Выругав их, он выломал дверь, ударил отца, сказал: «Мне все равно, что вы собираетесь делать! Я не просил вас, чтобы вы меня рожали!» Затем полились богохульство и брань, он прыгнул на мотоцикл и исчез. И после этого еще говорят: «Сколько же несправедливости в мире! Что же делает Бог?»

Однако ты забываешь, что заповедь эта четкая и она говорит: «Ты почитаешь своих родителей? Тогда будешь

благословен! Не считаешь их, не уважаешь? Тогда будешь терпеть последствия этого. Нет на тебе благословения». В мире есть определенные духовные законы. Чего бы ты ни хотел, что бы ни говорил, сколько бы ни протестовал — эти законы есть. Они четкие.

Сколько молодых людей уходит на выходные развлечься, поругавшись перед этим с родителями? А мать потом ждет сына... плачет, читает-перечитывает журналы, дожидаясь своего ребенка. И ребенок возвращается, пройдя через какие-нибудь передраги. Возможно ли, чтобы этот ребенок был благословен, когда он причинил матери столько горя, такую скорбь, такие слезы, такое возмущение?

Бог говорит тебе:

— Деточка Моя, Я сказал тебе: или по-хорошему будешь следовать Евангелию, или понесешь последствия своих дел, испытаешь боль, пострадаешь и тогда уже проснешься.

Хоть на больничной койке, в последний час, хоть за две минуты до того, как испустить дух, но ты поймешь это и скажешь: «Бог был прав! Он был прав! Все так и оказалось!»

Поэтому скажу тебе другое. Есть люди, которые воюют с Церковью, но говорят: «У меня все в порядке со Христом», — но ты ведь даже со Христом не ладишь. «У меня проблема со скандалом, а не со Христом!» Но почему, разве у тебя все в порядке со Христом? У кого из тех, кто оказывается в центре скандалов, все в порядке со Христом? Разве со Христом они ладят прекрасно и только скандалы им не дают покоя? Хотел бы я спросить кое-кого из журналистов и политиков, утверждающих, что их раздосадовал произошедший скандал, но Христос для них выше всего:

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

а ты ходишь в церковь? Когда ты был там в последний раз? Вот что я хочу, чтобы ты мне сказал. Когда?

Один человек прислал мне по электронной почте письмо, в котором были результаты опроса, проведенного среди ведущих политиков всех партий поименно. Их спрашивали: «Когда вы в последний раз были в церкви?» — и большинство ответило: «Никогда» или: «Когда в парламенте служили благодарственный молебен с водосвятием», «Когда мы на 28 октября ходили туда добровольно-принудительно». Некоторые отвечали: «В молодости», другие: «Я причащался лет 15 назад», кто-то вообще никогда не причащался. Что-то невероятное. И эти люди сейчас правят, судят, принимают решения. То есть непросвященные люди, которым неведом запах ладана, бессильные, прямо противоположные Божественному, вообще не имеющие Бога в душе, атеисты.

Пока здоров, ты говоришь подобное. Тот журналист, о котором я говорил вначале, в истории с ребенком и сбрасыванием иконы, он просто излучал здоровье — молодой, красивый, сильный, он словно говорил: «Я чувствую, что имею власть, и говорю!» Хотел бы я на него посмотреть — не из желания мести, а просто так — в час нашей смерти, которая наступает абсолютно для всех.

Вы видели, как человек испускает дух? Вот это я и хотел сказать: вы видели, как человек испускает дух, а? Вот что тебе надо было увидеть и потом уже делать заключения. Сходи туда, где умирают, чтобы посмотреть на это. Все, кто сейчас с надменным выражением на лице говорят, обвиняют, глумятся и воинствуют, будут в тот час «тщетно возводить очи к людям и умолять их», как говорится

в последовании отпевания. Душа человека в тот час ищет помощи и не находит, потому что видит, что всё, что он когда-то высмеивал, предельно истинно и что Христос, Которого он презирал, достоин был не этого, а обожания и любви, для его же укрепления и оставления ему грехов. И Пресвятая Богородица, Которую он высмеивал, хулил и ругал, — Она и есть Та, Которая спасла бы его и провела в рай в обход мучений, мытарств и всех этих бесов.

И они это высмеивают. Когда ты был жив, ты по телевизору издевался над этим. Но когда умрешь, у тебя появится такая нужда.

Час истины — не тот, когда мы ведем передачи на телеканалах, а час боли — вот самый подлинный и истинный час в нашей жизни, когда мы больше не выдумываем никаких доводов и лжи. Часом боли, и боли сильнейшей, является смерть, там ты настоящий.

Поэтому я хотел бы увидеть тебя, господин наглый журналист, сильный и всесильный, в твоём бесконечном бессилиии. Хочу увидеть тебя в эту минуту, и дай тебе Бог, чтобы я оказался где-нибудь поблизости, чтобы прочитать над тобой разрешительную молитву, если пожелаешь. А ты конечно же пожелаешь: нет человека, который умирал бы и не захотел покаяться, потому что он тогда видит истину.

Ты спрашиваешь: «А почему Христос молчит?» Потому что Он смирен, и это страшно. На все, что мы говорим, Христос не отвечает ничего, Он молчит. Сейчас то, о чем я говорю, не происходит, но представь себе — поставь себя немного на место Христа, — что тебя обвиняют, хулят, перетолковывают, выбрасывают твою икону из класса, тогда как ты находишься там затем, чтобы

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

их благословлять, а не делать что-нибудь плохое. Ты там, чтобы просвещать детей, чтобы они преодолели свою дислексию, чтобы писали хорошо и имели мир в сердце.

То есть мы говорим о том, как чувствует Себя Христос. А Христос молчит, молчит и наконец говорит:

— Я знаю все, Я на Кресте узнал об этом и жду. Я все еще вишу распятый и проявляю терпение. Жду, когда вы Меня позовете.

Дай Бог, чтобы Он просветил нас и учителей, большинство из которых не просвещено и не верит в Бога, чтобы они стали принимать детей всерьез.

Кто-нибудь, однако, скажет:

— А я имею право, это записано в новых законах: я буддист, уважаемый, и не говорю о Христе.

Вспоминаю случай, произошедший какое-то время назад в Афинах, в пригороде Агия Параскеви. Там была одна преподавательница, придерживавшаяся индуистских убеждений, которая на уроках гипнотизировала детей, и они от этого чувствовали себя очень странно. Они пошли в церковь и рассказали об этом своему катехизатору, а он их научил:

— Дети, а вы творите молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!». Когда она ведет урок, вы не прислушайтесь к тому, что она говорит, а повторяйте молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас! Приди и победи!»

Дети так и сделали, и с ней вдруг что-то произошло, и она сказала:

— Что тут происходит, дети? Кто-то из вас мешает мне!

Дети, которые молились, обрадовались, увидев, что молитва возымела действие, и продолжили молиться.

А преподавательница побледнела, покраснела и, наконец, пришла в негодование.

Родители, поняв, что она что-то такое делает, пошли, пожаловались, и она была уволена. Тогда. А сейчас уже не выгонят такого преподавателя, потому что он защищен законом, говорящим о религиозной свободе, религиозной толерантности. И поэтому говорят, что в будущем уроки по вероучению уже не будут вероучением, а будут религиоведением.

Эх, дети, вопрос ведь не в том, чтобы сохранялись уроки по вероучению и были довольны мы, священники, и Церковь. Мы же делаем это не для того, чтобы не лишиться своих прав. Люди, вопрос в том, что за всеми нами придет смерть. А как мы победим смерть?

Надо ли нам ругаться между собой? Для того ли мы говорим о Христе? То есть я не хочу навязывать Христа, чтобы сказать: «Ну наконец-то я навязал тебе Христа!» Ты ведь сам нуждаешься во Христе.

Когда же мы покаемся, когда поймем безумства, которые совершаем и произносим? И те, кто воюет с Церковью, но и мы, держащиеся за Христа, тоже. Покажем же людям, что у нас не такой Христос, Которого мы хотим навязать, а Христос, в Котором, к сожалению, мы не живем как должно. То есть мы, священники, богословы, Церковь, верующие, — мы не настоящие, но мы хотим стать такими. Мы нуждаемся во Христе и приходим к тебе, чтобы говорить о Христе не как власть имущие, а как грешники.

А как иначе мы победим тление? Свои искушения? Одиночество? Уныние? Боль? Болезнь? Как? Кто откроет нам этот способ? Платон, скажешь опять? Но Платон,

Что бывает, когда из жизни удаляют Христа

дорогой мой, любил Христа! Когда древние познали Христа, они Его возлюбили, и все эти люди изменились. Здесь у нас были люди, которые изменились и стали христианами, так неужели мы, христиане, станем меняться в обратную сторону, чтобы становиться атеистами и запугавшимися, философами и язычниками? Нет, дети, мы нуждаемся в огромном просвещении!

Да дарует же нам Бог покаяние, смирение и просвещение. И простите меня, ибо я не судья никому, себя я должен судить и осуждать за то, что делаю и чего не делаю. Но, Господи, помилуй всех нас и прости, просвети и не дай никому из нас погибнуть ни сейчас, ни в будущем веке, но да пребудем мы с Тобой, Господи. И какие бы глупости мы ни делали, прости нам, прими как детские проступки то, что мы творим в жизни. Чего от нас ждать, Господи? Мы же постоянно делаем ошибки. Господи Иисусе Христе, помилуй всех нас!

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Боль

Наша душа нуждается... в боли

Когда боль стучится в дверь, когда боль не просто в книгах, проповедях и беседах, а приходит и переворачивает твой дом, твою семью — вот о чем мы будем говорить сегодня. У нас в Греции есть такое выражение: «Мне хочется, чтобы ты был здесь, мой друг!» Говорить — это хорошо, но что делать, когда и в мою дверь постучится боль? Как выдержать тогда, как выстоять на ногах и не сломаться? Это очень трудно, а для многих — невозможно.

Боль никогда не бывает приятной. Никто не переносил боль с удовольствием — боль вынуждает душу страдать, мучиться. Боль неприятна, но полезна. Пользу боли понимаешь, не когда тебе больно, а когда пройдет года 2, 3, 5 и ты оглянешься назад, на свою жизнь. Тогда ты увидишь, что из этих тяжелых лет получилось нечто прекрасное в твоей душе: стал крепче, научился любить, простил, поплакал. Некоторые в первый раз в жизни заплакали, когда испытали боль.

Мы говорим сейчас не о привычной головной боли, а о болезнях, переворачивающих всю жизнь. Готовиться к свадьбе и вдруг узнать трагическую новость о своем здоровье или здоровье любимого человека. Земля уходит тогда из-под ног, ты сходишь с ума и говоришь Богу: «Боже мой, зачем Ты делаешь это? Почему Ты сделал это со мной?»

Кто из нас хоть раз не говорил Богу «почему»? Все мы в какой-то момент восклицаем: «Ну почему, Боже мой?» И не надо отчаиваться из-за того, что мы говорим это, потому что мы люди и продолжим так говорить. У пророка и царя Давида в псалмах много таких молитв: «Боже мой, зачем Ты меня оставил? Почему забыл обо мне?»

«Почему Ты меня ранишь, меня не жалеешь, ну что Ты за Бог?» Это пишет мне каждый день одна девушка, у которой умер отец. Она из Кипра и каждый день шлет мне по электронной почте только одну фразу: «Почему Бог сделал это со мной?» А потом: «Почему Он не услышал мою молитву? Зачем мне понимать, что схожу с ума?»

На эти вопросы мне, к сожалению, нелегко ответить. Когда в минуту боли кто-нибудь заявляется, чтобы прочитать тебе проповедь, провал ему обеспечен. В минуту боли человек не хочет ни проповедей, ни обилия советов, он не хочет, чтобы ему говорили массу слов, потому что ему от этого хуже. В минуту боли хорошо, чтобы кто-нибудь побыл рядом, чтобы он просто сел и поплакал вместе с тобой.

Кто-то сказал мне:

— Пойду домой к такому-то. — А у того был траур. — Что сказать ему, отче? Дай мне какой-нибудь добрый совет, подкинь хорошую идею.

Я сказал ему:

— Не говори ничего. Ты просто сядь там и дай ему говорить, дай ему излить свою боль.

Некоторые люди в минуту боли произносят жуткие слова. Я не говорю, что это хорошо, но у них есть оправдание: им больно! Есть люди, которые, пережив сильную боль, утратили веру, и жизнь их надломилась, поскольку они верили в такого Бога, Который устроит для них все идеальным образом. Они говорили мне:

— Я стал ходить в церковь, и вот: через три года умирает мой любимый человек! Что же Этот Бог дает мне?

Признаюсь, я тоже вместе с вами недоумеваю и вместе с вами ломаю голову, и я вместе с вами стучусь в дверь Бога и говорю Ему: «Боже мой, если можно, дай мне объяснение. Я не могу объяснить себе, как такое может быть».

В прошлую субботу я ходил на похороны одного моего знакомого, который очень помог нам с фресками в исихастирии*, у него очень хорошая семья и прекрасные дети, благословенный человек. Проснулся он утром, пошел попить воды, жена сказала ему, чтобы накинул куртку, потому что на улице холодно. Вернулся в дом, лег и умер. Жена даже не поняла, что произошло.

Пошел я на похороны, и, когда глянул на него, меня пронзило такое недоумение: ну почему в этом мире есть боль? Как объяснить, что 60-летний человек просто так уходит из жизни? Как объяснить, что ребенок заболевает

* *Исихастирий* — место молитвенных исихастских подвигов, скит.

и что должна ему сказать мать, когда ему всего 4 года, а у него лейкемия, боли, неудобства, проблемы, волосики выпадают, он не может есть, плачет, ему больно? А что может сказать сам ребенок? Что может сказать мать? Да что можем сказать вообще мы все?!

Не знаю, поняли ли вы это, но боль присутствует в нашей жизни. Кто думает, что проживет всю жизнь без боли, тот ошибается. Все на этом свете колеблется между радостью и скорбью, болью и удовольствием, улыбкой и плачем, счастьем и бедой. Нет иного пути на этом свете. Природа стонет и терзается до сих пор. Весь мир стонет и терпит боль. Чтобы проклюнулся цветочек, сначала должна лопнуть почка, и это лопанье доставляет боль. Чтобы родился младенец и ты возрадовалась, ты кричишь от боли. Боль и радость всегда идут рука об руку. В жизни нет ничего, что не было бы отмечено этой печатью боли.

Единственный способ подружиться с ней, примириться — это проглотить то, чего не исправишь, и понять, что тебе придется пройти этим путем, как прошли им твои отец, мать, дед, бабушка, весь род человеческий, миллионы людей. Все испытывали боль, и я буду испытывать боль и уже испытал ее. И ты испытал боль. И мы опять будем испытывать боль. Вопрос в том, чтобы из всего этого вышло что-нибудь хорошее, чтобы мы не страдали без толку и не было так, что боль не принесла ничего хорошего нашей душе, чтобы нам просто было больно и мы плакали, что само по себе ни к чему хорошему не приводит. Вопрос в том, чтобы вышло что-нибудь прекрасное, чтобы мы возлюбили друг друга благодаря

боли, соединились благодаря ей, сдружились с теми, с кем не разговариваем, благодаря боли.

У меня были соседи, которые не говорили друг с другом. Первый умер, и сейчас смотрю я на другого, который живет с женой, и вот идут они, а меня так и подмывает спросить их — я этого, конечно, не делаю, потому что он может сказать мне в ответ что-нибудь резкое, но мне так и хочется спросить их: ну что, а сейчас вы довольны, когда он умер? Вы же все эти годы не разговаривали. Человек умер. Так что же получилось в итоге? Вы за всю свою жизнь так и не смогли постигнуть великую тайну, которая называется любовью.

Единство, дружба, объятие, поцелуй — это тайна. Как говорила о своем муже одна женщина: «Мой муж был самым плохим на свете, самым резким, нервным, вспыльчивым, пока не грянула серьезная болезнь и мало-помалу не превратила его в овечку. И я опять полюбила своего мужа, потому что он меня опять полюбил в своей болезни».

Боль смягчает. Но боль может сделать и более жестким. У каждого по-разному. Кто-то переносит боль и становится резче и холоднее, а другой смягчается и становится подобен ребенку. Это тайна. Каждая душа — тайна. Я не знаю, как тебя, но меня боль сокрушает, смиряет, исправляет до известной степени.

Нет ответа на вопрос, почему существует боль. Вопрос в том, чтобы из нее вышло что-нибудь хорошее. И поэтому не сердитесь на тех, кто в сердцах наговорит вам от боли всякого, не трогайте их в эту минуту, пусть выскажут все, что хотят, сядьте рядом, возлюбите их и поддержите.

Кто-то спросил монаха:

— А ты тоже испытываешь боль, отче?

Это было на Святой Горе Афон. И тот ответил:

— Испытываю боль. А что, дитя, я не такой? Разве не все испытывают боль? Как вы, так и я испытываю боль.

Никто не избежал скорбей в жизни. Так ты понимаешь, что ты тоже — часть мира сего и всего человечества. И потом тебе становится легче возлюбить Христа. Однажды я спросил себя: а почему мы все так любим Христа? Священников иногда да, иногда нет, но Христа любят все. Почему? Потому что Христос пострадал, Он был распят, а хуже этого Ему уже ничего не сделаешь. С Ним произошло самое худшее. Он распялся, испытал боль, умер за нас. А почему святые притягивают нас? Потому что они тоже страдали. Это тайна. Боль притягивает и единит тебя с другими страдающими людьми, и ты понимаешь, что тебе нечего делить с братом своим, с самим собой. Боль соединяет нас с другими.

Это великое благословение — испытывая боль, иметь компанию и не сидеть одному. Чтобы рядом кто-нибудь был, кто сказал бы тебе пару слов. Выслушал тебя. Сказал что-нибудь.

Один человек сказал мне вот что:

— Отче, я больной человек, у меня никого нет. Но у меня есть комнатная собачка, и поскольку никто со мной не говорит, то я иногда рассказываю ей о своих проблемах.

Хоть она и собачка, но доставляет ему утешение. Человек не в силах переносить боль и оставаться один, это трагично. Ты мученик. То есть если у тебя нет человека,

который бы тебя выслушал и укрепил, ты достоин удивления: как ты это выносишь? И некоторые из вас и являются такими людьми: несут огромный крест, и не с кем поделиться им, как Христу. Ему помог святой Симон Киринейский не из-за того, что Христос нуждался в физической помощи. Он и на Елеонской горе что сказал Своим ученикам?

— *Что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Лк. 22, 46). Я сейчас молюсь, но хочу, чтобы вы тоже были со Мной.

Ученики Его заснули, как и я заснул бы вскоре, да, наверное, и ты, а Христос говорит:

— Не могли бы вы сегодня не спать и побыть со Мной, испытывающим боль, чтобы Я не страдал один?

Бог хотел любви, любви и заботы. Чтобы у кого-нибудь душа болела за тебя — это великое дело. Иначе ощущаешь боль, когда кто-нибудь тебя укрепляет и когда никто не поддерживает и не понимает. Это сказал мне один человек:

— Если бы хоть кто-нибудь меня понял! Я страдал, но если бы хоть кто-нибудь меня понял!

Страшное и таинственное дело — эта боль в жизни. Скажу вам кое-что, и если сможете это понять, то это будет огромный шаг в вашей духовной жизни.

Какая бы боль ни входила в нашу жизнь, душа из нашей внутренней глубины устремляет моление к Богу, чтобы Он послал нам какое-нибудь маленькое испытание, дабы мы шагнули вперед, освятились и духовно созрели. То есть боль — нечто такое, в чем нуждается наша душа. В боли плодоприносят совесть, благословение, радость и зрелость человека. Приведу вам пример.

Когда молишься и говоришь: «Боже мой, молю Тебя: помоги мне освятиться, помоги войти в рай, обрести радость в жизни», — ты словно говоришь Богу: «Боже мой, научи меня» — не «накажи», а «научи меня», то есть «помоги мне научиться, чтобы я продвинулся вперед». Ученик в школе не может сказать учителю: «Я хочу стать отличником!» — и чтобы учитель принялся баловать его для этого. С того момента, когда ты скажешь: «Научи меня», — ты словно говоришь ему: «Употреби любой способ, который считаешь правильным, лишь бы я преуспел, лишь бы стал делать шаги вперед». А шаги — это и значит, чтобы Бог послал тебе человека, который сделает так, чтобы тебе стало больно. А почему? Потому что это ответ на твою молитву.

Но это, однако, не наказание. Здесь кроется большая ошибка, которую делают все. Мы думаем, что Бог нас наказывает, мстит нам: мол, ты плохой человек, ты что-то сделал, и сейчас Бог послал тебе такую-то боль, чтобы ты был наказан и заплатил за это. Это ошибка. Бог нас не наказывает, потому что Он попросту не может наказывать, Он — любовь и только любит. У Него нет «психологических проблем», чтобы наказывать, гневаться и мстить. Это наши проблемы. А Бог только помогает и говорит:

— Из этой болезни выйдет что-то хорошее.

А ты:

— Да что Ты такое говоришь?! Разве возможно, чтобы из этого вышло что-нибудь хорошее? Чтобы из какой-то болезни, рака, лейкемии вышло что-нибудь хорошее?

И Бог отвечает:

— Не сегодня. Я смотрю не на твою сегодняшнюю жизнь: ты же будешь жить и потом. Я смотрю на твою жизнь издалека. Ты изменишься благодаря этому, окрепнешь, созреешь, станешь зрелым и духовным человеком.

Другого пути не существует. Мы должны знать, что то, чего мы хотим, Бог даст нам по-Своему и Его способ нас потом удивит.

Многим женщинам в молодости хотелось прожить свою жизнь в радости, однако они повыходили замуж и теперь твердят, что муж их мучает. И говорят:

— Да, хотела я одного, а Бог мне дал другое.

А ты что хотела, чтобы Он тебе дал? То, чего искала ты, не приходит иначе как через невзгоды.

Когда я скажу Богу:

— Боже, дай мне терпения! Сосед сейчас приедет и припаркуется там, где паркуюсь я каждый день, и выведет меня из себя.

И Бог говорит:

— А как же ты научишься терпению, если не через противоположное? Через искушение, через проблему, через испытание — только так ты научишься терпению.

Он припарковался, и теперь ты описываешь круги, ища себе места для парковки. И Бог говорит тебе:

— Ты не можешь этого вынести? А разве ты не этого хотел — терпения? Проявляй же теперь терпение!

Бог не играет нами, мы не пешки в Его руках, чтобы Он нами играл. Это, к сожалению, большое заблуждение, которое вошло и в Церковь, когда мы думаем, будто Бог нас наказывает. Очень многие чувствуют себя

виноватыми, когда страдают от боли или ребенок у них заболел, и говорят:

— Это из-за меня, это по моим грехам ребенок заболел.

Бог не такой. Бог не играет с болью людей. На тебе нет вины в том, что происходит, это не ты виноват. Если мы поймем это, то расслабимся, успокоимся, глубоко вздохнем и скажем:

— Боже мой, если я не виноват, то хотя бы дай мне малое объяснение, малую силу, чтобы я выдержал то, с чем столкнулся в жизни и испытываю боль.

Научись ходить своими ногами; от боли ты встанешь на ноги. Есть люди, которые испытали огромную боль, и от этого стали сильными, и потом говорят:

— Что бы со мной ни случилось, уже ничего не сможет меня прогнуть. После того как я прошел через болезни, смерть и многое еще, теперь, что бы ни случилось в моей жизни, я встречаю это трезво и хладнокровно. Как говорится, я не слюняй какой-нибудь, я закалился в житейских океанах, бурях и штормах.

Ты крепнешь в боли и осознаешь силу, которую в себе скрываешь. У нас ведь есть огромная сила, и у тебя есть огромная сила. Просто мы, греки, гиперчувствительные, мы все время жалуемся и боимся, что не сможем справиться с трудностями. Но ты сможешь, у тебя есть огромная сила. Сколько раз ты говорил: «Если со мной что-нибудь случится, я сойду с ума, я умру, я покончу с собой», — но вот, ты живой, хоть и произошло то, о чем ты говорил. Нагрянула болезнь, но ты же выдержал. Значит, у тебя есть сила.

Если мы поймем это, то встанем на ноги и обретем уверенность во Христе, и ты скажешь: «Я не жертва жизни, я справлюсь! У меня есть Бог, Который меня укрепит, у меня есть молитва. У меня есть Святое Причастие, есть исповедь, и все это меня укрепит. Я смогу справиться!»

Мы очень боимся боли, и поскольку не оцениваем себя правильно, то не верим в Божию благодать, которая в нас, и задыхаемся. Мы тонем в ложке воды, очень многие тонут в ложке воды. Естественно, некоторые утопают и в более серьезных проблемах. Ну хорошо, тех, кто утопает в серьезных проблемах, я где-то оправдываю, но кто тонет в ложке воды... Не знаю, надо ли вам так сильно бояться, когда жизнь уже показала, что и у вас имеются дарования, имеются способности?

Однако это зависит от того, как мы росли: сделали ли нас крепкими, когда мы были детьми, чтобы мы могли выстоять по жизни. Некоторых из нас родители не сделали крепкими, и мы вышли в жизнь довольно запуганными. То есть если ребенок многократно не слышал от матери слов: «Радость моя, герой ты мой!» — добрых, а не эгоистичных слов, чтобы душа его окрепла, чтобы он почувствовал: «Да, я чего-то стою, я могу, у меня имеются дарования», — то этот ребенок выйдет запуганным в жизнь. При малейшей трудности, которая с ним случится: боли или несчастье, он сломается. Поэтому посмотрите на себя самих: какое воспитание вы получили, слышали ли добрые слова и говорите ли их детям, чтобы окрылить их душу?

Измени свой взгляд на жизнь

Одна молодая женщина, которая хочет замуж, говорит:

— Как мне выйти замуж, отче? Этого никогда не случится, я всегда буду испытывать одну только боль.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что никогда не слышала добрых слов от родителей. Потому что, когда была маленькой, мать говорила мне: «Да-да! Ты всю жизнь будешь такой! Никчемной! Тебя никто не возьмет такую!»

Она слышала это сотни раз, впитала в себя и поверила в это. И когда что-нибудь притеснит ее по жизни, она сходит с ума, не может противостоять этому, не верит, что имеет на это силу.

Поэтому я вам и говорю, что наш дух и вера имеют большое значение в том событии, которое называется болью. Вопрос не в боли, а в том, как ты ее встречаешь. Каким оком на нее смотришь. И Христос тоже прошел через боль, но смотрел на нее с огромной надеждой, силой и верой. Не потому, что Он был Бог, а потому, что имел сильную связь с Богом. Так же как и святые, которые были такими же людьми, как и мы, и также испытывали боль. Они тоже прошли через такую же боль, что и ты, но смотрели на боль по-другому. Они смотрели на то же самое событие и говорили:

— Это наступает, но не для того, чтобы я рухнул. Это не пропасть, а ступень, я шагну на нее, чтобы подняться выше.

На это же самое смотришь и ты и говоришь:

— Я рухну.

Это связано с тем, как меняются в тебе помыслы. Поэтому будьте очень осторожны со своими помыслами: отсюда начинаются все проблемы, с наших мыслей. Наши мысли измучивают нас колоссально, они делают нас больными еще прежде, чем заболеем, и ты мысленно испытываешь более страшную боль, чем это реально бывает. Идешь к стоматологу, садишься в кресло минут на 20 и уже испытываешь боль. Однажды я вскрикнул еще до того, как зубной врач стала работать у меня во рту. Она спросила меня:

— Почему ты крикнул, тебе что, стало больно?

— Нет, но станет! Я готовлюсь к этому!

— Подожди, когда станет больно, тогда и кричи! Чего ты кричишь, если еще не заболело?

Да, есть такое в нашей жизни, хнычем мы много. Мы как греки, как народ, легко поддаемся эмоциям и тут же начинаем плакаться: «Ой, мне стало больно; ой, я не вынесу!» Не будет тебе так больно, как боишься. Ты справишься. Ты сможешь, потому что ты не один, а со Христом. Как с этим справляется столько людей на свете?

И в этом твоя сила — сила не в том, чтобы пойти к какой-нибудь мироточивой иконе и произошло чудо. Потому что, скажу я вам, тысячи страдальцев идут к святым иконам — мы к ним, естественно, благоговейно прикладываемся и любим их, но сколько из пришедших выздоравливает? Двое-трое. А тысячи остальных получают силу выдерживать боль и смотреть на нее другими глазами. Вот каково чудо от иконы. Некоторые исцеляются телесно и полностью, а у других укрепляется и исцеляется душа. И это важнее — изменить свой взгляд.

Важно не просто исцелиться от болезни, а увидеть жизнь по-другому. Потому что мы бываем очень здоровыми, но неблагодарными, не радуемся жизни, не говорим: «Слава Богу!» — и не чувствуем себя счастливыми. Когда мы заболеем — начинаем плакаться, но и сейчас, когда у нас все в порядке, мы все равно не говорим: «Слава Богу!» Поэтому главное чудо, бывающее при боли, — это не просто выздороветь, а увидеть жизнь по-другому, посмотреть на жизнь другими глазами, и прежде всего — с благодарностью за то, что у тебя есть, а не жалея о том, чего нет. Чтобы ты сказал: «Спасибо за то, что я дышу, что живу, что здоров».

Спросили об этом одного батюшку из афинского монастыря, служившего в онкологической больнице святого Саввы. Как-то отцы решили рассказать о чудесах, которые видели в своей жизни. Пришел и его черед, и он сказал:

— Да, я видел чудеса в больнице. Некоторые выздоравливали по молитве, после молебна к Пресвятой Богородице и т. д., но самое великое чудо я видел в тысячах людей, не выздоровевших, но умерших. И в них я тоже увидел чудо.

Его спросили:

— В чем же тут чудо, если они умерли?

— Я видел чудо в том, как менялись их мысли. За пять дней до смерти они целовали тех, с кем по три года не говорили. Видел чудо в том, как слезы текли из глаз тех, кто никогда в жизни не плакал. И так они умирали, и много других примеров было.

Ведь чудо не в том, чтобы просто жить, а чтобы жить на духовной высоте. А она иногда может скрываться

в боли и даже в смерти, да, даже в ней. Пусть эта смерть оставит после себя что-нибудь красивое, и вот, твой ближний умер, а ты говоришь: «Он отошел на тот свет, но я ощущаю в душе сладость и любовь. Мы полюбили с ним друг друга как родные, расцеловались, поплакали». И это оставляет что-то. А если вы ждете других чудес после смерти, то их не бывает.

Кто выздоровел благодаря чудотворной иконе, тот через несколько лет все равно умрет. Святой Лазарь хоть и воскрес, но впоследствии тоже умер. Вопрос не в том, чтобы какой-нибудь мертвец воскрес или больной выздоровел, а в том, чтобы человек стал жить с чувством благодарности и радости. Поэтому вложите радость в свою жизнь, пока вы здоровы. И возлюбите тех, кто болен по-хорошему.

Когда благодаришь Бога, ты отгоняешь от себя боль и ропот в любой болезни и страдании. Благодарность — это щит, не позволяющий Богу посылать нам больше боль, потому что Он говорит:

— Это Мое творение испытывает благодарность. Этот человек усвоил урок жизни. Больше нет смысла посылать ему боль.

Потому что цель боли в том, чтобы научить тебя ценить Божий дар. А если ты ценишь его до появления боли, тогда ей незачем приходить. Для многих людей она посылается как колокол. Когда же ты благодарен Богу и славословишь Его, и, независимо от того, испытываешь боль или нет, благодаришь Его и говоришь: «Благодарю Тебя, Боже мой!» — то, когда говоришь «благодарю», все меняется. И ты после этого уже начнешь смотреть на все другими глазами.

Я видел людей, которые несли невыносимый крест. И обращаешься к ним, а они отвечают так хладнокровно, что диву даешься: где они находят силу? И наоборот. Знаешь, что делает ропот? Он показывает нам все в еще более мрачных тонах. Мы пристрастились, как наркоманы: как они не могут без наркотиков, так и мы не можем без проблем. Мы хотим, чтобы у нас что-нибудь болело и чтобы мы все время жаловались независимо от того, есть ли на что жаловаться или нет.

Но я не говорю о тех из вас, у кого имеется серьезная проблема: когда у кого-нибудь дома лежит раковый больной, то это не что-то воображаемое, а настоящая проблема, но некоторые из нас испытывают боль без того, чтобы на то была серьезная причина. Старец Паисий страдал от рака, старец Порфирий тоже, они умерли от такой болезни, но развеивали свои помыслы, связанные с болью. Если ты предоставляешь себя помыслам, то сходишь с ума. А если сопротивляешься — воскресаешь.

Старец Паисий лежал в больнице, прикованный к постели, подключенный к аппарату, весь в проводах, и его спросили — вы только послушайте вопрос, прошу вас:

— Как вы себя чувствуете, отче?

Интервью! «Как вы себя чувствуете?» Человек умирает, а кто-то его спрашивает, чтобы сказать потом, что он говорил с ним — при такой-то боли. И он ответил:

— Дитя мое, да как я себя чувствую? Как космонавт!

Он одаривал их радостью, а сам страдал от рака. И так они уходили от него, больного, получив силу, потому что он изменял их ум. А я бы на его месте сказал: «Разве ты не видишь, как я плох? Я доходяга! Это меня душит, от

этого укола больно!» А он что сказал? «Как космонавт!» На одно и то же можно смотреть разными глазами.

Многие ходили к старцу Порфирию в Оропос*. И когда я в последний раз видел его в 1990 году, он лежал на постели, страдая от множества болезней, и был слеп. Как же этот больной человек придавал нам сил, нам, по большому счету еще более больным? Он менял наши мысли. Не все из приходивших к нему выздоровели, но всем он переменял ум и душу. И в этом цель.

Если вы заметили, Христос, Которого мы любим и обожаем, не изменил людей — в том смысле, чтобы, как по волшебству, изменился мир, потому что мы потом опять видим войны, болезни, скорби. И кто-то сказал мне в школе:

— Отче, а Христос что сделал? Ведь в обществе опять все плохо! В чем же перемена, которую внес Христос?

И святые отвечают:

— Христос дал нам кисть и краски, чтобы мы по-другому раскрасили жизнь. Жизнь такая, какая она есть. Но ты можешь превратить черноту в свет. Там, где начинаешь отчаиваться, — взглянуть другими глазами. И Христос это делает: Он вносит надежду, силу в душу, силу в сердце, Он вносит чудо.

С больными часто происходят чудеса и исцеления, но чудо в душе может произойти и с тобой. Со всеми может

* Прп. Порфирий Кавсокалитит (1906–1991) подвизался в городке Оропос к северу от Афин, в основанном им монастыре Милеси. В 2013 г. причислен к лику святых, память 19 ноября / 2 декабря.

произойти это чудо, когда меняется твое расположение, психология, терпение, сила и взгляд, каким ты смотришь на Бога.

Не знаю, каким вы себе представляете Бога, но в любом случае Он с любовью находится рядом с нами. От любви нам часто тоже становится больно, но это, опять же, любовь. Бог и тебя любит, любит и ребенка, который болен. И в том, что твоя мать недавно умерла, ты не виноват. «Но я столько раз огорчал ее!» Все мы огорчаем. Попроси прощения. Сейчас тоже можно исправить ошибку. Ошибки прошлого исправляются молитвой и благим расположением. Не отчаивайтесь.

Подавленность очень вредит здоровью — подавленные заболевают и стареют прежде времени. Если ты вынашиваешь в себе разочарование, отчаяние, неверие, тогда и тело заболевает. Понимаете? И тогда парикмахеры радуются. Женщина идет к ним, чтобы покрасить волосы, сделать макияж и чтобы косметические салоны получали прибыль и т. д. Все это нужно, да, но надо вылечить проблемы нашей души, потому что если ты внутренне станешь здоров, то это проявится и внешне. А если ты внутренне чахнешь, то раньше времени заболеваешь и стареешь и это проявляется и на теле.

В Евангелии говорится, что в одном городе Христос *не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив руки, исцелил их* (Мк. 6, 5). Сам Бог не может совершить чуда, если ты не поверишь в Него. Надо верить и так молиться и о других — с верой в исцеление, а не с верой в неудачу, смерть и болезнь.

На Святой Горе кто-то сказал мне:

— Когда молишься о ком-нибудь, чтобы он выздоровел, не молись, чтобы Бог Сам пришел и подал ему что-то, чего у того нет, а молись, чтобы то, что вошло в него при Крещении — свет, Святой Дух, здоровье, благодать, сила Христа, — проявилось наружу.

То есть благодать Святого Духа. Она существует внутри, ты в это целься, а не останавливайся умом на болезни, не думай о самом плохом, но о самом хорошем. Чтобы происходило самое хорошее. И если тело не получит пользы, то пусть хоть у души она будет. Понимаете?

Это трудно, потому что меня зовут на соборование, а сами думают о смерти. Один родственник звонит в церковь, заказывает соборование, а другой — в похоронное бюро. И я говорю:

— Зачем же вам соборование, если вы звоните в похоронное бюро? Вы верите, что может произойти хорошее?

— Ну давайте сделаем и то и то!

Чему же в итоге придает больше значения наша душа? Вере в исцеление или вере в неудачу? Это значит, что мы нуждаемся в укреплении нашей личной связи с Богом. Мы нуждаемся в погружении в покой и тишину, существующую в нас, там, где пребывает и совершенное здоровье, — в нашу сердцевину. Послушайте, что я скажу. Даже у самого тяжелого больного в сердцевине души есть точка, где существует необъятный покой, счастье, здоровье и благословение от Бога, — ее мы должны достигнуть.

Мы утратили связь с этим центром и все время находимся на поверхности, не в центре, а в своем уме с мыслями, сводящими нас с ума. Когда мы попадем в этот центр, мы обретем большую выносливость в жизни, а также спокойствие. Там к тебе не может приблизиться никакая болезнь, никакое разочарование. Это то, что имел Христос. Он был в соприкосновении с Богом, с Его внутренним состоянием, и поэтому на Елеонской горе, когда пришли, чтобы схватить Его, Он был так спокоен — потому что Он не был в соприкосновении с окружающим миром, но с Богом в молитве и со Своей душой. И Он спросил их:

— Чего вы хотите? Кого ищете?

— Иисуса Назорея.

— Это Я, — спокойно ответил Он (см. Ин. 18, 4–8).

Он знал, что умирает, но был в глубоком соприкосновении с Богом и Своим сердцем, с тем, что Ветхий Завет называет «глубоким сердцем» (см. Пс. 63, 7). Глубже, чем боль, в нас находится умиротворение, а мы живем в боли и тяготе. Если сможете совершить этот дайвинг в глубины души, вы будете хладнокровны и вас не будет охватывать паника.

Остерегайтесь паники при проблемах. Она никуда не ведет.

Вы скажете мне:

— Ты говоришь нам это, когда у нас все хорошо, но в минуту паники уже бывает поздно.

В тот час, если можешь, будь готов, чтобы тебя не захватило то, что сокрушает и расстраивает тебя. Это говорит авва Дорофей: в бурю, вместо того чтобы волны тебя захлестнули и ты утонул, лучше нырнуть под волну. Пока

не пройдет. Погружаешься на дно, где покой, и волна проходит сверху*.

Если можете возносить такую молитву, которая была бы не просто: «Я читаю брошюры страница за страницей, вычитал повечерие, но не почувствовал ничего. Молился по четкам, но ничего не ощутил, совершаю правила и ничего не чувствую», — а чтобы мы делали все это и наша душа коммуницировала с нашим внутренним, чтобы я успокоился и сказал: «Я достиг той точки во мне, где есть здоровье, свет, Божия благодать», — тогда, что бы ни случилось, будешь смотреть на это другими глазами.

Хочешь помочь своей семье? Помоги себе. Делая это, ты помогаешь и близким. Когда в доме есть больные, а мать духовно трезва и спокойна — это самая большая помощь дому. А если ты нервный, ты помочь не сможешь, ты только ухудшаешь положение дел своими нервами. От криков и воплей бывает только хуже. Поэтому нам надо поработать над своей душой в том, что касается доверия к Богу, спокойствия, чтобы умиротвориться и начать отличать истинные проблемы от мнимых.

(Перевод с новогреч. Е. Кравченко)

* Дорофей, авва. Душеполезные поучения и послания. Поучение 13.

Попробуй любить врагов — и будешь спать спокойно ночью

Когда осознаешь свою ошибку, попроси Бога: «Господи, Ты испытал меня — и проявилась бедность моя. Дал мне возможность показать свою любовь, но я этого не сделал. Позволь мне увидеть, кем я являюсь и кем был задуман изначально».

Дал мне Господь термометр, чтобы измерить тепло моего сердца, и я увидел, что все плохо. В чем это проявляется? Когда мои враги плохо говорили обо мне, я гневался, когда они делали мне зло, я тоже злился. Я не отвечал добротой. Где же моя любовь?

Представьте себе, как мы далеки от слов Христа: «Любите врагов ваших». Врагов? Как можно любить врагов, если мы настолько злы, что даже иногда недолюбливаем своих родных. Как же я могу любить своего врага? Это невозможно.

Но на самом деле это не так уж и сложно, если на все взглянуть Божественными глазами. Уже одно

воспоминание, что когда-то мы умрем и будем покрыты землей, нас спускает с неба на землю, то есть одна эта мысль. И когда думаешь об этом, тогда понимаешь, что нас всех связывает смерть. С опозданием задашься вопросом, почему же не любил?

И не важно, любит тебя конкретный человек или нет, просто люби его. Знаешь, что с тобой произойдет, если ты переступишь через себя и полюбишь? Ты освятишься! И ты точно не пострадаешь! Попробуй любить врагов — и будешь спать спокойно ночью.

Как-то один духовник человеку, который не хотел принять высший закон любви, сказал: «Ты попробуй не любить, попробуй ненавидеть, а потом мне скажешь, спишь ли ты по ночам! Если давление поднимется или сахар в крови упадет, не спрашивай почему».

Причина нашей ненависти непощения и непонимания сокрыта в глубине души. Если мы покопаемся в себе и очистимся, то познаем, что такое настоящая любовь. Следовательно, только так мы можем быть спасены — любовью!

Ты можешь спастись лишь тогда, когда будешь помнить о ней постоянно. Но как? А так: ты скажешь людям, с которыми у тебя распри, что дружить и находиться с ними прекрасно, путешествовать — одно наслаждение, что они хорошие люди и ты рад, что рядом с ними! И тогда чем бы ты ни занимался, сидя за рулем автомобиля или пребывая дома, всегда будешь слышать голос любви ко всем этим людям. Так что всегда помни об этом, продолжай менять себя, чтобы не потеряться в этом мире.

(Перевод с новогреч. Е. Кравченко)

Чемоданчик, полный благодарностей

Однажды я пошел к одному замечательному диетологу, женщине, применявшей очень эффективный метод, причем к каждому по-разному. Она даже написала: «То, что я вам прописываю, — только для вас. У другого может не получиться такого же результата, а может выйти и вред».

Как-то я сказал ей:

— Вы удивительная!

Она мне говорит:

— Я не удивительная. — Знаешь, что она мне сказала? — Я влюблена! Я люблю то, что делаю, моя душа полна этим. Я делаю это не для того, чтобы получить деньги, не для того, чтобы прославилось мое имя, а потому что люблю это и горю им, это сводит меня с ума!

Ее пример стал для меня очень поучительным. Пусть ее дело и может показаться чем-то прозаичным, но оно совсем не прозаично, ведь вопросы здоровья волнуют

очень многих: и в Церкви, и всюду у людей проблемы со здоровьем, они следят за своим уровнем триглицеридов, холестерина, стараются не поправиться и т. д. И если бы этот ее дух и этос любви к Богу овладел и тобой — а он уже нередко владеет тобой, — то твоя жизнь стала бы раем, откровенным счастьем. Ты готовишь еду — и паришь в небесах, не замечаешь, как проходит время, когда любишь то, что делаешь.

Если ты любишь Бога, для Которого делаешь все, если любишь своего мужа (жену), детей, коллег по работе, одноклассников, учителей в школе, если в душе у нас есть такая любовь, полная горячего желания, устремления и мечты, тогда все наши занятия действительно становятся прекрасными, дни летят, и ты недоумеваешь, как быстро они проходят, и говоришь: «Я даже не заметил, когда было утро, когда начался обед, как наступила ночь — вот и пролетел еще один день!»

Хоть ты и говоришь: «День пролетел!» — и в этом ощущается какая-то ностальгия, ведь ты все это навсегда оставляешь в прошлом, однако ты не унываешь, потому что оглядываешься назад и видишь, что оставляешь там что-то замечательное, свет, а не мрак, руины и пустоту; ты оставляешь там что-то хорошее. И даже если оставляешь там слезы, слезы покаяния, то они тоже начинают сиять, у них имеется свое сияние, величие и излияние света, и это совсем неплохо. Все в твоей жизни может стать хорошим, и ты можешь не стариться прежде времени. Потому что сколько ни красься, ни прихорашивайся и ни ухаживай за собой, но вопрос заключается в другом — в том, чтобы ты ухаживал за своей душой и постоянно ее обновлял. Вот что надо делать.

Бог прикасается ко всем нам, когда мы позволяем Ему войти в нашу душу и в наши клеточки. Все, что делаешь, наполняй смыслом и старайся, чтобы это делало тебя радостным. А если это занятие тебе не нравится, смени его, найди, что тебе будет по душе. Иначе дни проходят, и ты говоришь:

— Я занимаюсь тем, что мне не нравится!

Пусть твое новое занятие и не будет слишком значимым. Послушай, что я говорю: может, оно и не такое важное, но пусть оно наполнит твою жизнь, и чтобы ты отдал ему все свое сердце без остатка. То есть когда кто-нибудь скажет: «А наведу-ка я порядок у себя на работе, пусть там больше не будет этих разбросанных бумаг, валяющихся конвертов, книг, визиток, чеков», — это что такое? Да, это не что-нибудь духовное и не что-нибудь великое, однако оно может стать таким, если ты будешь делать это всем сердцем, сознательно, старательно. Не так, чтобы телом ты был здесь, а душой — где-нибудь в другом месте, умом — в третьем и являлся человеком фрагментированным, а чтобы сказал: «Господи, я пред Тобой делаю это! Я все делаю как для Господа и внимателен к этим незначительным вещам, которые вижу перед собой, потому что здесь я найду Тебя, здесь я почувствую Твое присутствие, здесь выражу свою любовь, здесь превращу свою духовность в практическую величину, а не оставлю ее в теории. Вот я делаю уборку, вытираю пыль, выбрасываю мусор, навожу порядок — разве в этом нет смысла? Это ведь замечательно!»

Найди смысл. Найти его может и человек, прикованный к инвалидной коляске, который ничего не может

сделать, если не подавать ему каких-нибудь вещей, которые он сортировал бы руками, и человек, ничего не видящий. Смысл его жизни может быть в том, чтобы понять, почему он не видит и что он может сделать для всего человечества. Разве это не исполнено смысла — сказать: «Я за свою жизнь научился проявлять терпение. И если Бог придет и скажет мне: “Дитя Мое, а что ты сделал за всю жизнь, которую прожил?” — я скажу Ему: “Господи, я проявлял терпение. У меня была своя проблема, свое испытание. (У кого-то в доме есть больной человек, которого надо возить по врачам, у кого-то проблемы с почками, и ему надо периодически чистить кровь, время от времени ложиться в больницу.) Господи, я проявлял терпение”». А что скажет Бог? Что ты не сделал чего-то великого и духовного, поскольку не проводил бесед, не был миссионером, монахом, клириком? Разве твое дело само по себе не велико?

Дни нашей жизни проходят, а что делаешь ты? Ты проявляешь терпение. Ощути свою ценность во всем, что делаешь. Осознай честь, которую воздает тебе Бог, пойми, что Бог тебя любит, Он тебя не ругает, а уважает.

Бог хочет, чтобы ты почувствовал эту честь и хвалу, которую Он воздает тебе, и говорит:

— Дитя Мое, Я люблю тебя! Мир может ждать от тебя многого, кто-то может обвинять тебя и называть так или иначе: бесполезным, неудачником, отсталым. Но для Меня то, что ты делаешь: тот факт, что ты четыре года в браке, ждешь ребенка, а он все еще не рождается, но ты ждешь — все это твое терпение, выдержка, настойчивость, надежда. У тебя ведь есть вера, дитя Мое, разве этого мало?

Ты веришь в силу Бога, ждешь и не разочаровываешься, разве этого мало?

Ты вот что делаешь — меняешься, преобразуешься. Это великое дело — чтобы дни проходили, и твой ум, идеи, мнения изменялись, чтобы ты не оставался все тем же, если только то, что ты делаешь, не связано с любовью, потому что любовь надо иметь всегда. В этом ты не меняйся, люби всегда. Любовь надо иметь всегда, а что касается других идей — странных, нездоровых, болезненных, сверхценных, — там ты изменись, отцепись от них. Оторви ум свой от того, о чем думаешь, и измени свой образ мыслей.

Когда старец Порфирий был молод и исповедовал, то сначала исповедовал очень строго и накладывал епитимии.

— Прошли годы, — говорит старец Порфирий, — и тогда я понял боль людей, трудность борьбы со страстями, а больше всего — любовь Божию, которая смягчила и меня, и я посмотрел на людей по-другому. Годы жизни шли, менялось мое мышление, и изменился вкус Бога в моих устах, в Святом Причастии. Изменился вкус Бога в моем сердце, и я стал говорить с людьми по-другому. Я уже не был тем строгим духовником, который делал замечания, ругал, накладывал епитимии, я стяжал снисхождение, доброту, сильную молитву. Я старался преобразить душу человека любовью, а не страхом, и так стал менять людей, изменившись сам.

Проходят дни жизни, и ты меняешься — или остаешься все таким же консервативным: моральным, но не нравственным, набожным, но не благочестивым,

каким был тогда, и когда начинал? Тогда ты имел право быть таким, потому что так ты был научен, так это знал, и тогда это не было плохо: тогда это было самым лучшим, что имелось в тебе, но если ты и сегодня не сбрасываешь с себя этого «тогда», исключительно ради чести мундира, лишь бы не согласиться с тем, что в какой-то момент и ты должен измениться, — в таком случае что происходит с пролетающими днями твоей жизни? Ты не позволяешь Богу «отшлифовать» тебя, смягчить, чуть-чуть пообтесать твои углы, чтобы ты клубочком мягко катился между людей и прикасался к ним с любовью.

Что сказать тут? Дни нашей жизни проходят, а меняемся ли мы? В прошлом у меня был другой образ мыслей, и я рад этому и благодарю Бога, потому что лет 10–15 тому назад смотрел на вещи по-другому, а сейчас смотрю на них иначе и не стыжусь сказать это и признать, что в моем мышлении, в моей душе происходят перемены. То есть если бы лет 15 назад кто-нибудь сказал мне, что хочет стать монахом, я бы сказал ему: «А что ты привнесешь в монашество?» Он не привнесет ничего, думал я. Но с течением времени, вступая в контакты с людьми, пришел к выводу, что ты можешь находиться в миру, говорить, проповедовать, но это вовсе не значит, что люди будут меняться так, как говоришь ты, потому что людей меняет Бог. Поэтому, когда ты войдешь в соприкосновение с Богом, — независимо от того, монах ли ты, миссионер, в миру или отшельничаешь в горах, есть у тебя семья или нет, — ты сможешь помочь своему ближнему, если сам найдешь Бога.

Тогда я этого не понимал. То есть, если бы раньше кто-нибудь сказал мне: «Иди на Святую Гору Афон!» — я сказал бы ему: «Но там ведь людям не поможешь ничем!» Я это имею в виду и рад, что изменился в этом отношении.

Мы говорим о перемене в образе мыслей, а не в сердцевине веры, не в том, что касается Христа, Его учения. Должен измениться способ, каким ты выражаешь свою веру, чтобы он был немного гибче, мудрее, а не чтобы ты менял истину, потому что иногда ты бываешь готов сделать и такую ошибку. Надеюсь, ты понимаешь, что надо менять не сердцевину истины, а способ, каким ты передаешь эту истину в мир, т. е. способ, каким ты будешь подходить к конкретному человеку. Это мое мнение.

Между тем что бы мы ни делали в этой жизни, все это так мало, тленно, ограничено. Не жди, что когда-нибудь ты начнешь делать совершенные движения, совершенные дела, потому что и эти совершенные дела, которые ты делаешь, наступит момент, когда угаснут и они, так же как и мы. Лет через 150 мы уйдем из этой жизни... А сколько ты лет хочешь? Я говорю 150, потому что, когда называю какой-нибудь возраст поменьше, пожилые говорят:

— Да что ты говоришь! Вот мне сейчас столько лет. Но те годы прошли, о которых ты говорил, и ничего такого не было.

И вот через столько лет ты поймешь, что и малое, и большое — все мало. У старца Иакова (Цаликиса) с Эвбеи есть одно хорошее выражение, которое я вычитал в книге о нем:

— Здесь, дитя мое, мы живем, чтобы миновали дни.

То есть найди что-нибудь, чем бы ты занимался, чтобы проходили дни твоей жизни. То, что ты сделаешь здесь, не будет существовать вечно, кроме любви, истины и молитвы, они останутся. А от всего остального, что ты делаешь, останется только его качество.

Но я хочу сказать, что, например, ты строишь дом, достраиваешь его — и все, чему ты отдал свое сердце, — и потом говоришь: «Ах, это что-то замечательное!» Да, но только оно не обладает абсолютным характером, оно — малое. Даже великие дела малы, когда подумает о том, что все пройдет. Но если вложить Бога в это малое, тогда все обретает красоту, нетление, сияние славы, величие — если делать то, что делаешь, всем сердцем, как для Господа (есть хорошее выражение: «Как пред Богом»), пред Ним и перед братом своим.

Можешь ли ты делать такие малые вещи — например, вынуть конверты из почтового ящика, и чтобы ребенок был с тобой, но чтобы манера, какой ты открываешь ящик и смотришь на другие конверты, не выражала нервозности, любопытства, интереса к чужой жизни, равнодушия? Другими словами, качества нашей души проявляются даже в самые обыденные моменты жизни.

Как приятно говорить: «Сегодня я сделал что-то хорошее!» То есть я не совершил ничего значительного, но, делая эти малые дела, думал о Боге, любил людей, радовался, заканчивая свои дела, вкладывал в них все сердце, и это исполнило меня приятных чувств. Мой день был очень хорошим: пусть никто меня даже не знает, никто обо мне не слышал, я не приводил в восторг толпы людей, но, несмотря на это, я в своем доме, в своем маленьком

домике, со своим одиночеством и книгами или с семьей и детьми, но я наполняю свою жизнь хорошим и вкладываю во всё Бога.

Эти дни замечательны — и если ты проживаешь их так, то жизнь твоя будет наслаждением! И когда придет время умирать, я буду оглядываться назад и смиренно говорить: «Да, я уйду, но смиряюсь и уйду, как уходят все. Я же не могу стать исключением, ведь это слишком эгоистично — говорить: “Ну почему? Я хочу еще жить!” Все умирают, и я тоже прилагаюсь к этому уходящему потоку человечества. Но, оборачиваясь назад и оглядываясь на уходящую жизнь, как на лодочку, оставляющую след в море, смотрю и вижу хорошее».

Наверно, твое дело мало и незначительно, ты же, например, не станешь изобретателем — не могут ведь все быть изобретателями, космонавтами, знаменитостями, богачами, благодетелями. Ну и ладно, но только ты тоже будешь совершать это путешествие и скажешь так: «Я создал семью, вырастил детей, проявлял терпение, вел малую борьбу, совершал малые дела: чистил фасоль, делал бутерброды ребенку, таскал покупки жены. Но все это было приятно мне и за все я благодарю Бога. Я признателен Ему и вот собрал чемоданчик, полный благодарностей — того, за что я говорю Богу *спасибо!* И я не боюсь этого путешествия. Я готов к вылету, держу свой чемодан, в котором нет драгоценностей, но иногда, когда не везешь драгоценностей, чувствуешь себя уверенней и говоришь: у меня мало вещей в багаже, но они полны Бога, их мало, но они полны благодарности Христу, славословия, признательности, смиренного приятия и довольной

Архимандрит Андрей (Конанос)

души, без ропота, горести, жалоб, ворчания. Моя жизнь прекрасна, слава Богу! Благодарю Тебя, Боже!»

Найди, чем ты будешь заниматься, и чтобы это тебе нравилось. Пусть оно и будет чем-нибудь малым и незначительным, но делай это от сердца, наслаждайся этим, благодари Бога и знай, что ты очень близок к Богу с этими своими простыми телодвижениями. И чтобы у тебя не было досады, как ты говоришь мне: «У меня не получается молиться по сто часов!» Молись по полчаса — и эти полчаса, эти 15 минут прекрасны, если только все твое дыхание и каждый миг посвящены исключительно Ему!

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Мы замкнулись и закаменели

Когда я захожу в книжный магазин, мне становится очень стыдно, потому что понимаю, как мало времени уделяю чтению.

И тогда я хочу знать все обо всем, показать свою начитанность и эрудированность в каждом актуальном, современном и не современном вопросе, иметь обо всем свое мнение, в общем, показать, что я существую, я мыслю, я живу.

И кто же я есть? По большому счету я — невежда.

Я знаю так мало... Я — посмешище полуграмотности.

Я прочел о некоторых вещах, в чем-то немного разбираюсь, имею какое-то суждение по каким-то вопросам.

Но знаю ли я, о чем говорит наука, каковы новые исследования, что преподают в университетах? Нет. Это не касается меня. Я черпаю знания из других источников: смотрю сериалы, телевизионные шоу, музыкальные курсы и фильмы.

Вспоминаю, когда я читал книги каждый день. Бывали такие времена. Иногда я вообще ничего не читал. Ни минуты, ни одной страницы.

А что я читал? Обычно дешевые книги, ширпотреб.

Важно интересоваться тем, что ведет тебя вперед. Чтение утомляет твой ум, но двигает вперед.

Смысл в том, чтобы мозг развивался, углублялся, философствовал, заключал в себе свет познания и правды.

Святой Порфирий навещался в мединститут слушать лекции, чтобы быть образованным. Он рекомендовал каждому двигаться вперед, постигать новое, не бояться знаний.

В то же время греческие духовники советовали духовным чадам не ехать учиться за границу, чтобы не потерять веру в плохих компаниях, не искушаться грехами, не вступать в добрачные отношения.

Множество людей, считающих себя настоящими православными, остановились в своем развитии, в познании Бога. Они остались на том уровне, на котором были в момент воцерковления, десять, двадцать лет назад. У них нет желания развиваться далее, расширять горизонты.

Многие из нас замкнулись и закалились. Думаем, что, изолируясь, делаемся богатыми, что больше нам ничего не нужно, что всего достигли, при этом имеем всего лишь какое-то подобие духовного самоудовлетворения.

Такие мысли возникают, к сожалению, у многих церковных людей по нескольким причинам.

Первая — лень. Собираешься читать, но думаешь, что этот процесс займет все твое время.

Следующая причина — чувство самодостаточности: я это и так знаю. Я знаю все, что мне нужно, и не нуждаюсь в новом.

Еще одним препятствием является малодушие, что в свою очередь приводит к соответствующим защитным реакциям: новая информация может меня потрясти или испугать — и я потеряю свою веру! Уж лучше закрыться в моем микрокосмосе.

Но мир прогрессирует, ставит новые вопросы. Некоторые из нас, не стремясь к новым знаниям и открытиям, к сожалению, имеют поверхностную веру.

Вопрос: кто прочитал Святое Писание хоть один раз? Сколько нас? Не думаю, что много.

Ты читал Библию?

Просто из интереса, друг мой, посмотри, о чем говорит Священное Писание.

Ты не прочел Книгу книг, но веришь, что мы лучшие, что в большей степени все искренние и просветленные, знаешь изъяны других вероучений и защищаешь наши преимущества, которые успешно игнорируешь и никак не можешь доказать этого.

Твои аргументы: «Так меня учит священник», «Это правильно, ибо я верю».

Что еще нужно?

Как-то я попросил одного простого и любящего уединение епископа посоветовать мне что-то прочесть. И он поразил меня своим ответом: «В это время, отче, я читаю Коран, потому что хочу знать, что думают миллионы людей на планете. Я не всегда могу судить, комментировать, опровергать идеи других, так как не представляю, о чем

говорит эта книга. Недавно я прочел книгу по психологии об отношениях в браке, в прошлом году — об изобретении велосипеда и об истории Европы».

Важны открытия, всесторонность и обширность знаний, отсутствие боязни, нетерпимости, гибкость, готовность к познанию нового, понимание другого и в то же время забота о сохранении собственной идентичности и самоуважения.

Православию нечего бояться! Его не сломаешь знаниями, ибо то, чему надлежит разрушиться, рухнет!

Когда я был еще маленьким, один старец в моем районе ходил на рынок с «противоеретической» группой, чтобы противостоять раздающим листовки свидетелям Иеговы. Единственный аргумент, с которым я выступал против них: «Идите от нас, жулики, не засоряйте наш квартал».

Услышав это, старец спросил меня, как можно быть истинным православным и при этом говорить такие слова?

Я удивился, потому что мы боролись в коричневых костюмчиках и называли наши методы «противоеретической борьбой» по-православному.

Важно осознать, что каждый из нас должен обладать разносторонними знаниями, а для этого нужно много читать!

(Перевод с новогреч. Е. Кравченко)

Вострой гласом радости

Какой сегодня прекрасный день! Каждый день в нашей жизни — великий дар Божий. Я знаю, что у тебя много проблем, знаю, что сейчас, когда я заявляю, что этот день прекрасен, ты, может, собираешься ложиться на обследование, узнал о неприятных результатах, у тебя проблемы с ребенком, финансовые трудности. Но, невзирая на это, зная об этих проблемах, мы всё же утверждаем и верим, что во всем сокрыт премудрый план, что существует Божия любовь, которая бдит над нашей жизнью, покрывает нас, и все, что происходит, — к лучшему. Иными словами, Бог сделал так, чтобы все служило нашему духовному возрастанию и освящению жизни, помогало нам восставать духовно, подниматься, созреть, крепнуть. Иначе не бывает.

Конечно, мы пройдем через много трудностей, но, несмотря на это, в жизни есть красота, потому что все, что тебя терзает, и ты бьешь себя в грудь, страдаешь и плачешь, — увидишь, что наступит момент, когда ты

возрадуешься и, оглянувшись назад, на прожитое, поймешь, что самыми важными моментами, сделавшими тебя сильным и придавшими тебе мудрость, здоровье, силу и зрелость, были вот именно эти тяжелые моменты. Именно они заставили тебя задуматься.

Когда все идет гладко, никто не задумывается, чтобы сказать себе: «Сегодня у меня все прекрасно, я в отличном здравии. А почему это я так здоров? Боже мой, что Ты хочешь сказать мне этим здоровьем, которое даровал мне до сих пор? Может, Ты хочешь, чтобы я Тебя возблагодарил? Прославил? Боже мой, я вот сижу и целыми днями думаю: а почему я так здоров?» Кто-нибудь говорил так?

Ты когда-нибудь вообще задумывался, почему у тебя все хорошо? Когда, например, у тебя были деньги, комфорт, ты садился, чтобы размыслить об этом и сказать: «А почему у меня сейчас есть деньги? Почему дела у меня идут хорошо? Почему у нас в магазине есть клиенты?»

Ты не размышляешь так потому, что в беспроблемные и легкие моменты жизнь становится для нас какой-то плоской, гладкой, и ты о ней просто не задумываешься. Но стоит появиться какой-нибудь болезни, испытанию, тому, что создает тебе трудности по жизни, — ты тут же начинаешь задумываться: «Ой, как болит голова! Боже мой, да что это такое?» Как только заболит голова, ты сразу же задумываешься о ней, о своем здоровье, и ищешь исцеления. А когда она столько дней не болела, ты и думать не думал о том, что у тебя она есть, в день же, когда начинается головная боль, ты о ней вспоминаешь.

Потому что хорошее здоровье не заставляет нас задуматься, благоденствие не дает нам повода к беспокойству, это

делают только трудности. Они заставляют нас испытывать боль и все, что мы называем неприятным, скорбным, что нас гнетет и ущемляет, но в конечном счете именно оно и укрепляет человека, возрождает, делает его другим и обновляет.

Когда я готовил беседу с таким названием: «Дни жизни уходят, а что делаю я?», то тема была объявлена заранее, и я стал получать по электронной почте письма. Люди писали: «Отче, нам тоже хотелось бы услышать это», «Ах, я понял, что вы хотите сказать! Дни моей жизни проходят, а что делаю я? Я знаю, что вы имеете в виду: что я не делаю ничего. Мы ничего не делаем и так губим свои дни». Другое сообщение: «Отче, вы для меня скажете это, для меня, чья жизнь катится безо всякого смысла и красоты. Я не делаю ничего».

Все ощутили, что эта тема сделает нас кругом виноватыми. И я понял, что у людей имеется огромное чувство вины. Попробуй скажи кому-нибудь: «Годы прошли, а что сделали вы?» — и тут же увидишь, как все начинают мрачнеть и, глубоко вздохнув, говорят: «Да, что сделали мы... Ничего мы не сделали! Годы прошли, а что сделали мы?» И я им говорю: «Да нет же, люди, эта тема не о том, я не это хотел вам сказать!»

И вот, придя на беседу, сначала я объяснил, что не надо смотреть на свою жизнь и годы, которые прошли и еще пройдут, с таким неприятным чувством, будто они — что-то прискорбное, тоскливое, отчего на тебя накатывает депрессия.

- А почему? А что такого мы сделали в своей жизни?
- Что вы сделали? Да очень многое.
- Но мы ведь совершили такие ошибки...

— Ну конечно, мы совершаем и ошибки тоже. А кто тебе сказал, что ты не будешь делать в жизни ошибок? Я вот что еще скажу: ну и что с того, что ты совершил ошибку? Ты ведь потом созрел. Понял свою ошибку, смирился, исправился, покался. Разве это так трагично — совершить ошибку по жизни? А что стало в итоге? Ведь именно эти ошибки и сделали тебя сильным и мудрым человеком. И сейчас ты можешь беседовать и давать советы, потому что был испытан, когда шел своим путем — путем между неудачами и успехами. Ведь в жизни бывает все.

Когда ребенок приходит из школы, он кричит:

— Мама, папа, я вернулся!

А они говорят:

— А ну-ка, давай я посмотрю твою тетрадку!

И видишь ты в ней, к примеру, четыре ошибки. Он сделал ошибку в таком-то упражнении, на одной контрольной получил четверку, на другой двойку. Пожуришь его слегка, а сам себе говоришь, втайне, естественно: «Да он же еще ребенок! Пройдет и это». Не может он, к примеру, в четвертом, пятом или десятом классе быть самым совершенством. Ребенок учится. Если бы он знал все, то не ходил бы в школу. А поскольку не знает, то вот и ходит в школу, а поскольку ходит, то у него будут и ошибки, зачеркивания, он будет путаться в некоторых задачах.

Не удивляйся, не пугайся, такова жизнь. Твоя жизнь — она хорошая! Она хороша со всем, что ты сделал, потому что все, что ты делаешь, — прежде всего за этим следит Бог и делает так, чтобы все оборачивалось тебе во благо. И твои ошибки, страсти, провалы, даже грехи Бог использует, чтобы через все эти риски привести тебя к тому,

что ты обретишь себя, как блудного сына Он через все его блуждания и опасности привел к тому, чтобы тот снова нашел себя и путь домой.

Я надеюсь, ты понимаешь, что я не говорю тебе, чтобы ты совершал ошибки. Я не сказал, чтобы ты к ним стремился, не сказал, чтобы ты грешил, чтобы найти путь к Богу. Нет! Но просто это пока имеется, это пока происходит в нашей жизни. Да, у нас бывают такие вещи, ошибки, все мы допускаем ошибки, делаем неправильный выбор, совершаем неправильные поступки, вынашиваем неправильные мысли, делаем неправильные движения, да кто вообще не совершал ошибок? И как это замечательно — понять это, смириться и сказать:

— Я вот такой, я тоже делаю свои ошибки, малые и большие. Да, я такой, я человек, Боже мой! Ты ударишь меня за это? Накажешь меня?

И Бог говорит:

— За что? За что Мне бить тебя, если вся твоя жизнь заквашена на этих ошибках? Но ты ведь в конечном счете прозреваешь, поворачиваешь свое лицо вверх и говоришь: «Боже мой, помоги мне!» А поскольку эти ошибки помогли тебе стяжать самопознание, то ты теперь знаешь и понимаешь и себя, и брата своего, ибо ты уже искушен.

Однажды я спросил своего замечательного друга, филолога и мудрого учителя как в вопросах духовной жизни, так и в проблемах мирской жизни, господина Ганотиса:

— Кто были ваши духовные учителя по жизни? Ваши старцы? Кто вас наставлял? У кого вы переняли духовную науку?

И он мне сказал:

— Самым великим в жизни старцем были для меня мои грехи и ошибки.

Я впервые услышал тогда этот ответ и понял, что он предельно точен, потому что в конечном счете нас учат именно наши собственные ошибки. Мы многому учимся на них. Однако в жизни бывают не только ошибки — в ней есть и очень много здравого, ты ведь делал и что-то хорошее. Если ты поймешь это, то скажешь Богу спасибо. Прошу тебя, смахни же скорбь со своего лица!

Ты скажешь мне сейчас:

— А легко ли мне сделать это? Это же не как кнопку нажать.

Нет, мы не нажимаем никакой кнопки, мы просто немножко меняем свои помыслы. Измени чуть-чуть свои помыслы! Запой немного пятым гласом, как говорит старец Иосиф в своих книгах: «Приди, чтобы нам с тобой спеть пятым гласом, гласом радости, и чтобы нас охватило это радостное настроение». Третий глас тоже радостен и исполнен воодушевления и славы. Итак, почувствуй себя по-другому, посмотри по-другому, взгляни на вещи по-другому, и твое сердце ощутит их иначе.

Ты ведь сделал столько хорошего в своей жизни! Создал семью — а если нет, я скажу тебе: погоди еще! Потому что ты говоришь: «Я даже семьи и той не создал!» — и тебя тут же, прямо тут же охватывает горечь, и ты находишь, о чем поплакаться. Нет, дитя мое, нет, не плачься! Даже самую большую проблему, имеющуюся у тебя, ты можешь увидеть по-другому и опять же утешиться духовно.

Ты скажешь мне, что это психологический трюк, но это не психологический трюк, а подспорье нашему уму, сердцу, мышлению, когда мы меняем свои помыслы, чтобы изменился наш взгляд на жизнь.

Однажды мне позвонил монах со Святой Горы Афон, он жил в каливе, но у него был телефон. Под каливой я подразумеваю, что у него не было электричества, света, холодильника — стояла одна дровяная печь, а светил он себе свечами и керосиновыми лампами. И он позвонил мне, чтобы сказать, что печка его засорилась и дым стал валить прямо в комнату:

— Я открывал окна, но оттуда врвался холод, а их надо было открывать, чтобы вышел весь этот дым и вонь. Я чуть не задохнулся! И пока я сокрушался, отсиживаясь в библиотеке (вот как изменился его помысл, и он увидел все в лучшем свете), мне на глаза попался старенький журнал с фотографиями измученных детей в Сомали и Эфиопии. И тогда я понял, что со мной ничего страшного не произошло, у меня все хорошо! Пусть печка и засорилась, а комната пропитана дымом и сажей и сам я чуть не задохнулся.

На то, что он считал трагическим, тот же самый человек, немного изменив свой помысл, взглянул по-другому и сказал: «Слава Богу! Мы не мучаемся, как те, кому нечего даже поесть и попить, кто умирает каждый день и у всех на виду лежит на дороге, как эти мертвые дети».

Все это вопрос нашего внутреннего настроения. Твои глаза должны научиться видеть светлые тона в жизни, а не прилепляться безысходно к черному, серому. А ты именно туда и тянешься постоянно, и тебе хочется жаловаться,

ныть, роптать по любому поводу. Да не делай ты этого! Если, конечно, тебе все это не нравится.

Если же тебе это нравится и придает какой-никакой смысл твоей жизни, ты говоришь: «Мне нравится быть постоянно таким, чтобы другие меня жалели, носились со мной как с измученным, исстрадавшимся человеком, жертвой суровой жизни!» Ну что же, если ты считаешь, что твое предназначение и задача в этой жизни — постоянно жаловаться, тогда ладно. Но только я не думаю, что Бог дал тебе жизнь для того, чтобы ты все время утопал в ропоте, скорби и жалобах. Встряхни свой ум, подними немного голову и скажи: «Нет! Все не так, я буду смотреть на это по-другому!»

Итак, ты совершил большие дела в жизни, например создал семью. Разве этого мало, чтобы возрадоваться?

Ты скажешь: «А что я представляю пред Богом?» Что представишь? Свою семью. «Но я же не веду духовной борьбы!» А разве это не духовная борьба? «Но я же не хожу в церковь к семи часам, как вы». Ну, это понятно, что ты не можешь пойти туда к семи, так же как и я не просыпаюсь в шесть, чтобы приготовить завтрак и в семь отправиться на рынок, как делаешь это ты. Мы не можем все делать одно и то же. Но Бог и Его благодать, любовь и помощь тем не менее посещают и твои дела, Божия благодать проходит через твои руки и наполняет твой дом и твои занятия.

Одна мать сказала мне:

— Да что я такого делаю? Ничего не делаю. Жизнь пролетает день за днем, а я встаю с утра, готовлю завтрак для мужа, детей, отправляю их в школу, кладу им в сумки бутерброды, затем отправляюсь на рынок, делаю покупки, захожу в банк, чтобы оплатить какие-нибудь счета. Потом

возвращаюсь домой и начинаю убирать, вытирать, готовить, стирать одежду, гладить рубашки. А что я в итоге делаю? Ничего! Вот так и прошли мои годы.

— Так, да не так, — сказал я ей. — Все, что ты сказала, — разве это не важно? Не существенно? Но только знаешь, в чем проблема? В том, что ты не делаешь этого от сердца, и твоя жизнь поэтому не получает смысла. Эти занятия надоели тебе, потому что ты не стараешься почувствовать в них что-то важное.

В самом деле, если ты живешь машинально и постоянно делаешь эти действия формально, монотонно их повторяя, не радуясь им, не любя, не видя в этом никакой красоты и качества, — тогда это действительно тяжело и изматывает. Тогда тебе действительно хочется бросить все и положить этому конец. А если ты делаешь это с любовью, если, когда режешь хлеб, чтобы сделать бутерброд ребенку, скажешь: «Скоро этот хлебушек, который я держу, войдет в его тельце и станет плотью моего ребенка. Этот хлебушек станет его плотью. Этот хлебушек... Боже мой, сделай, да будет он ему во здравие!»

Вспоминаю блаженную Матрону, что в России. Люди шли к ней, а она осеяла крестом и благословляла воду и подавала им эту благословленную воду из своих рук. Так что же делала эта святая душа? Она осеяла крестом воду — родниковую, не святую воду, — а поскольку делала это с такой любовью, всем сердцем и с молитвой, то давала им обычную воду, а происходило чудо. Людям становилось легко на душе, и они чувствовали, что эта женщина совершает те же движения, что и все, но только совершает их с благодатью, любовью, из любви к Богу и ради спасения всех.

Позволь мне прочитать тебе кое-что, что я вычитал на одной стене. Там было написано: «Или любовь, или ничего!» Скорее, там было написано так: «Любовь или ничего!» То есть жизнь стопорится, если у тебя нет сильного желания, любви и радости. Здесь я имею в виду любовь в том смысле, что, что бы ты ни делал, надо вкладывать туда все свое сердце, желание и любочестие, и тогда твоя жизнь будет прекрасной.

Вот сейчас, например, я веду эту передачу. Если я не хочу, если не могу, если мне трудно жить, если у меня нет желания говорить, то я не смогу этого делать. Важно начинать свой день и делать то, что тебе нравится, чтобы оно было тебе приятно, и ты говорил: «Это наполняет мою душу, доставляет мне удовлетворение, я делаю это с большим желанием!»

Удивительно, что Бог присутствует в этих вещах, кажущихся нам прозаичными, банальными: хлебushке, бутербродах и глажке рубашек. Да, Бог — во всем этом. И горе нам, если мы верим в Бога, изолированного где-то на облаках и занимающегося нами только на святой литургии, на богослужениях да еще в минуты, когда мы встаем перед Его иконой, чтобы что-нибудь сказать. Бог — это наше дыхание, Он в нашем дыхании, в нашем сердце, которое бьется, в нашей крови, которая циркулирует, в нервной системе, которая приводит в движение наше тело. Бог всюду и покрывает все. Поэтому надо видеть и ощущать Бога всюду в своей жизни. Этого не мало.

Кто-то сказал мне:

— Я шел в церковь, слушал вас по дороге, и мне потом было там так хорошо.

Но Бог — Он и до того, как ты войдешь в церковь. То есть ты думаешь: «Сейчас я иду в церковь, чтобы встретить там Бога». А до этого что ты встречаешь? Ничего? Пустоту? Хаос? В твоей власти, если хочешь, ощущать присутствие Бога и в тот час, когда поднимаешься по ступеням, чтобы войти в храм, и до того, как вообще туда направляешься: у себя дома, в машине, всюду. Это богословие жизни, дел, переживания.

Иногда Бог находится там, где ты и представить себе не можешь. Ты думаешь, что найдешь Его где-нибудь, а там Его не находишь. Почему? Потому что ты не идешь туда подготовленным всей своей жизнью, а идешь, словно с какой-нибудь волшебной палочкой, и говоришь: «Раз я туда пошел, то теперь уж почувствую все!» Да не почувствуешь ты всего. Этим надо было жить и раньше, в другом месте, надо было ввести Бога во всю свою жизнь: в трапезу, сон, постель, баню, кухню, офис, библиотеку, сад, в самые сокровенные и личные моменты своей жизни, когда ты размышляешь, плачешь, любишь, молишься, радуешься.

А с того момента, когда ты почувствуешь это, в твоей жизни уже не будет дня, который не был бы превосходным и хорошим. Со скорбями, искушениями, опасностями — однако мы возьмем все это, эти помыслы, изменим их и взглянем на жизнь так, как Христос на нее смотрит и как Он сказал, чтобы мы смотрели на нее: *любящим Бога все содействует ко благу* (Рим. 8, 28), т.е. все приводит к хорошему результату.

(Перевод с болг. Станки Косовой)

Содержание

БЫТЬ С БОГОМ	3
НУЖНО УБРАТЬ ЗОНТИК, КОТОРЫЙ МЫ ДЕРЖИМ НАД ДУШОЙ	19
ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ ЗАТРУДНЯЕТ ПУТЬ КО ХРИСТУ	31
«ПОЧЕМУ ТЫ РАДОСТЕН?» — «ПОТОМУ ЧТО ОН СУЩЕСТВУЕТ!»	46
О ГЛАВНЫХ ПРИЗНАКАХ ПРАВИЛЬНОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ	52
МЕСТО, ГДЕ НАС ЛЮБЯТ И ПРИНИМАЮТ	55
МЫ ПРОХОДИМ МИМО СВОЕГО СПАСЕНИЯ	63
ЛЕКАРСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА	68
КУШАЙ, А ТО ДЕДУШКА ТЕБЯ НАКАЖЕТ!	72
ТЫ ХОРОШИЙ, НО ТЕБЯ НАДО ПОДТОЛКНУТЬ.	78
НАУЧИСЬ ЛЮБИТЬ.	86
ХРИСТОС — ЭТО СВОБОДА!	89
Я не выношу, когда на меня давят	89
Стать распахнутым объятием.	105
МЫ НЕ ВЫНОСИМ СЧАСТЬЯ	111
Благодарю!	111
О наших больных душах	124
ДОВЕРЬ БЛИЗКИХ СВОИХ ХРИСТУ	132
Кто тебя поставил спасти мир?	132
Самая хорошая проповедь	139

Содержание

ПОСТИШЬСЯ НЕОХОТНО?	147
ВКУСИТЕ И УВИДИТЕ, КАК БЛАГ ГОСПОДЬ	152
ПРАВОСЛАВНЫЙ ПО ВЕРЕ, ЕРЕТИК ПО ПОВЕДЕНИЮ. . .160	
ЛУЧШЕ МОЛОДЕЖЬ ОСТАВИТЬ В ПОКОЕ И ОКРУЖИТЬ ЛЮБОВЬЮ.	184
(НЕ) ХОЧУ В РАЙ	188
РАДОВАТЬСЯ С РАДУЮЩИМИСЯ	198
Слово о мытаре и фарисее	198
СТАНЬ ВСЕМ ДЛЯ СВОЕГО РЕБЕНКА, ВДОХНОВЛЯЯ ЕГО НА ПЕРЕМЕНЫ	204
О ВЕЛИКОЙ ТАЙНЕ МОЛОДОСТИ И ЖИЗНИ.	211
НОВОЕ НАЧАЛО.	219
«Доброе утро, Христе мой!»	219
Настроимся на Божественную частоту.	229
ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ИЗ ЖИЗНИ УДАЛЯЮТ ХРИСТА . . .241	
«Если бы тебя слышал Платон...»	241
«Где вообще Бог?»	250
«Ты хочешь выключить Свет миру?»	261
БОЛЬ	270
Наша душа нуждается... в боли	270
Измени свой взгляд на жизнь	281
ПОПРОБУЙ ЛЮБИТЬ ВРАГОВ — И БУДЕШЬ СПАТЬ СПОКОЙНО НОЧЬЮ	291
ЧЕМОДАНЧИК, ПОЛНЫЙ БЛАГОДАРНОСТЕЙ.	293
МЫ ЗАМКНУЛИСЬ И ЗАКОСТЕНЕЛИ	303
ВОСПОЙ ГЛАСОМ РАДОСТИ	307

Духовно-просветительское издание

Архимандрит Андрей (Конанос)

Христос – это свобода!

Редактор • *Т. А. Никольская*

Обложка • *С. Ю. Губин*

Верстальщик • *М. Ю. Родионов*

Корректор • *Н. Н. Родионова*

Технолог • *М. Ю. Мыскин*

Формат 60 x 90/16. Объем 20 п.л. Тираж 10 000 экз.

Бумага писчая. Печать офсет.

Подписано в печать 05.02.2019. Зак. № 1903250

Отпечатано в полном соответствии
с оригинал-макетом издательства

arvato
BERTELSMANN

Сретенского монастыря

в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»

Адрес типографии:

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Адрес издательства:

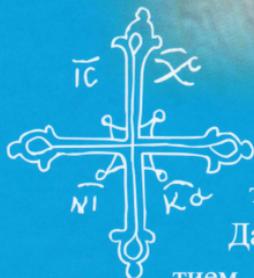
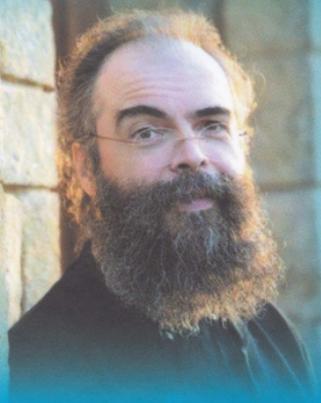
107031, Москва, ул. Б. Лубянка, 19

Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com

Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46

Книжная торговля Сретенского монастыря:

(495) 621-86-40, (495) 628-82-10

Можно долго ждать, чтобы свершилось то, чего хочешь, но только без нажима. Давайте и мы станем распахнутым объятием, и как Бог к нам относится, так и сами будем относиться к другим: возлюбим, примем свободу другого, простим его и будем ждать.

Люди вокруг изменятся, и произойдет то, чего ты хочешь, я в это верю. Если это действительное и реальное желание твоего сердца, заслуживающее того, чтобы его пережить, тогда ты это переживешь! Только надо стать распахнутым объятием и ждать, как это делает Христос.

Архимандрит Андрей (Конанос)

Издательство
Сретенского монастыря